

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

«ЗАСЛАННЫЕ КАЗАЧКИ»



Самозванцы из будущего

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака» и «Попаданец» на троне»! Что будет с нынешними «ряжеными» казаками, окажись они в прошлом, в кровавом аду Гражданской войны? Сегодня они величают себя «хорунжими» и «атаманами», щеголяют в казачьей форме, с тупыми шашками и самодельными ногойками, но в народе их окрестили «асфальтовыми» казаками, а настоящие станичники считают самозванцами, которые не умеют ни ездить верхом, ни толком стрелять, не говоря уж о владении клинком. И вот пара таких «ряженных» проваливается в Даурию 1920 года, в самое пекло Гражданской войны, – сначала к красным, прямиком в пыточную ЧК, потом к белым, которые сразу распознают в «попаданцах» «ЗАСЛАННЫХ КАЗАЧКОВ» и норовят поставить к стенке, а затем и к легендарному барону Унгерну, за беспощадность получившему прозвище «Даурский ворон», – он любит слушать по ночам крики пленников, закопанных в степи по шею на съедение псам-людоедам...

- [Герман Романов](#)

-
-
- [Пролог. Тункинская долина, Республика Бурятия](#)
- [Часть первая. «На той единственной, гражданской»](#)
 - [Глава первая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава вторая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава третья. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава четвертая. Родион Артемов](#)
 -
 - [Александр Пасюк](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава пятая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава шестая. Александр Пасюк](#)
 -

- [Родион Артемов](#)
- [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
- [Глава седьмая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
- [Глава восьмая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
- [Глава девятая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
- [Глава десятая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Секретарь Особого отдела 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Полина Шверницкая, по мужу Бычкова](#)
- [Глава одиннадцатая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Нукер Хубсугульского дацана Булат-батыр](#)
- [Глава двенадцатая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
- [Часть вторая. «Тункинский волк»](#)
 - [Глава первая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Секретарь Особого отдела 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Полина Шверницкая, по мужу Бычкова](#)
 - [Глава вторая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава третья. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой](#)

дивизии Пахом Ермолаев

■ Глава четвертая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Бывший атаман Никольской станицы вахмистр Алексей Бобков

■ Глава пятая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Бывший атаман Никольской станицы вахмистр Алексей Бобков

■ Глава шестая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Бывший атаман Никольской станицы вахмистр Алексей Бобков

■ Глава седьмая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

■ Глава восьмая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Секретарь Особого отдела 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Полина Шверницкая, по мужу Бычкова

■ Глава девятая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

■ Глава десятая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Нукер Хубсугульского дацана Булат-батыр

■ Глава одиннадцатая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

○ Часть третья. «Даурский ворон»

■ Глава первая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Начальник Полевого штаба РККА Борис Шапошников

■ Глава вторая. Александр Пасюк

■

■ Родион Артемов

■ Начальник Полевого Штаба РККА Борис Шапошников

■ Глава третья. Александр Пасюк

- - [Родион Артемов](#)
 - [Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава четвертая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава пятая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев](#)
 - [Глава шестая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Начальник Полевого Штаба РККА Борис Шапошников](#)
 - [Глава седьмая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Нукер Хубсгульского дацана Булат-батыр](#)
 - [Глава восьмая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Нукер Хубсугульского дацана Булат-батыр](#)
 - [Глава девятая. Александр Пасюк](#)
 -
 - [Родион Артемов](#)
 - [Нукер Хубсугульского дацана Булат-батыр](#)
-

Герман Романов

«Засланные казачки». Самозванцы из будущего

©Романов Г., 2013

©ООО «Издательство «Яуза», 2013

©ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Выражаю признательность Павлу Александровичу Новикову, доктору исторических наук, профессору ИрГТУ, своему давнему научному соавтору, без помощи которого вряд ли бы удалось написать романы «Спасти Колчака» и «Спасти Каппеля»

Посвящаю «ряженым казакам» с надеждою, что они перестанут быть таковыми

Пролог. Тункинская долина, Республика Бурятия

(18 марта 2012 года)

*Все лица и события есть
плод авторского воображения.
Любое сходство совершенно
случайное совпадение.*

– Не май месяц, как бы нам не обморозиться! Вьюга-то какая разыгралась! Как ты думаешь, Сан Саныч?!

Молодой парень, лет двадцати, может, чуть больше, ибо пушка на лице еще бритва не касалась, весело отплясывал на весенних, чуть грязноватых проталинах, уже прилично засыпанных все прибывающим снегом: кирзовые сапоги, пусть и с шерстяными носками, не самая лучшая для этого времени года обувь.

Хоть уже и прогревает днем весеннее солнышко, да только ночи самые что ни на есть зимние, с ледящим душу студеным, звонким звездным небом, и ласковая оттепель в любой момент по причудливой прихоти погоды может смениться на метель и мороз.

– Вот ведь, мать ее, весна называется! Двенадцать месяцев зима, а остальное лето... Как там поется?

Он, пожившись, поднял воротник серой парадной офицерской шинели уже полузабытых советских времен. Вопрос, явившийся риторическим, был, словно в подтверждение слов, подхвачен и унесен очередным порывом снежного ветра.

– Ну и хиус! Не зря небо с утра морошное было...

– Че-е-го?! Ты говори по-русски-то! Никак не могу до сих пор привыкнуть к твоим словечкам!

Молодой забубнил, все глубже кутаясь в продуваемую насквозь шинель, продолжая громко топтать сапогами.

– Слышь, Сан Саныч, заправь мне папаху под воротник, а то дуёт в уши и за шкурку сыплет!

– А ты не у́хами слухай, а уха́ми, тогда и поймешь! Деревня! Не дуёт, а дует! Сколько вас ни учи...

Второй, более зрелых лет – под сороковник, никак не меньше, а то лет на пять и больше, со стриженной бородой, так дернул за воротник шинели, что парень покачулся:

– Хиус, говорю, дует!

– Угу!

Молодой замычал, соглашаясь. Потоптавшись, он попытался встать по ветру, но безжалостные порывы кружили белую мерзлую карусель всюду, находя малейшие возможности, чтобы забраться в рукава, за воротник или еще куда, пробирая холодом до дрожи.

– Ты где папаху-то брал, паря? – Тот, что постарше, поправил свою, добротную, шитую из старого овчинного полушубка. – Говорил я тебе, справу у меня покупай! Как для себя сшил бы тебе и грошей бы скинул немного... – он прищурился, прикидывая, – добре бы скинул! Вот стой теперь, мерзни!

– Сам шил! Меха стоит, как сбитый Боинг, – он покачал головой, – две с полтиной тыщщи заплатил! Хороший мех, искусственный итальянский, под овчину...

Молодой отчаялся уже бороться с ветром и просто нахлобучил папаху на глаза. Громко шмыгнув, он втянул голову в плечи, поближе к поднятому воротнику шинели, отчего на

растерзание ветру остался один несчастный нос, под которым уже предательски поблескивали замерзшие сосульки.

– Ну-да, ну-да! Вот все вы такие и есть, – Сан Саныч поморщился, – искусственные... Дурак, говорю! Моя-то – натуральная, из овчины! Как раз на тебя кусок-то и остался! Потом бы, Родя, и расплатился!

– Ага!

Родион от обиды аж вытянул шею, но тут же снова скукожился, получив щедрую порцию ледяной крупы в найденный ветром промежуток между шеей и воротником.

– Не зря тебя, Пасюк, побить хотели! Я тебе еще за сапоги и за, – он натянул папаху, полностью скрыв даже нос, – шинелку должен! Так здорово ты мне цену по-свойски скинул, что с твоей скидкой я почти в полтора раза дороже, чем в другом месте бы взял! А папаха твоя вообще бы для меня на вес золота вышла...

– А ты найди сперва другое место! Вот то-то же! Сам же говоришь, папаха была бы хороша, ну какие тогда разговоры за деньги? Ну а это фуфло и папачой назвать сложно!

Сан Саныч придиричиво оглядел ярко-желтый, кислотно-ядовитого цвета шлык с перекрестием блестящих золотого отлива ленточек.

– А шинель? Я бы тебе все и пришил, за гроши-то! И папаху купил бы, не пожалел...

– Угу!

Только и оставалось снова промычать Родиону, соглашаясь с Пасюком, одетым не в пример теплее его: высокие монгольские сапоги с собачьим мехом, злосчастная овчинная папаха, теплый, из рыжей верблюжьей монгольской же шерсти башлык, надежно защищавший шею, в отличие от его синтетического шарфика.

Даже щегольская, черная бекеша Пасюка, являвшаяся объектом всеобщей зависти, выглядела теплее и основательнее, чем его хлипкая шинелька. Правда, невдомек Родиону было, что сие произведение искусства было состряпано рукастым казаком из найденного на помойке старого пальто, выброшенного неизвестным хозяином или даже хозяйкой, за полной негодностью, давностью лет и переменчивостью моды, о чем, естественно, Пасюк предпочитал не распространяться.

На бекеше чудно смотрелся искусно пошитый, опять же, Пасюком башлык, концы которого сейчас были закинута за широкую спину, но не засунута под офицерский ремень – традиция, по которой всем должно быть видно, что казак гулеванит.

Вся остальная фурнитура его обмундирования была, в большинстве своем, сделана, опять-таки, самолично и с большой тщательностью. На плечах Пасюка были аккуратно пришиты погоны с четырьмя звездочками подъесаула реестрового казачьего войска, ибо дополнялись соответствующими эмблемами в виде скрещенных шашек белого цвета (казаки, входившие в Союз казаков России, старались использовать для этой цели маленькие золотистые императорские короны). На рукавах имелись самодельные «романовская» императорская нашивка принадлежности к монархическим взглядам и совершенно неуставной шеврон с черепом и перекрещенными костями, которые являли собой «Адамову (или «мертвую», как она часто именовалась в обиходе) голову».

Довершала картину маслом висящая на портупее бравая кавказская шашка, размером чуть ли не в половину роста невысокого, или, как говорят в таких случаях, коренастого, а чаще, мал клоп да вонюч, Пасюка. Что им двигало, когда он выбирал себе сие оружие, неизвестно. Видимо, все же прав был старина Фрейд, рассуждая о приоритетах размеров и мужских сублимаций, с ними связанных...

Тем не менее эта шашка производила на Родиона неизгладимое впечатление отчасти и потому, что у него, во-первых, вообще никакой не было – покупка была не из дешевых.

Одно утешало: сегодня, пусть и на время, у него была шашка – как дали ему на сохранение перед «культурной программой», так и не забрали. Родион даже ночью не снял ее: жалко, хозяин проспится, шашку назад потребует, а так – немного и ему поносить досталось, почувствовать приятную тяжесть, оттягивающую правое плечо.

Во-вторых, шашка Пасюка привносила в его образ некий колорит, добавлявший в глазах Родиона еще больше уважения и тайного трепета перед настоящим, с его точки зрения, казаком.

Правда, что такое этот настоящий казак, Родион для себя, по причине своего недавнего вступления в славные ряды иркутских казаков, пока еще не определил, но пример для подражания перед его глазами уже имелся, и какой!

А на груди у Пасюка!

Еще один недостижимый пока образчик идеала: сплошь, что называется, первая часть народной мудрости, которая про грудь в крестах! В четыре ряда «иконостас» казачьих медалей закрывал в некоторых местах даже пуговицы.

Чего тут только не имелось, проще было сказать, чего тут не было, но это не мог бы сделать даже сам Пасюк, ибо современная казачья геральдика сводилась к принципам: «А почему бы нам, братья-казаки, не сляпать медальку, а чему ее посвятить, потом придумаем!» и «На тебе, казак, носи за то, что ты – казак!», поэтому все попытки систематизации несчетного числа современных казачьих наград неизбежно заходили в тупик.

Однако надо было отдать должное, Пасюк не опустил, как некоторые, до банальной покупки старых, дореволюционных и времен Гражданской войны, наград с последующим навешиванием на могучую грудь!

Это уподобление обвешанным блестящей мишурой новогодним елкам вкупе с не меньшей экстравагантностью поведения и тягой отнюдь не к прекрасному, а к бутылке, свойственные современному российскому казачеству, давно получило у обывателей презрительное наименование «асфальтного или ряженого воинства», а равно «кошачье-собачье войско».

Сегодня же Пасюк очень сильно удивил Родиона: он надел всего лишь три награды.

«Понимаешь, не поймут меня местные! стыдно перед ними: они-то, как мы, к казачеству по-другому относятся... Совсем по-другому, чтобы тут Тузиком выставочным, таким кобелем-производителем, премированным гарцевать, позвякивая на каждом шагу! Да и вообще, тошно мне...»

Отчего и почему «тошно», Родион так и не понял, но решил все-таки выяснить, но потом, в более подходящее время.

Сейчас же, отбивая зубами чечетку, Родион проникся осознанием того, что форма современных казаков была слишком блестящей и красочной, предназначенной в основном для постановочных народных гуляний, чего не скажешь о месте и времени, в котором они с Пасюком сейчас щеголяли.

Так вот, исходя из всего перечисленного, вид бравого Пасюка неизбежно привел Родиона в уныние. Желтые петлицы шинели, судя по степени износа, нашли в его лице явно не первого владельца, благо приобретены им были по очень сходной цене и являлись плодом кустарных трудов очередного казачьего народного умельца, с заточенными под известно что руками, и также криво были пришиты, но уже самим Родионом.

Погоны приходились под стать петлицам: потертые, выцветшие, серебряные, с одинокой звездочкой подхорунжего (но с дырками еще под три – «на вырост») на желтом просвете, через который проступала кое-где нездоровая краснота – изначальная расцветка погона была самолично замазана «штрихом» и покрашена фломастером.

Эти погоны напоминали ему старые стоптанные синие сандалии, в которых словно выросла вся деревня у бабушки, куда его отвозили на лето к родне на каникулы, и доставшиеся, наконец,

Родиону.

– Эй! – увесистый хлопок по спине вывел из минутной задумчивости. – Замерз, чего ли? Не бойсь, Родя, прорвемся! – Пасюк потряс Родиона за плечи. – Ни хрена не обморозимся, коли для сугреву имеется!

Он выудил из-за пазухи початую бутылку водки:

– Давай доставай из кармана закусь и стаканчики!

Однако Родиону сделать это было не просто: теплые вязаные варежки лишали возможности разделить крепко слипшуюся от влаги пластиковую тару. Эти варежки, что остались трофеем от недавней пассии, покинувшей его на прошлой неделе в поисках более состоятельного и щедрого спутника жизни, с розовым узором и легкомысленными помпончиками, Родион Артемов прятал в кармане и никому не показывал, дабы не вызвать насмешек в свой адрес.

Но тут припекло – перчатки для форса в самый раз, но тепло держали плохо, а нарастающий по вечерней поре морозец диктовал свои условия. Так что, воленс-ноленс, пришлось надевать «трофей», дабы не обморозить нужные для работы пальцы, ибо давить на клавиши аккордеона красными пострадавшими «сардельками» то еще удовольствие...

– Не могу, Саньч, давай сам! Без варежек вообще кончу пальцы...

Варежки скользили по поверхности стаканчиков, а приложенные усилия грозили смять хрупкий белый пластик и оставить их без тары хлебать по очереди из горла.

– Ну, ничего вы, молодежь, не можете сами!

Пасюк стянул зубами теплые овчинные перчатки, сунул их под мышку, разделил стаканчики и протянул их Артемову.

– Держи уже, да смотри, не вырони!

Это предложение было очень кстати: вокруг быстро наступала темнота, погода стремительно портилась прямо на глазах. Прямо сплошной стеной пошел снег, падая густыми хлопьями, моментально закрыв из виду трассу, по которой проносились с надсадным ревом терзаемых двигателей редкие уже к ночи автомобили.

Водители явно спешили добраться в Аршан до наступления ночи, а созерцание этого еще больше приводило двух казаков в уныние, рассеять которое не помогала бутылка «Ангарских огней», вкупе с початой упаковкой колбасы, задубевшей в вакуумной нарезке в ожидании покупателя (местные плодами современной колбасно-сосисочной промышленности не увлекались, предпочитая домашнее мясо).

До поселка было идти недалеко, по сибирским меркам, часа на полтора резвого хода, если кто не подбросит на попутке, но приятели решили остаться караулить машину, пока водитель сходит за бензином, который закончился как раз не вовремя, потому как после получасового голосования с шлангом и пустой канистрой так никто и не остановился. Времена нынче не те, измельчала человеческая добродетель!

Бросать машину и идти вслед за водителем пока еще имелась возможность, и снег не разошелся вовсю, казаки не захотели: топтать белыми ноженьками пять с лишним километров им было лень.

Пасюк щедро разлил водку по пластмассовым стаканчикам, надежно прикрывая их широкой спиной как от разбушевавшегося совсем некстати ветра, так и от снежных хлопьев, что немилосердно запорошили их белым покрывалом.

– Разгулялась погодка, иттить ее налево! Кто ожидал, что всего за четверть часа разверзнутся хляби небесные!

Казаки дружно выпили, кхекнули, занюхали сивушный запах местного «самиздата» маленьким сухариком по очереди, выловили из пачки по маленькому тонкому кусочку колбаски.

Все как всегда – водки много, а закуски взять никто не удосужился. Так и желудок посадить можно с этими казачьими праздниками!

– Что делать будем, Сан Саныч?! Метет сильно, пора нам к машине подаваться...

– Тут склон нас защищает от ветра, сосны от снега! Замерзнем мы там, бензина-то нет. Водила до утра уже не вернется, что он, дурак что ли? Куда же он смотрел? Сразу по морде видно было, что просит у него кирпича...

– Ну, морды у нас у всех после вчерашнего кирпича просят!

Родион зябко подернул плечами, прогоняя тошноту, накатившую от воспоминаний о вчерашней пьянки.

– Видать, думал, до места дотянем... Давай, хоть чуток бензинчика сольем, что-нибудь там ведь осталось? Хотя... – он замешкался, – костер здесь не разожжешь! Ты же сам мне говорил, что у бурятов есть здесь священные места! Голову даю на отсечение, что местные этот вулкан священным местом почитают, могут накостылять по шее за огонь-то...

– Сами им накостыляем! У нас револьвер и две шашки! Мы плювать хотели! Когда замерзнем, тогда запалим. Деваться некуда будет – жизнь она дороже всяких там запре...

Договорить Пасюк не смог, закашлялся. Природа словно обиделась на такие слова – снежный заряд, свирепо брошенный ветром, залепил ему лицо. Отерся рукавом, сплюнул.

– Ты прав, Родя. Пошли к машине, иначе нас здесь ветром своротит, хрен поднимемся! До этой колымаги полста метров – от камня строго вперед. Хотя, – он помахал рукой, словно надеясь разогнать, как надоедливых мух, белые хлопья, застилавшие все вокруг, – ее уже не разглядеть! Не нравится мне эта погода, только бутылку почали, как снежная буря накрыла. Не к добру!

– А ты бы побрызгал, на камень бы водки полил, Бурхана уважил...

– Щас! – Пасюк оборвал Родиона. – Я всех этих ламаистов-шаманистов знаешь, где видал? Развели тут священные пни и рощи: ленточки привязывать, монетки разбрасывать! Водки и так самим не хватает! Вот еще! Шиша вам с маслом!

Он погрозил кулаком в пустоту навстречу завывающему ветру.

– Истинный крест. – Размашисто перекрестившись, казак продолжил: – Ложил я на эти суеверия! Ну, ладно, пошли, брат, ты прав, а то до ушей скоро заметет!

– Не видно ни зги, Саныч! Выужит-то как! – Родион вздохнул боязливо, но добавил уже решительным голосом: – Надо идти, в машине уютней в такой буран, по крайней мере, ветра нет. Да там и одеяло есть, укроемся. Да, там еще горелка есть с сухим спиртом!

– Тогда живем! Греться будем, и выпить еще есть!

Казачи переглянулись, и молодой решительно двинулся вперед. Пурга, внезапно свалившаяся на их головы, была плотной – уже в трех метрах стояла белесая пелена. К тому же приходилось прикрывать лицо рукавом – колющие льдинки били больно, царапая кожу, зато ветер оказался попутным и живо толкал их в спины.

Идти было относительно легко – сугробы давно осели, растопленные весенним солнышком, образовался твердый наст, на который можно было спокойно ступать.

– Что за хреновина?!

Через минуту Пасюку стало ясно, что они выбрали неправильное направление – покоцанной «семерки» не было.

– Где машина-то?!

– А шут ее знает! – Родион выглядел не менее обескураженным. – Никак мы не туда пошли?!

– Ветер сбил, – говорить было трудно, и подьесаул прикрыл лицо рукою. Глаза почти ничего не видели в снежной мгле. – Надо обратно поворачивать, под соснами легче будет

пересидеть буран! А то в степь уйдем, а там намного хуже придется!

– Так пошли!

Родион почти кричал, в голосе чувствовалось напряжение – он в такую передрагу еще ни разу не попадал в жизни. Но то был еще не страх – через четверть часа казаков объял самый настоящий ужас. До крутого склона потухшего вулкана со спасительными соснами они так и не добрались, еле продираясь через сильные порывы ветра.

– Хана нам, Родя-а-а! – неожиданно прокричал прямо в ухо молодому казаку Пасюк, крепко держа того за ремень – иначе бы приятели давно потеряли друг друга.

– Мы, кажется, заплута-а-а-ли! А мороз крепчает, ночь уже!

– Ой, мамочки... Вот и сходили мы с тобою выпить водочки на природе...

Часть первая. «На той единственной, гражданской»
(март 1920 года)

Глава первая. Александр Пасюк

– Держись, Родя, держись, иначе хана! Замерзнешь, казак!

Он сильно тряхнул парня за шинель, но тот только промычал в ответ, расслышать что-либо в воющем ветре стало совершенно бесполезным делом, да и его самого уже охватывало отчаяние от полной безнадёги – заблудиться в буране и так бестолково погибнуть!

Хотя от их машины, в какую сторону они ни пошли бы, через несколько километров обязательно должны были наткнуться на жилые дома: дорога от Тунки до курортного поселка Аршан буквально забита придорожными селениями. Здесь, на двадцатикилометровом отрезке проживает большая часть двадцатитысячного населения живописной горной долины, «Байкальской Швейцарии», как ее называть стали еще с позапрошлого века.

Раньше Пасюк читал, что именно в таких вот свирепых буранах и гибли зачастую чуть ли не в десяти метрах от жилища, и не верил написанному, посмеивался: иди прямо в любую сторону и обязательно выйдешь к людям, и никак иначе.

Как бы не так!

Сейчас он на собственной шкуре убедился, каким убийственным бывает ветер, как запорашивает глаза снежная пелена, и понял, что правы те, кто писали, что раньше в буран замерзали в Тунке целые отары овец вместе с чабанами. Да и как идти прямо, если ветер кружит, ежесекундно и сам, меняя направление, сбивает с ног несчастных путников.

– Родя, да что же ты!

Парень в полном бессилии только головой мотал – пара часов блужданий по кругу совершенно его вымотали, а теперь мороз окончательно довершал черное дело.

Если хотя бы на мгновение присесть на снег, ища укрытие от буйного ветра, то смерть неслышно подкрадется к человеку – вместо лютого холода в теле станет тепло, а потом накинёт свое покрывало последний в жизни сон.

Проклятый ветер! Если бы не он, то можно было бы найти дорогу к спасительному жилищу.

– Мать твою!

Пасюк достал из кармана телефон, нажал на кнопку – экран засветился, но «палок» не было. Видно, сотовая связь отключилась: или буран помехи поставил, или вышки обледенели.

И как назло, морозец продолжал крепчать – пальцы, даже в овчинных перчатках почти задеревенели. И еще мучительно хотелось курить, но не на таком же ветру прикуривать?!

– Твою мать! Не за понюшку табака сгинуть можно!

Александр последним усилием поставил Артемова на ноги, сделал несколько неуверенных и тяжелых шагов, будто войдя в какую-то пустоту, и непроизвольно ахнул – впервые леденящие кровь порывы снежного бурана не пронзили бекешу насквозь, а превратились в весьма слабый ветерок.

Внутри звенящим весенним колокольчиком сразу воспарила ликующей радостью душа – либо буран спал, либо...

– Мы спасены, Родя, мы спасены!

Нет, ветер продолжал бушевать кругом, но здесь, именно в этом месте, он значительно терял свою силу. И это могло означать одно – они выбрались к какой-то стене, или дома, или барака, что прикрыла их. Скорее всего имело место второе, ведь в жилищах есть электричество, а значит, свет, а тут тьма такая стоит, хоть глаза выколи.

Заброшенных бараков и полуразвалившихся ферм в Тункинской степи имелось превеликое множество – с распадом СССР повсеместно развалились и колхозы. За два прошедших

десятилетия не то, что брошенные или недостроенные здания, многие жилые дома в живописной горной долине стояли с наглухо заколоченными ставнями.

И ничего было не поделать с массовым исходом жителей в города, особенно молодежи – работы нет, а из всех развлечений для селян, особенно русских, осталась только водка...

Александр, продолжая крепко держать Родиона, уткнулся в стенку из жердей, прикрытых снежным валом. С таким сооружением он уже познакомился в прежних поездках – скотный сарай, что иногда ставили буряты из подручного материала, соблюдая старинный уклад. Хотя сейчас большинство предпочитало пускать в ход доски.

Но даже вот такое убогое творение человеческих рук сейчас показалось ему сказочным дворцом – внутри можно было пересидеть буран, а значит, спасти жизнь, потому со всей оставшейся силою он рванул повисшее тело парня и пошел вдоль стены, ощупывая ее рукою. Через пару метров под ладонью оказалась пустота, вернее широкий проем – ворот в скотнике либо не было, либо ветром сорвало.

Пасюк протащил Родиона через высокий занос, отплевываясь от снега, словно байкальский тюлень нерпа, и тут же облегченно вздохнул, скинув с плеч и души чудовищно тяжелое ярмо в виде отнюдь не детского и даже не отроческого тела и ответственности за него. Внутри строения было относительно спокойно: можно уже не напрягать последние силы, стараясь устоять от ветра.

Достав из кармана телефон, он, стащив зубами перчатку, включил фонарик, мельком глянув на осветившийся экран – связь так и не появилась, и торопливо огляделся, проводя тонким лучом света и ища более-менее защищенное место.

Такое оказалось в самом дальнем углу строения, за высокой кучей складированного кем-то навоза – то ли овечьего, то ли конского, либо всего вперемешку, тут надо разбираться в скотине. Чего Александр, хоть и не был горожанином балованным, но, понятное дело, в темноте, по одному только запаху, не умел.

Зато он знал, что высушенный навоз хорошо горит и дает немалое тепло. Значит, дело за малым – выломать несколько жердей, нарубить, сложить костер и запалить, благо зажигалка в кармане бекеши имелаась, а потом наковырять шашкой естественного топлива из замерзшей кучи и потихоньку подкладывать в пламя, ибо огонь для них сейчас был важен, как никогда, – это жизнь!

Родион Артемов

– Ап-чхи!

Отвратительный запах потянуло в ноздри ядовитой змеею, и Родион чихнул от всей души и очнулся – тело было деревянным, как дите у папы Карло, причем правую нижнюю конечность засунули явно в костер, дабы изготовить чечевичную похлебку.

– И тебе не хворать! – словно со стороны донесся знакомый голос, и ногу перестали терзать болью.

– Ты чего творишь, Саныч? – просипел, шлепая обветренными, потрескавшимися губами, Родион и тут вспомнил все, что с ними приключилось за последние часы.

Он непроизвольно застонал от приступа боли – ступни словно кололи раскаленными иглами.

– Ноги твои кое-как растер, уже думал, что отчищают врачи твои «лапти», как «Настоящему человеку». Оперу такую про него слышал? Гангрена, гангрена, ему отрежут ноги! – жутко фальшивя, пропел Пасюк, и Родиона скривило – его музыкальный слух выпускника престижной московской Гнесинки такое исполнение прямо-таки корежило, как ржавый лист жести на

прохудившейся от дождей и времени крыше.

– Вроде покалывают...

Только сейчас тьма перед глазами чуть-чуть расступилась, и в розоватых отблесках он увидел силуэт приятеля.

– Сапоги свои на тебя надел, паря. Но носки твои сдернул, а то мне свои ноги тоже дороги... – Пасюк закашлялся от дыма, задутого порывом ветра в их сторону, – как память. А ты уж больше «кирзачи» на такие выезды не надевай. Одно дело на Набережной около Царя или у Похабова пофоткаться, а другое... Сам, поди, уж понял! В сугроб засунуть ноги и то теплее будет!

– Ага. Спасибо, – только и нашелся, что сказать в ответ подхорунжий.

В городе унты или теплые сапоги были совсем ни к чему, действительно, казаки приезжали на мероприятия, устраиваемые войском, на своих машинах, многие вообще «по-гражданке», переодеваясь в форму уже на месте. Да и эти самые мероприятия происходили до чрезвычайности редко и нерегулярно. Казаки присутствовали, так, разве что покрасоваться на 9 Мая или на устраиваемых чиновниками псевдонародных гуляниях с привлечением реестровых в качестве колоритного антуража, как в последние разы, что он участвовал: около памятника Александру III на День города, да на открытии памятника основателю Иркутска атаману Похабову.

Понятно, что под цивильное у него имелись теплые спортивные ботинки, но их же не наденешь под шинель с лампасами!

Напрасно тратить деньги на дорогое зимнее обмундирование, одеваемое к тому же пару раз за сезон, без того достающиеся нищему музыканту полуплеального стриптиз-бара с превеликими трудами, он не хотел. Это раньше «капуста» текла живым ручейком, но грянул кризис, и большинству завсегдатаев стало не до лицезрения женских сисек, а, соответственно, это ударило по карману не только стриптизерш, но и услуги – и его, как музыканта, и Пасюка, что тоже трудился на «горячем производстве» в качестве охранника.

– Спасибо в стакан не набулькаешь! – назидательным тоном произнес Пасюк и цокнул языком – имел такую дурную привычку.

– Так выпили все... – виновато пожал плечами Родион.

Как ни крути, но Пасюк ему ноги спас, иначе бы он их отморозил: перед тем, как «отключиться», уже сам чувствовал, что будто на деревянных чурочках бредет, потому он вздохнул печально и тихо добавил:

– Завтра поутру я тебе в магазине литр лучшей водки куплю, не «паленки»! Обещаю!

«Рубля» полтора выкину... А ведь зарплата у нас только через неделю, в лучшем случае... На что жить буду?! Ладно, как-нибудь перетопчусь, может, кто из клиентов накинёт за музыку? В первый раз, что ли? Билеты на обратную дорогу уже взяли, чего жмотиться?! У меня три штуки в сумке, что в машине оставлена, лежат. Ноги важнее!»

– Да брось ты думать – сам без бабосов сижу!

Пасюк словно прочитал его грешные мысли, и в ладонь тут же ткнулась маленькая металлическая емкость. Родион правильно оценил ее вес и сразу поднял к губам – ноздри уловили приятный запах.

– Ты чт-то, – радостно икнул Родион и шмыгнул покрасневшим носом, – свою кедровку взял?

На душе стало радостно – об изделии Пасюка казаки, отведавшие его кедровки, слагали легенды. Вроде нет ничего сложного – всыпать в банку с медицинским спиртом кедровых орехов до краев, добавить пахучих таежных травок, меда и поставить на две недели.

Настойка получалась просто убойной и знаковой, как лейбл уважаемой фирмы – несмотря

на лютую крепость, пилаась намного легче водки, да, самое приятственное, утром голова не болела, несмотря на литраж принятого накануне.

Некоторые пытались повторить, благо, автор рецепта не скрывал, но получаемое разительно отличалось от кедровки, и не столько вкусом, сколько мозгодробительными последствиями употребления, видимо Пасюк по своей хохляцкой натуре не договаривал самого важного – способа перегонки или иной очистки спирта.

– На, занюхай, господин подхорунжий! Только занюхай, есть его никак нельзя – он у нас один!

В другую ладонь лег небольшой сухарик, один из тех, что продается в магазинах – желтый, с черными вкраплениями изюма. Родион посмотрел на него и хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл, у меня же плитка шоколада в шинели заныкана. Теперь хорошо посидим – и выпить есть, и закусить...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Как буран утихнет, ты, товарищ Ермолаев, возьмешь с собою четырех самых опытных бойцов и проедешь верхами по бурятским зимовникам за Иркут. До Булун-Талая. Посмотришь, что творится, проверишь взвод Архипкина и вернешься сюда. Смотри только внимательно да будь бдителен – казаки могут тебе пакость устроить, такая паршивая погода таки на руку им играет! И помни – именно там вырубили троих наших бойцов.

– Это я на всю жизнь запомнил, – со странной улыбкой на губах отвечал молодой еще, всего лет тридцати с небольшим, красный командир, в накинутаой на плечи потрепанной шинели. Лишь нездоровый румянец играл на почерневших, ставших еще более скуластыми щеках.

Этой зимой многие красноармейцы его полка обморозились, долог был путь по заснеженным и суровым просторам Сибири, от Омска, что на Иртыше, до самого Байкала.

Но и только – дух их был высок как никогда – три зимних месяца они гнали и громили бежавков, взяв в пути многие тысячи пленных. Офицеров или расстреливали сразу, или передавали в ЧК, а бывших нижних чинов ставили в строй. И что характерно – вчерашние солдаты сибирских стрелковых полков Белой армии дрались ничем не хуже, стараясь заслужить себе тем самым полное прощение от Советской власти.

Так что 7 марта их бригада вошла в Иркутск с большей численностью, чем начала свое триумфальное продвижение от Уральских гор. Два полка оставили в городе, для поддержания порядка и как костяк для переформирования бывших колчаковских частей, что восстали против адмирала в декабре, и пропитанных изрядным эсеровским душком.

Их полк был переброшен на охрану железной дороги с ее важнейшими Кругобайкальскими туннелями. На выполнение этой важнейшей задачи выделили два батальона, а третий срочно перебросили на мобилизованных обывательских подводах в Тункинскую долину неделю назад – и это было весьма благоразумно, как показали эти дни.

Оставлять проживавших в ней казаков без надлежащего присмотра было бы невероятной глупостью, чего Советская власть допустить никак не могла. Первым делом местным станичникам предъявили ультиматум – немедленно выставить одну конную сотню на службу в формируемый в Иркутске 1-й Советский казачий полк, иначе же они будут рассматриваться как враги народа. Самая многочисленная станица Тункинская с ее четырехтысячным населением покорность выразила, и позавчера вставшие под красный флаг казаки ушли на Иркутск.

Зато вторая станица, Георгиевская, всего с одной тысячью жителей и центром в Шимках,

наотрез отказалась сотрудничать с Советской властью. Казаки во главе с есаулом Шубиным начисто вырубили пошедший на Туранский караул красноармейский дозор и ушли партизанить в заросшие тайгой горы. И пусть их сейчас в банде немного, но ведь лиха беда начало.

Сейчас здесь, в Шимках, расположился почти весь батальон, а взамен в Тунку из Иркутска прибыло три караульных роты, что стали на постой и в самой станице, и во всех казачьих поселках. Однако надежды на них было мало – бойцы эсеровского Политцентра, в отличие от бывших колчаковцев, жаждой повоевать с казаками отнюдь не горели.

Привычные методы для установления большевистской власти пока еще не срабатывали. Хотя местный ревком удалось организовать, но поддержка от трехтысячного русского крестьянства Тунки оказалась весьма незначительной. Всего четыре десятка бедняков, все переселенцы со столыпинских времен, или «новоселы», как их называли в Сибири, согласились взять в руки винтовки и вступить в милицию.

Остальные селяне, в основном зажиточные старожилы, замерли в ожидании, и на то имелись причины. Главная из которых была здесь, в Шимках, – если атаману Шубину удастся втянуть в мятеж не только своих, но и тункинских станичников, то подавить восстание будет затруднительно. И на местных крестьян надеяться не стоит – два года тому назад здешними казаками был начисто вырублен большой отряд красновардейцев, в основном солдат и железнодорожных рабочих из Слюдянки, к которым присоединились несколько десятков местных сторонников Советской власти.

Этот кровавый урок жители долины хорошо усвоили, как и то, что казаки имеют хорошую память. И притаились, настороженно выжидая – кто кого одолеет за Байкалом. Там с началом лета предстояли новые бои, ведь казаки атамана Семенова, поддержанные японцами, крепко держали в своих руках середину Забайкалья.

Теперь положение на тамошнем фронте стало очень напряженным. Белые войска серьезно усилились, получив значительное подкрепление в лице отступивших из Сибири «каппелевцев». Последние боеспособные части расстрелянного в Иркутске незадачливого верховного правителя адмирала Колчака сумели опередить чуть ли не на три недели преследующие их по пятам до Красноярска части Красной армии и перебраться через Байкал по льду...

Глава вторая. Александр Пасюк

– Два часа ночи! Слышь, Родя? – задумчиво изрек Александр, потянувшись и глядя на циферблат своих «командирских» часов, хотя вся его служба в армии уложилась в пять месяцев – от призывного пункта в Гончарово до выхода на костылях из госпиталя. Всего восемь дней КМБ в «учебке», даже присягу принять не успел и все, финита ля комедия – падение с турника, открытый перелом ноги и жуткая боль.

«Белый» билет сунули в зубы еще в госпитале – гуляй, солдатик, на «гражданке». Как ни крути, но от военной службы он не «слинял», как некоторые, даже показывать пальцем не нужно: молодой друг Родя, что сидит сейчас с ним рядом, «откосил» знатно, папа с мамой подсустились, насмерть перепугавшись для единственного сына ужасной «дедовщины».

Хотя какая там для парня была бы воинская служба, с его талантами? Это тебе не в инфантерии грязь на пузе месить или в горах Чечни под пули ходить, а непыльная и здоровая срочная в военном оркестре. Но ведь даже от такой «закосил»!

– Чему улыбаешься, Саныч?

Голос приятеля вывел Пасюка из размышлений, и он ухмыльнулся еще раз. Глаза уже привыкли к полумраку, что царил внутри скотного барака, подсвеченного алыми отблесками костра, в который они регулярно подбрасывали сухие катышки топлива.

– Да так, это я о своем, о девичьем, Родя. Пропустим еще по стаканчику? Наливай, что ли!

И посмотрел с так и не сходящей с губ улыбкой, как Артемов наполнил стаканчик кедровкой на два пальца – ровно сорок грамм, а больше и не нужно. Александр выдохнул воздух и лихо опрокинул емкость. Схватил сухарик, вдохнул хлебный запах – сразу полегчало. Жар моментально охватил пищевод, стало тепло и необыкновенно уютно.

И пусть барак выдувало ветром, пусть глаза щипал дым от едкого навоза – но на душе стало благостно. Они выжили в этом ледяном безумии, а это главное!

– В общем, так, Родя! – После того как опрокинул чарку, Пасюк собрался: нужно было согласовать дальнейшие действия на день. – Ты, думаешь, зачем мы сюда приехали?

– Нет, Саныч, эту поездку я на всю жизнь запомню...

– Да я не про то, Родя, не кашляй, – он нетерпеливо перебил Артемова, – завтра коммуняки память своего Каландаришвили чествуют, его как раз 6 марта 22-го года как бешеную собаку шлепнули, вон, в Кырене и бюст стоит...

– Ага, – Родион кивнул, – видал, видал! Улица есть еще в центре Иркутска!

– Еще бы! – Пасюк зло сплюнул под ноги. – Именами этой коммунаской сволоты много улиц названо, вон, один наш район, чего стоит! Каждый раз, когда проезжаю мимо дюралевой морды Янкеля, присобаченной к стеле на въезде в Свердловский район, аж мутит! Союза нет давно, а названия до сих пор остались!

– Ну, ты загнул! – Родион присвистнул. – Это ж сколько денег и времени нужно, чтобы все переименовать назад! Да и зачем? Люди уже привыкли: Первая Советская, Вторая Советская улицы, Карла Маркса, там или еще какая... Не надо это людям, я так думаю! Нужно понимать, что красные не такие уж и плохие люди, террор был с обеих сторон! Нужно примириться, простить друг друга! А вся эта возня с переделом прошлого ни к чему, жить нужно будущим...

– Слышь, ты, казачок засланный, – Пасюк недобро прищурился, – а ты, часом, не ошибся, когда в Управу станичную пришел? Тебе с такими рассуждениями нужно было в либерасты с дерьмократами подаваться, а не в казаки верстаться! Казакам лампасы и погоны живьем резали, казачат с бабами живьем в сараях жгли, под лед пускали, тот же Каландаришвили, тварь! Не будет им от казаков ни прощения, ни примирения с ними! Белые тоже хороши, но Директиву о

расказачивании с поголовным истреблением от мала до велика Свердлов подписал первым! Строить твоё светлое будущее на том, что мы сейчас имеем, всё равно что фундамент под небоскрёб на болоте ставить – утопнет всё в жиже и булькнуть не успеет! А-а... – Он устало махнул рукой и опустил голову.

Родион Артемов

– Ну, Саньч, ты чего? – Родион потряс его за плечо. – Обиделся, что ли?

– Чего я, девка красная, чтобы наутро обижаться? – Пасюк дернул плечом, отстраняясь. – Обидно! Двадцать лет вон с гаком возрождаем казачество, а всё как лягушки бултыхаемся в чане... Если бы со сливками! С дерьмом!

– Тебе ли на казачество жаловаться! – Родион удивленно поднял брови. – Вон, уже подъесаул, атаман станичный...

– Ага, – Пасюк скривился, словно лимон съел, – атаман казачий, хрен собачий... Сколько казаков-то в станице моей? Сам сосчитаешь али пособить?

– Ну, – Артемов замялся, – ты, я и...

– То-то! Двое нас, ты да я да мы с тобой! И всё казачество сегодня такое, как твои сапоги кирзовые: издали вроде блестят, начищенные, а фуфло фуфлом – и ногу натрут, стоит версту отмахать пёхом, и замерзнешь, потому как рыбий мех внутри!

– И то верно! – Родион зябко повел плечами, вспоминая, как прыгал вчера на морозе, звеня коленками. – А чего ж ты тогда казакуешь, раз всё так хреново?

– А то! Не твоего ума дело! – Пасюк засопел, выражая, таким образом, Родион уже знал по опыту общения с ним, своё недовольство. – Ты чего, дурында, вчера так ничего и не понял, зачем мы сюда приехали?

– Не так чтобы уж... – Родион шмыгнул носом и почесал пятерней затылок, как нерадивый студент на экзамене перед въедливым профессором. – Вроде как казаки поехали на выборы местных агитировать... За этого, как его, забыл... Наша делегация...

– Твоя делегация ещё по дороге нажралась, ни тяти, ни мамы! Посидели в зале для вида, денежки отработали натурой, вот и вся агитация! Я тебя зачем с собой вчера вечером на Аршан потащил?

– Так за водкой... – протянул неуверенно Родион. – Там туристы, там и водяра поприличней...

– Я о другом тебе говорю! – Пасюк хитро прищурился. – Завтра... То есть сегодня уже, местные коммуняки митинг проводить будут в память Каландаришвили. Вот тункинские станичники и решили им здорово подкузьмить, дерьма в их бочку меда, так сказать, подложить...

– Так нас всего двое, Саньч...

– А более и не нужно, Родя! Здесь местный атаман свою скрипку играть будет, а мы так, на подпевке поприствуем, подсобим, если чего надобно будет...

– С чего это он командовать будет?! – вполне искренне возмутился Родион. – Ты у нас целый подъесаул, а он всего урядник, с тремя лычками на погонах. Я и то подхорунжий!

– Ты уж только не рвись, а то пополам треснешь! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

– Ты чё?! – мгновенно ощерился Артемов, но Пасюк устало вздохнул.

– Ничё! Через плечо да по лбу! Развелось командиров, что блох на шавке! Куда ни плюнь, атаман на атамане и атаманом погоняет! Паны лаются, а у холопов чубы трещат.

– Ты о чём? – Родион замотал непонимающе головой. – Какие паны?

– Такие! Что наш, Шохин, что Сивоконь! Тянут казаков на себя, как лебедь, рак и щука, а тянуть-то некого! Полный швах! Сплошные потемкинские деревни: мертвых душ позаписали для количества, а реального народа нет! Пшик!

Выдохнувшись, Пасюк зло уставился на огонь и надолго замолчал. Думал о чем-то, играя желваками и сжимая кулаки. Родион осторожно шевелил палочкой угли и подбрасывал кизяки.

– Саньч! – Он позвал Пасюка через некоторое время. – Ну чё ты? Нам-то это зачем? Ну и пусть они меж собой разбираются! Не пойму, чего ты взъелся?

– Обидно! Я в казачество пришел двадцать лет назад... – Александр невидящим взглядом смотрел перед собой, машинально теребя темляк шашки, – полжизни, понимаешь... – он вскинулся, – полжизни прошло, а все как один день! Помню, в десятом классе я учился, когда услышал, что отец с мужиками на кухне тишком обсуждали, как иркутские казаки, пятеро, погибли в Приднестровье! Я тогда еще удивился, откуда в Иркутске казаки? Ведь они там, – он неопределенно махнул рукой, – на Дону, на Кубани... А тут... Спросил еще я батю тогда, чего это за казаки такие, старики, что ли? Ведь Гражданская война давно прошла, а казаки только там и были, «Тихий Дон» да «Даурию» все читали! Он посмеялся надо мной, взъерошил волосы, прижал к себе крепко и говорит тихо так, а глаза улыбаются: «А ты сам-то кто?» Я говорю: «Русский я, кто ж еще?» – «Нет, – говорит, – казак ты, с той самой Кубани мы и есть!» Погрустнел потом, говорит: «Многие сейчас свои корни забыли! Словно мусор из ведра в воду высыпали: плывем по течению, да крутит нас на быстринах... Крутить-то крутит да, как исстари, к разным берегам прибывает...» Я рот-то раскрыл, чтобы спросить, почему да что же это за казаки такие были, что так быстро все забыли, а батя вздохнул: «Времена тогда такие были! Очень сильно повыбили казаков, многие и решили хоть жизнь свою спасти ради детей! Лютая бойня казакам была устроена, поголовно, подчистую пытались уничтожить, станицы сжигали, а землю солью посыпали, вот как боялись... Только всех-то, понятное дело, не смогли достать, вроде как дерево сухое, а полей его доброй водицей, веточки новые и появятся! Так и казаки!»

– Да! – Родион вздохнул со вселенским отчаянием. – Тебе легко, ты, вон, родовой, даже фотографии у тебя сохранились... А я? Папа-мама – интеллигенты в третьем поколении, музыканты... Какой из меня казак? Не получится у меня, наверное...

– Ха! – Пасюк захохотал так громко, что закашлялся. – Ты что, думаешь, казака делают фотографии? Ну, ты дал! – Он утер выступившие в уголках глаз слезинки. – Мы же не собаки какие, чтобы по родословной меряться, у кого больше! Конечно, к тем, которые родовые, доверия больше, кровь-то, она не водица... Только, знаешь такую пословицу: «Казакom мало родиться, казакom надо стать!»

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Ты только внимателен будь, товарищ Ермолаев. Сам знаешь, местным казакам доверять нельзя – они на нас лютыми зверьми смотрят. И без нужды не стреляй – незачем их раньше времени злить, пока Семенов Забайкалье держит. Мы им попозже все припомним, как только наша Советская власть везде крепкой станет. Ну, давай, поспи немного. А с утра выезжай, как только буран утихнет и небо сереть начнет. По холодку, может, кого-нибудь да изловишь! Вот тогда мы таких научим блюсти комендантский час!

Чекист с голодным и остроносым, словно у крысы лицом, поднялся и вышел из горницы, что занимал конный взвод Ермолаева, стеснив хозяев, богатеев, родичей мятежного атамана.

Так повелось, и этой практике были рады все бойцы – на постоях стеснять только местных

буржуев, чтоб к Советской власти уважение разом почувствовали. И пригляд за этой тайной контрой держать легче, если что худое замысляют.

Но то сейчас вряд ли – местных казаков, что смогут припрятанное оружие в руки взять, едва полторы сотни наберется, от малолеток до стариков. Ну еще в двух поселках с полсотни тех, кто драться способен – слишком мало, чтобы смять три сотни закаленных в боях красноармейцев с пятью пулеметами.

Да и повода для выступления у казаков пока нет – Советская власть учла урок кровавого «вешенского восстания», что преподали ей в прошлом году донцы. Потому насильственного «расказачивания» решено было не проводить, как и расстрелы, реквизиции не делать, а всех подозрительных, так же как и непримиримых врагов, увозить в Иркутск в губчека.

У Шубина в банде едва два десятка казаков, повязанных кровью, а потому пощады не ждущих. Мало их для серьезного нападения, но враг опытный и умелый. К тому же все на конях, да еще с заводными – как их поймаешь с одним только кавалерийским взводом. Стрелки батальона на подводах только и могут ездить, в седла мужиков лучше не садить – как собаки на заборе держаться будут, одни мучения.

А против них кто воюет?!

Казаки, что с детства на коне сидят, каждую тропинку в здешних горах и тайге знают. Да еще звери они лютые, прямо слово, недаром атамана уже «тункинским волком» называть стали!

Пахом неторопливо извлек из кармана штанов здоровенную «луковицу» часов, откинул крышку – стрелки застыли на двенадцати. Полночь, наступил новый день. И новые заботы...

Командир усмехнулся – куда без этого!

А глаза еще раз прочитали замысловатую вязь гравированных слов – «Ефрейтору Мариупольского гусарского полка Пахомию Ермолаеву за спасение офицера. Март 1915 г.».

И он вздохнул – как давно это было, будто вечность прошла. Но тут же вытравил из головы ненужные мысли, и улегся на широкую лавку, накрывшись длиннополой кавалерийской шинелью. Завтра ему предстоит отмахать двадцать верст пути, да еще проверить все бурятские зимники.

– Спать, – отдал он сам себе команду и закрыл глаза.

Глава третья. Александр Пасюк

– Да, подвел ты меня, Родя! – Пасюк покачал головой. – Видал атамана местного, того самого, урядник который? Это ему я книги вез, которые ты, бестолочь, потерял!

– Ну, ни фиги себе ты наехал! Как бульдозер! – Родион аж задохнулся от обиды.

– Пожалел книжки в пакете, сами чуть не потерялись! Сейчас рассветет, пойдем искать... Ладно, – он осекся под хмурым взглядом Пасюка, – ладно! Сам потерял, сам и найду! Пакет все равно приметный, красный, не могло его полностью замести...

– Вот и я о том же! – Пасюк одобрительно закивал. – Обещал привезти книги, значит, хоть в лепешку разбейся, но слово сдержи!

– Ага! – поддакнул Родион. – За базар перед братвой отвечать надо!

– Ну что же ты за бестолочь такая! – Пасюк засопел, не предвещая этим ничего хорошего, а Родион машинально втянул голову в плечи, готовясь к буре.

– Казан проверяют по звону, казака – по слову! Мудрость казачья, разумеешь? А ты – базар, братва... Бестолочь, ей-богу! Наблатыкался, паря, ты в кабаке! Вон, лабаешь все ночи напролет! Нет у нас, казаков, базара! Ну, нет! Не братва мы, не гопота сыкливая, не шелупонь помоечная какая-нибудь, чтобы на блатном лаяться! Хотя, – Пасюк поморщился, – дерьма среди казаков теперь изрядно наберется! Такое порой слышишь, что русские народные маты кренделями покажутся... Не срами мамочку и папочку – интеллигентов в третьем поколении! В общем так, господин подхорунжий, еще раз услышу подобное – настучу по морде! Понял?!

– Понял, – уныло протянул Родион, но Пасюк никак не мог уgomониться.

– И, вообще, опять ты хрень свою читаешь? Думаешь, я не видел, как в автобусе ты в журнал спрятал свою газетенку для озабоченных и всю дорогу пялился на девок?

– Откуда ты узнал?

– Оттуда! – Пасюк постучал себя в лоб. – Ты бы хоть журнал перевернул, а то с умным видом полдороги читал компьютерный журнал вверх ногами! Ты бы книжечки умные лучше по истории казачества вместо порнухи изучал бы! Тьфу!

Пасюк в сердцах сплюнул.

– Тебе что, на работе задниц голых не хватает?

– А на кой мне эта история казачества? – Родион пожал плечами. – Нет сейчас свободного времени, вот разберусь с делами маленько и почитаю...

– Дурак ты и есть! – Пасюк махнул на него рукой. – На баб голых время есть, а как ума понабраться – нет!

– А ты – слишком умный! – огрызнулся Родион.

– Да! Умный, в отличие от тебя я много читал и о казачестве, и об истории Гражданской войны! Вот и умным людям вез умные книги, а ты их проср... – он осекся, – потерял, в общем!

– Шибко тебе эта история пригодилась! – пробурчал Родион и, видя, что Пасюк закипает не на шутку, быстро перевел разговор в другое русло. – А зачем местным они, книги эти?

– Юрка, атаман тункинский, хочет с местными казаками музей в Тунке казачий открывать да библиотеку историческую потихоньку собрать!

– А музей-то зачем? – Родион хмыкнул. – Ты, думаешь, кто-нибудь из туристов в него пойдет? Сомневаюсь! На Аршан зачем едут? Водки на природе попить, да и только!

– При чем здесь туристы? – Пасюк пожал плечами. – Ты так ничего и не понял? Для местных это музей! Буряты слишком недовольны – притесняют их приезжие москали на родной земле! Вон, раньше, казаки как взяли бурят тункинских под свою руку, так и жили они веками, как сыр в масле катались, пока красноперые власть свою людоедскую не установили! Пора

возрождать, – он хмыкнул, – «дружбу народов», а то передают тут всех по одному, как клопов, пискнуть не успеют! А ежели буряты с казаками объединятся, то никто их с места не сдвинет! По крупице и начинают, вон как Юрка Ус...

– И чего им бояться? – Артемов недоуменно пожал плечами. – Кому они нужны в Тунке этой?

– Мировому империализму вкупе с врагами всех мастей, от чекистов до масонов! – Пасюк развел руками. – И никак иначе! Ты же слышал, как Сивоконь, иркутский атаман Союза казаков, брехал про наш реестр третьего дни в своей газетке, что в Управе валяется? Он все врагов ищет, как шавка блох! Только у собаки блохи настоящие водятся, а этот все ищет да ищет, двадцать лет, уж почитай! Особенно любит поносить на тех, кто от него и ушел из-за его же самодурства: вот, мол, я сразу разглядел в них врагов казачества, я все вижу, все... Словно комиссар с трибуны о вредителях и агентах МОССАДа, засланных на погибель казачества, на всех углах горланит...

– Да! В сортире нашел...

– То-то! – Пасюк хохотнул. – Правильное этой газетенке место и определили: и в... хм, самом процессе для облегчения поможет, и опосля сгодится!

– Вот-вот! – Родион закивал. – Читал я его писанину – помои изрядные! Не стесняется он в выражениях! Наш, Шохин, посолиднее, с портфелем ходит...

– Так и есть, в штiblетах и галстучке! – Пасюк, зевнув, почесал щеку. – Два сапога пара – один брешет как сивый мерин, второй, бывший замполит, штаны просиживает в администрациях! К ряженому казачеству добавилось табуреточное!

– А Юрка местный?

– Это мне он Юрка, а тебе – Юрий Васильевич! Они делом заняты! Они, вон, погонны офицерские поскидывали – казаки они рядовые все теперь, нечего скоморошьими звездами светить! Жены с ними заодно – не с голыми пупами и торчащими из-под джинсов труселями, а в парочках, костюмах женских казачьих ходят! И не только на люди, как мы, словно ролевики-хоббиты какие-нибудь... И детишки казачатами себя считают! Ладно, – он похлопал Родиона по плечу, – чего я как лошадиный барышник тебе их нахваливаю? Сам поглядишь, как доберемся до них! Накормят, напоят и спать уложат!

– Да! – протянул Родион, поскребя себя по подбородку. – Пожрать бы не мешало! А, Саныч?

– Пожрешь, не бойсь! – Пасюк почесал бороду. – Да помыться и побриться кой-кому, а то на тебя смотреть тошно!

– Чего так? – Родион потер глаза и скривил губы. – Сам-то поди не чище меня?

– Да я о другом толкую тебе, – Пасюк поморщился. – Твоя козлячья щетина проплешинами сияет, словно ты еще из пубертатного периода не вышел! Фу, срамota для казака! Или начисто брейся, или бороду отпускай, но не так: Тимати местного разлива!

– Станок одноразовый куплю и сразу побреюсь! – недовольно пробурчал Родион. – Не так же, как ты: отрастил бородищу! В попы, что ли, собрался?

– А хоть бы и в попы! – съязвил Пасюк. – А борода завсегда у казака должна быть! Или хотя бы усы! Хотя, – он отмахнулся, – казаки нынче не те: берут кого ни попадя прямо с улицы! А они не знают ничего, не ведают ни традиций, ни уклада жизни казачьей! Да и казачество воспринимают как работу, в лучшем случае! А казачеством жить надо, гореть за него! Некогда нам на глупости время тратить! Вон, в Тунке люди спиваются, в город уезжают! Видел, дома стоят заколоченные? Еще немного, и здесь гастарбайтеров больше, чем бурят, будет! Нужно за людей бороться! Самые главные наши враги – это мы сами: лень-матушка и надежда на батьку-атамана, который поведет за собой!

Родион слушал его внимательно, растянувшись на груди кизяка. Огонь в небольшом костре горел ярко, бросая красные отблески на стены. И ему думалось, что именно сейчас он начнет жить настоящей казачьей жизнью, выжив в поединке со смертью в суровом походе.

– Вон Усольцов, даром что атаманом его избрали, так же, как и все, пашет: скотина, хозяйство крепкое, – Пасюк рубил ладонью в такт словам, – не асфальтные казаки они, как наши! Не пьют, как многие! Они во главу угла казачий уклад ставят, а потому станичников дворами считают. Да, дворами, с женами и детишками, ибо без поддержки семьи все наши дела помойному коту под хвост!

– Эх! – Родион отвлекся на мгновение, представив молоденькую казачку, подносящую ему крынку молока с еще теплым, парящим хлебом, непременно босиком и в сарафане, и мечтательно протянул: – Да! Найти бы и мне здесь себе невесту! Бар я бы бросил сразу же! Детишек бы нарожал! Коровок бы развел...

– Хорош жених! Нужен ты им, дармоед! – Пасюк скривился. – Ты же тяжелее своей гармошки ничего в руках не держал! А ручками своими белыми дерьмо, поди, впервые сегодня потрогал?

Родион отдернул руку, словно обжегшись, от кучи навоза, на которую опирался.

– Ну чего ты? Я же не гламурь какая-нибудь! И гармошка моя тоже пригодится: буду играть на ней, а работать я могу, если захочу! Вообще, спасибо тебе, Саныч, глаза мне открыл! Посмотрю хоть на настоящих казаков! Может, и у меня чего-нибудь получится? – Родион приподнялся на локтях. – Музей-то меня пустят хоть посмотреть?

– Ага! И тапочки тебе, как в Эрмитаже, выдадут, – сварливо огрызнулся Пасюк, и Родиона пробрало столь резкое заявление приятеля прямо до пяток, так что он даже присел на куче мягкого, прогретого его телом, навоза, – чтобы мрамор не поширкал! Да и не музей у них, – он вздохнул, – громко слишком, так, в местной школьной библиотеке шкаф стеклянный с тремя полками! Но даже если хоть в одном кровь всколыхнется, и то польза будет! Это же книги по истории казачества Тунки, там же обо всех их родичах сказано, фамилии-то какие: Шубины, Лифантьевы, Зверевы, Усольцевы, Тюменцевы – все они до сих пор тут живут, только не помнят, что они – казаки. Все, все там написано... А ты даже не полистал их... Форму да лампасы мало надеть, шашку привесить да погончики офицерские нацепить недолго! Я крепко после батиных слов задумался: и правда, я – казак! Сразу представил: огромные, сильные, бородатые, с пиками да шашками, Степан Разин, Пугачев, Тарас Бульба... Только Сивоконь атаманить начал, видный такой, слова красивые говорил...

– Так сколько лет-то прошло? – брови Артемова удивленно поползли вверх. – Его еще тогда выдвинули в атаманы?

– В 1991 году и выдвинули, аж до сих пор задвинуть не могут! Бессменный он, как член Политбюро! На лафете из Управы ихней, небось, вывезут ногами вперед! А, может, замаринуют, как Ленина, чтобы он и опосля руководил! Так вот, пойдем, говорю, батя, к атаману записываться, мы ж – казаки! Времена теперь другие, никто нас не боится, наоборот, власти помогать будут! Служить России будем, как наши прадеды служили! Землю пахать будем...

– И пошли? – Родион улегся обратно на кучу сухого дерьма.

– Ага! Побежали! Посмеялся батя надо мной: «Давай, поспедай, – говорит, – всех запишут, а тебе места не останется! Еще мешок побольше возьми, из-под картошки!»

– А зачем мешок? – Родион захлопал глазами.

– Земли тебе дадут пахать да сеять, чтоб по дороге не рассыпал! – Пасюк хмыкнул, но без смешка. – Можя, место в мешке еще под службу казачью останется...

– Почему?

– Чего почему?

– Почему так сложно казакам в России?

– Ты чего? Вроде не бредишь! – Пасюк дотронулся до лба Артемова, словно проверяя, нет ли у него жара. – Кедровка в голову ударила или ты проникся думами глобальными о судьбе казачества? Тогда тебе прямая дорога в стойло к Сивоконю...

– Почему в стойло?

– Во-первых, не перебивай старших по...

– Возрасту?

– Хм!

– Молчу-молчу! – Родион виновато потупился.

– По званию! Так вот, во-вторых, это же его вселенское призвание о глобальных судьбах казачества думать и своим баранам вещать, что в стойлах при нем стоят! Мемекают и то по команде, и внимают с благоговением речам своего атамана! Хотя, – Пасюк прищурился, – они тебя не возьмут!

– Это почему же то?

– Потому как гешефта с тебя никакого, гол как сокол, а холуев-подхалимов у него и без тебя хватает!

– А я и не собирался! – Родион гордо вздернул подбородок. – Вон в Тунке казаки сами возрождают казачество, так и в Иркутске найдутся такие же, настоящие! Ты щедро, Саньч, всех черной краской измазал, но есть же нормальные? Есть? К ним и пойду!

– Нормальные есть, и их много! Ага! – Пасюк прыснул. – Тебя им и не хватает! Уже каравай, хлеб-соль, для тебя испекли! К нам приехал, к нам приехал, Родион Эдуардович, дорогой!

– Смешно? – Родион надулся.

– Грустно, Родя! Плакать хочется, аж скулы сводит! – Пасюк посерьезнел, глубокая складка пролегла на лбу. – Ты, думаешь, я сам бы к таким не пошел? А только идти некуда, заплутали мы меж трех сосен... Только за двадцать лет нет веры никому, устали мы, затюкали нас, по крышку сыты атаманщиной! И я, и остальные болтаемся, вон, как сам знаешь что, столько лет! И не я один так думаю, только вслух никто не говорит...

Пасюк лихо махнул остатний глоток кедровки из фляжки и завинтил ее, закусив «курятиной» в три приема, раскурив сигарету дрожащими от волнения руками. Сухарь и шоколадка давно были уже по-братски поделены и съедены. Затем продолжил говорить дальше, удивляясь тому, как язык выбалтывает то, что он так старательно хранил в себе все эти годы.

– Так кто мешает-то? Вот ты говоришь: там клоуны, здесь ряженные, тут болтуны... Взяли бы да и собрались, чтоб возрождать казачество! Станицы строить! Землю пахать!

Родиону никогда еще не было так скверно. На Пасюка он не обижался, несмотря на бурлящий в мозгу и теле хмель. Тот не бросил его, доволок до спасительного убежища, не оставил в степи умирать. Настоящий казак!

Он отдавал себе отчет, что пришел в казачество от безысходности – посмотрел, как гуляют «новые русские», и решил найти тех, кому дорога судьба Отечества. В казаки пошел, если даже Лев Толстой говорил, что история России сделана их саблями. А тут целый атаман станицы в стриптиз-баре рядышком охранником работает.

– Да нечего возрождать! Нужно заново уклад создавать! Не те условия сейчас, чтобы станицы, поля, тучные стада! Не даст нам государство ничего, так, фантик пустой и даже не блестящий! Ты чего, один такой умный выискался, знаешь что делать? Давно уже перебродило все, и задор, и энергия, и честолюбивые помыслы, как брага, перебродило все, только сивушная

мерзость на душе осталась... – Пасюк угрюмо засопел. – Поначалу, в девяностые, и запал у людей был, и губернаторы с мэрами давали землю, деревни брошенные – живите, казаки!

– И что?

– И ничего! Единицы пошли на это: кому ж охота теплую квартирку с работой менять на тяжелый сельский труд? Так что, землю распродали, деньги растащили, казаков обманули... – голос Пасюка становился все тише. – Понимаешь, самое горькое то, что обманули ладно бы власти, свои же, атаманы!

Пасюк молчал и молчал, уткнувшись подбородком в колени и выкатывая и закатывая палочкой в костер обуглившиеся катыши кизяка. Родион потихоньку начинал дремать: сказывались и усталость, и выпитая на практически пустой желудок настойка, что мягким покрывалом укутывала сознание.

– Жалко! – Он зевнул, потягиваясь и устраиваясь поудобнее. – Не понимаю я наше государство: такая сила в казаках – это тебе не солдатики зеленые, это мужики...

– Ну-ну! Скажи еще казакам, что они – мужики: враз по сопатке получишь! – ответил Пасюк, не поворачиваясь от костра. – И насчет солдатиков зеленых особо в станице не разглагольствуй! Сам-то не служил, а солдатики эти, к которым ты так презрительно относишься, даром что молодые были, и повоевали, и послужили – не чета тебе, ущербному! А у нас многие армию прошли, так что помалкивай ты со своими умозаключениями, а то ляпнешь – ввек не отмоешься перед казаками потом! Это там, – он ткнул пальцем в грязный низкий потолок сарая, – рыжий клоун сменяет черного, а на земле нормальные казаки, brave, только мы еще терпим, терпелка у нас, понимаешь ли, огромная, типа, долго запрягает и быстро едет... А надоест – держитесь, мало не покажется! – Александр погрозил кулаком в пустоту. – Не выгодно только государству, чтобы казаки на ноги поднялись... Это же такая сила! И здесь ты прав на все сто! Казаки всегда были стеной народа – соль земли Русской!

– Так интеллигенция вроде ближе к народу? – неуверенно протянул Родион.

– Интеллигенция – говно русского народа! Еще Ленин, мразь этакая, так сказал, – отрезал Пасюк, резко обернувшись. – Как бы я ни относился к чучелу на Красной площади, но это он верно подметил! Говно, брехливое, позорное, трусливое дерьмо! Профукали Россию, ораторствуя на баррикадах, что в семнадцатом, что в девяносто первом!

– Да! – Родион, вздыхая, покачал головой. – Вон депутаты, говорят, говорят, а толку мало!

– Депутаты, чиновники – это к тому же ворье и взяточники, разве что кто по мелочи тащит, а кто миллиардами! И наши, реестровые, атаманы тоже сидят на жалованье, чиновники золотопогонные, пият бабло, те жалкие объедки, что на казачество от щедроты душевной властей наших перепадает, и за портфельчики, как ты сказал, зубами крепко держатся!

Пасюк разошелся не на шутку, кулаки сжимались до хруста, а зубы скрипели.

– Медальки из золота самоварного, поблескущее, друг другу вешают! Да ну их! – Он в сердцах махнул рукой. – Они отдельно от нас, рядовых казаков, живут, Бог им судья! Вот еще, – он снова заговорил с нажимом, – наприисваивали друг другу званий! И те и другие хороши: и реестровые, что под дудку государеву пляшут, и общественники из Союза казаков! У меня односум у Сивоконя обретається, все никак не хочет уходить, надеется, что там у них еще изменится все... В общем, говорил он мне как-то, что Сивоконь назначил казака одного завхозом в Управу и тут же звание новое накиннул: стал тот казак теперь подхорунжим! Завхоз! Лейб-унитазной сотни подхорунжий! Бабы в погонах щеголяют! Тьфу, мать их за ногу! Чего потом на Совете стариков, что всегда у казаков в почете и уважении был, заседать будут? Как к ним обращаться? Здорово дневали, господа старики и госпожи старухи?

Родион, представив это занятное зрелище, ухмыльнулся, но Пасюк, хмурее тучи, продолжил говорить, и всю веселость смыло, словно сливную ручку на бачке дернули.

– Только ты, Родя, не вздумай это никому брякнуть – тебя мигом затопчут! Да и меня с тобой тоже! Ибо за свои чины и медали они нам глотки вырвут, сапогами задавят и мыть их не будут. Самозванцам правда никогда по вкусу не приходит!

Он огорченно взмахнул рукою, уселся на кучу кизяка, отвернулся и затих. Родион же только тяжело вздохнул – только сейчас он понял, куда по собственной воле залез...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– В общем так, товарищи бойцы, слушайте меня внимательно, – Ермолаев чуть привстал, уперев носки сапог в стремяна и строгим взглядом посмотрел на своих красноармейцев – лица у парней были злые, кому ж понравится ни свет ни заря в поход отправляться, – идем рысью за Иркут, по пути внимательно осматриваем все бурятские скотники. Ежели там кто другой будет, а не местные инородцы, то таких задерживаем, и доставляем сюда в Особый отдел для выяснения личности. Все понятно?!

– Так точно, товарищ помкомвзвода!

Лениво так ответили, но дружно. Бойцы надежные, опытные – прошли с ним весь путь от Урала до Байкала. «Комендачи», в отличие от простых красноармейцев стрелковых рот одеты были прилично – в длиннополые кавалерийские шинели, но не с красными, а синими «разговорами» на груди, и с такими же большими звездами на суконных шлемах, названных «богатырками», чай ведь не пехота сиволапая, а конница.

Укороченные винтовки за спиной, у кое-кого даже редкие в армии карабины, поперек груди набитые патронами тяжелые патронташи, слева у всех на ремне «драгунские» шашки в ножнах, в гнезда которых были вставлены штыки.

Хорошо снаряжены и, главное, умеют оружием своим пользоваться – три года мировой войны, а затем гражданская выучила всех отлично, потому что живы и здоровы, а трупы их недавних врагов по сибирскому походу метель давно замела снежком.

– А ежели кто сопротивляться супротив нас станет, товарищ помкомвзвода?

Ларионов, как всегда, не удержался – смешливый боец, умеет разрядить обстановку. И ведь прекрасно помнит, что Шубин с бандою ушел в Монголию, там у него несколько заимок имеется. Но потому сейчас задал вопрос с самым глупым видом, как бы от незнания раскрыв рот.

– Закрой пасть, ветер продует, товарищ боец!

Нарочито угрюмым голосом бросил ему Ермолаев в ответ, удерживаясь от смеха, и пояснил серьезнее, так чтобы все прониклись поставленной задачей:

– Во всех казачьих селениях расквартированы наши красноармейцы. И казаки потому притихли. Но ненадолго. Вот у инородцев, бурят местных, пользуясь их темнотою, они уже начали шебуршиться. Могут своих соглядатаев направить, тункинских станичников на восстание, кровь из носа, подбить им нужно. Так что всех задерживать надо. И учитывайте, ребята, – местная казачня с бурятами на сто рядов перероднилась, лицами схожи, а потому халаты с малахаями запросто надевают.

– Да уж понятно, товарищ помкомвзвода, что не в погонах, да с шашками расхаживать будут, неконченные же они идиоты, – Ларионов говорил уже серьезно, все бойцы, как надо, «прониклись» полученным заданием.

– Если такие «золотопогонники» с превеликого дурика появятся, сбежав из Иркутска, а более неоткуда сюда идти, – усмехнулся Ермолаев и неожиданно резко произнес, словно вбивая гвоздь. – Брать их обязательно живьем, даже не смейте ранить, ибо особисты с вас шкуру

распустят на ленточки. Да и я выдам такому по первое число, мигом в пехоту определяю, на своих двоих ходить будете до конца службы! Понятно?!

– Так точно, товарищ помкомвзвода!

– Тогда выступаем, товарищи бойцы! За мной, рысью, марш-марш!

Ермолаев дал шенкелей своей кобыле, и та бодро зарысила по широкой станичной улице, пустынной в этот предрассветный час, но отнюдь не тихой.

Пурга продолжала злобно реветь, но уже намного тише. Этого хватило всем за глаза, чтобы понять – последние дни марта в здешних горах далеко не весна, и уходящая зима, на последнем издыхании, но все же старается показать напоследок людям и домашней скотине свою немалую лютую силу.

В такую погоду даже зловредный хозяин не то что овец, собаку из будки не выгонит – начавшийся вечером буран был страшен. Таких свирепых не то что бойцы, но даже хозяин, матерый старик, припомнить не смог, пробурчав, что тридцать лет назад у бурят за три дня весь скот в степи полег. Но тогда пурга послабее была, а тут такое...

Ставни в больших добротных домах были закрыты, но он прямо всей спиной ощущал десятки настороженных глаз местных казаков, что не могли не подглядывать в узкие щели за его маленьким отрядом, сжимая свои кулаки в бессильной злобе...

Глава четвертая. Родион Артемов

Что-то или кто-то сильно дернул его за руку, чуть ли не вывернув запястье. Очнувшись, Родион боязливо огляделся и не увидел никого: снежный буран заметал все вокруг, стирая и без того почти невидимые границы между небом и землей. Он попытался встать, стряхивая с себя уже изрядно наметенный сугроб.

Обжигающими струйками тающий снег стекал по щекам и спине, отрезвляя и возвращая к действительности. Чувствуя, что от страха начинает поскуливать, парень попытался крикнуть, позвать на помощь. Однако порывы ветра не давали ему возможности открыть рот, не позволяли выдавить из себя хоть звук.

«Мамочка милая! Где я? Что это за место? Где же Саныч? Я что, потерялся?»

Мысли, подстегиваемые ледяным крошевом, забивающим нос, рос, глаза, неслись шальным табуном.

«Чего это? Мы же в тепле были... Мы же вышли к людям...»

Машинально сжав кулаки, Родион почувствовал в ладони задубевший, почти ледяной ремень, которым они с Пасюком связали себя, чтобы не потеряться в буране.

Подняв его к глазам, он увидел, что на конце портупей, едва заметные, дотлевают маленькие искорки. Едва уже осязаемый, сносимый ветром, еле еще улавливался неприятный запах паленой кожи.

«Где Саныч? Что же это, а? Мамочка!»

Охваченный ужасом, Родион принялся с остервенением сдергивать с руки остатки затянутого на запястье ремня, но промерзшая кожа словно окаменела.

«Господи, спаси меня! Господи! Что угодно для тебя сделаю! Свечки буду ставить каждый день! Самые большие, обещаю! Крещусь пойду, только помоги!»

Он лихорадочно пытался вспомнить какую-нибудь молитву, но в голове была звенящая пустота.

«Может, я уже умер? Может, я на том свете?»

Раздавшийся внезапно волчий вой появился, казалось, со всех сторон одновременно, перекрывая собой рев и мощь бурана и усиливаясь до границ человеческого сознания.

– А-а-а-!!!

По ноге побежала горячая струя, остывающая почти сразу. Родион рухнул на колени, обхватив руками голову и силясь закрыть уши от разрывающего черепную коробку изнутри все нарастающего воя. Очередной, стремительный порыв повалил его и потащил по земле.

«Волки не догонят...»

– Эй, Родя, ты чего? – Пасюк восторженно вскрикнул. – Приснилось чего ль?

– А?! Что?!

Родион живо подскочил с кучи навоза, на которой пригрелся, ошалело оглядываясь по сторонам и тряся головой.

– Саныч, миленький, это ты? Я думал, что умер, потерял тебя и больше не увижу!

– Э-э-э! – Пасюк заерзал на заднице, отодвигаясь. – Ты чего? Ты меня попутал с кем-то? Гляди, зашибу!

– Да нет же!

Родион со всей силы тер уши и лицо, разгоняя кровь, чтобы окончательно проснуться.

– Такая чушь приснилась! Тебя словно вырвали оттуда, пропал ты, а я остался... А может, меня перенесло к чертям на кулички этим ужасным ветром? Волки были еще, да так громко и страшно, что я чуть было не умер во сне...

– Волки, говоришь?

Пасюк так странно посмотрел на Артемова, что тот остановился и замер, удивленно распахнув глаза.

– Волки...

Александр Пасюк

– Ты чего, Саныч? – неуверенно протянул Родион. – Здесь же нет волков, люди кругом!

– Да этих волков я и не боюсь! – Пасюк поежился, словно снова оказался на ледяном ветру.

– А какие еще волки есть? – Родион договорил почти шепотом, замирая от колючих мурашек, пробежавших вниз по позвоночнику и собравшихся свинцовой тяжестью внизу живота.

– А бес его знает! – воскликнул Пасюк чересчур бодро. – Не бери в голову, Родя! Так, поблажилось мне!

– Нет, ну скажи, раз начал...

– Да тут и говорить нечего! – Пасюк помедлил, словно обдумывая следующие слова. – Так, глупости всякие...

– Ну! – Родион устроился поудобнее, подперев ладонями подбородок и подобрав под себя ноги. – Не томи душу!

– Хм! – Пасюк хмыкнул. – Чувствую себя, словно в пионерлагере страшилки под одеялом с фонариком рассказываю... Только, – он сунул Родиону кулак под самый нос, – если разболтаешь кому...

– Понял, Саныч! – Родион поспешно кивнул. – Молчать буду, как мертвец!

– Сплюнь! А лучше, помолись, прости Господи, а то накличешь на наши головы... Так вот, о чем это я?

Он засопел носом, нахмурился, поерзал на куче кизяка.

– В том году Сивоконь, хоть и балаболит он много, но есть еще у него нормальные казаки: они делают, а он себя потом объявляет Великим кормчим... Значит, ездил он со своими в Тунку ставить поклонный крест в бывшей станице одного атамана, который в Гражданской тут славно покуролесил, Шубин его звали, Станица эта бывшая, село Шимки теперь, до сих пор помнит его, многие с неприязнью – советская пропаганда хорошо вдалбливала штампы о белобандитах и душегубах! Но есть и те, кто его героем считает... Был я у Усольцова, вернее на Аршане тут прошлой зимой болтался с семейством, так вот, Юрка вызвонил меня, к себе в гости пригласил! Встретились мы, он как раз ехал в Шимки крест Шубинский попроведать и меня с собой взял.

– Делать ему нечего? – Родион пожал плечами. – Чего там попроведать? Общественники ставили, пусть они за крестом и смотрят...

Договорить он не успел – Пасюк мгновенно вскочил, схватив Родиона за грудки:

– Слышишь? Повтори, чего сказал?

– Я-я-я ни-ни-чего... – забормотал Родион, расширив от страха глаза: таким он Пасюка видел впервые. – Я ничего не хотел плохого сказать! Они же крест ставили...

– Сволочь ты после этого! – Пасюк, отпустив шинель, тяжело дышал. – Мертвые сраму не имут, а заботиться о них надо живым! Святое дело: за могилами героев ухаживать...

– Так крест же не на могиле ставили? – осторожно, боясь очередной вспышки гнева, произнес Родион. – Вроде посреди села стоит?

– Нет, не посредине: на окраине, аккурат около бывшей усадьбы Шубиных... – Пасюк устало сел. – Ай, Родька, не казак ты! Тебе не понять, – он сгреб в кулаке лацкан расстегнутой бекеши на груди, – не понять...

– Так расскажи!

– Юрка зарок дал, что каждый раз 24 января, в день подписания Свердловым Директивы о рассказаживании, будет ездить к Шубинскому кресту и затепливать там лампадку. Вот мы поехали: один он бы не справился, торопился – лестницу и забыл! Добрались уже к вечеру – темень, хоть глаз выколи, мороз... Влез я к нему на плечи и то еле дотянулся! Правда, все равно кривая нас не вывезла – сломалась его колымага, пришлось ночевать в Шимках. Эту ночь я на всю жизнь запомню...

– Чего было-то?

– Пока я лазил к лампадке, телефон в снег обронил, только в доме у Юркиных родственников спохватился. Делать нечего: пришлось идти. Отговаривали они меня, но я немного выпил, как же, за встречу... Пришел я, в общем, к кресту, шарил по снегу, словно твой бульдозер, нет телефона, хоть плачь... Вьюжить уже начинало, чувствую, надо возвращаться! Голову-то поднял, глядь, а лампада погасла. Решил я ее снова затеплить. Забор рядом с крестом стоял. Я с него до перекладины креста достал, хотел подтянуться и залезть, но руки проскользнули и я сорвался... Помню только, что головой обо что-то приложился...

– Камень?

– А кто его знает, может, чурка, может, еще чего, под снегом-то не разберешь! Звезданулся не слабо: чик – и отрубился! А вокруг – поляна огромная, Саяны или Тункинские гольцы рядом, из-за сосен не видно... Глядь, а из снега людские тела торчат замерзшие, много их, несколько десятков... Папахи, башлыки, а, главное, шаровары с нашими, желтыми, лампасами... Казачки, упокой их душу, порубанные краснюками... Жуть такая меня взяла, мороз по коже, аж волосы на голове зашевелились... А тут то ли с гор, то ли из лесу вой волчий раздался да такой, что я присел ажно! Такой громкий, что у меня голова чуть не лопнула!

– А потом что?

– Потом ничего! Вспышка яркая перед глазами, и я очнулся в сугробе под крестом...

– Да-а-а, дела! – Родион тяжело вздохнул.

– Но самое интересное я тебе не сказал: я потом с Усольцовым про Шубина как-то говорил, так вот, он сказал, что за лютость красные прозвали его Тункинским волком...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Дымком хорошо тянет, товарищ помкомвзвода. С той овчарни никак, более неоткуда просто!

Ларионов вытянул руку, показав приземистое строение, стены которого до половины были засыпаны снегом.

Пахом стал внимательно всматриваться в предрассветные сумерки. Действительно – бывший им в лицо норовистый ветерок явственно пахнул тлеющим кизяком, что использовали местные инородцы вместе с дровами для обогрева своих юрт.

– Интересно, кто там развел костерок? – пробормотал Ермолаев себе под нос, прекрасно понимая и заранее испытывая разочарование, которое тут же разделил с ним едущий рядом боец.

– Вчерашний буран кого-то из бурят в степи настиг, вон внутри и укрылся, да и лошадей ввел.

– Все равно, проверить нужно!

Ермолаев потянул повод, и гнедая лошадь послушно пошла к скотнику. За ним, рассыпавшись в линию, спокойно, но, сняв со спины на всякий случай «драгунки» и держа

винтовки поперек седла, потянулись бойцы, настороженно глядя в сумерки. Мало ли что – они сейчас во вражеском окружении, а таковыми были все казачьи селения, всегда нужно держать ушки на макушке.

– Мы здесь, станичники!

Громкий крик, раздавшийся из нутра овчарни заставил сердце бешено заколотиться в груди. Там находились явно не буряты, а казаки, только они могли так обращаться друг к другу. А значит...

– Никак у казары здесь встреча назначена, а нас в поземке еще не разглядели? – негромко спросил Ларионов, наклонившись к плечу.

Ермолаев кивнул в ответ и предупреждающе поднял руку, как бы еще предупреждая своих бойцов, что стрелять только в крайней нужде, и то с опаскою.

«Брать врага только живьем!»

Но красноармейцы и так все понимали прекрасно, обкладывая строение по всем правилам военного дела. Двое бойцов направились с помкомвзвода прямо к выломанному проходу, еще двое зашли с флангов, дабы отсечь путь бегства, будя казаки попытаются сбежать с противоположной стороны. Хотя вряд ли далеко уйдут – коней подстрелить, а на своих двоих в степи не убежишь от верхового, это не тайга с ее буреломами, где любая лошадь ноги переломать может запросто.

Но скрывавшиеся внутри скотника явно не собирались от них бежать – двое, блеснув серебром офицерских погон, утопая по колено в снегу, выбрались из скотника наружу, приветственно махая руками.

«За своих нас приняли в поземке, не разглядели толком. Теперь бы их живьем взять», – обрадованно икнул Ермолаев. Он боялся даже вздохнуть, чтобы не спугнуть такую неслыханную, о которой даже не мечтал, выезжая из Шимков, удачу.

Он успел хорошо разглядеть обоих офицеров – один молодой, в серой офицерской шинели и лохматой грязно-белой папахе сибирских стрелков, бестолково топтался, не хватаясь за шашку. Огнестрельного оружия у него не имелось, по крайней мере, Ермолаев его не видел.

Обычный прапорщик-неумеха, что наспех готовились сотнями при адмирале Колчаке. Какой-либо угрозы он не представлял, а потому взять его живым не составляло большого труда.

Зато второй офицер, в возрасте и с бородой, какую носил расстрелянный царь Николашка, сразу заставил насторожиться. Ладная бекеша с накинутым щегольским башлыком, желтые лампасы, кобура нагана на ремне и ладонь на рукояти шашки Ермолаеву сразу же не понравились, заставив ощериться всеми фибрами души.

Видел он таких битых жизнью монархистов в боях – серьезные враги, упертые. Тем паче этот казак. Таких валить наповал нужно, пока беды большой не наделали.

«Пока поземка идет, нас не разглядят толком. Лишь бы поближе подпустил, тогда можно будет его оглушить прикладом али шашкой. Только бы ребята не подкачали – если свой клинок выхватит, то малой кровью не обойдемся. Но стоит попробовать – мы на конях. А если наган достанет, стрелять насмерть нужно, хоть прапор один достанется, но лишь бы своих бойцов не потерять!»

Мысли в голове летели стремительным галопом, пока лошадь приближалась к овчарне неспешным шагом, выдирая все четыре копыта из наметенных всего за одну ночь сугробов.

Но, подъехав поближе, Ермолаев заметил, что офицеров здорово качает из стороны в сторону. Чуть ли не бросает друг на друга, хотя свирепый ранее ветер стал утихать. И движения какие-то нескладные, дерганные, что у опытных офицеров, да еще с вбитой на всю жизнь выправкой, быть не может. И сердце моментально заполонило злой радостью.

«Так они пьяные в лохмотья, zenки самогонкой залили и за своих нас приняли. Потому без

винтарей наружу выскочили. Живьем возьмем офицериков, надеюсь, что бойцы это уже сообразили».

Он оглянулся – его красноармейцы, калачи тертые, сами знали, что делать, чуть склонившись к конским гривам. Со стороны вроде от ветра лица прячут, а на самом деле «разговоры» и хорошо узнаваемые остроконечные, с шишаком шлемы скрывают. А раз так, то офицеры могут и не различить подмену, и близко подпустят...

– Мы здесь, станичники!

– Не ори ты, Родя, как мартовский кот, что «хозяйство» свое напрочь обморозил!

Пасюк недовольно скосил глазом в сторону своего молодого приятеля, что скакал бесноватым козликом, цокая по снегу кирзачами, радуясь неожиданным спасителям.

«Так искренне могут прыгать только пьяные люди, готовые возлюбить весь мир», – он хмыкнул, с трудом выдирая ноги из сугроба. Хмельной угар еще не прошел, мутило изрядно, перед глазами плыло, но он все же разглядел пятерку всадников, что браво сидели на конях.

Ладные такие, прямо настоящие казаки – в шинелях, поперек седел крепко держат винтовки, бурятские шапки с непонятным острием, шашки у бедер. Вот только Усольцев божился и клялся, что вместе с ним будут еще два верховонных казака, более у него станичников просто нет.

А тут пятеро, или перед глазами начало множиться с ночного перепоя и перенесенного стресса?!

Все же литр цельный водки на рыло под половинку одной-единственной шоколадки слишком убойная для здоровья доза. И разные чудеса со зрением сотворить может.

– Мы здесь...

– Не кричи, Родя, они и так нас видят, подъезжают. Только вроде их пятеро. Буряты, что ли, я плохо их вижу? Шапки ихние, с острием, да и халаты длиннополые – они до сих пор старину любят, особенно в национальной одежде щеголять любят. Ладно бы только ружья, тут волки имеются, если они на охоту собрались, но сабли-то зачем с собою взяли?!

– Буряты в халатах, в шинелях они не ездят. – Артемов прищурился, разглядывая всадников, и через секунду воскликнул тонким голоском, полным великого изумления:

– Так это коммуняки недобитые! Поклонники, как его... Каландаришвили. У них на шинелях синие полосы нашиты. И на буденовках звезды синие, мать их! У них что – красная материя перевелась, или у меня глюки начались?!

– «Разговоры», что ли?» – настроение у Пасюка и без того угрюмое, стало совсем мрачным. Он посмотрел на свою изгаженную навозом бекешу, потом скосил злорадствующий глаз на шинель Артемова и выругался в три загиба.

– Видать, Усольцов этих поклонников коммунистов к нашим поискам подключил, вот они всем отрядом и наткнулись. Мать их за ногу, сволочей! Спасители выискались на нашу голову!

– Чего ты ругаешься в три загиба, Сан Саныч? – искренне удивился Родион и удостоился в ответ хмурого, но очень выразительного взгляда. Этот сопляк явно не врубался в ситуацию, а потому Пасюк сразу завелся, с одного оборота, ответил цветистой матерщиной, и лишь потом уже пояснил на литературном русском языке.

– Ты на себя, глянь, господин подхорунжий! Моя бекеша еще ничего, а твоя шинелька вся в дерьме, и вонь от нее на три версты. Ты представляешь, позора какого наберемся?! Половина Тунки всю неделю судачить будет, нас в три загиба поминать! Ты уж сейчас-то не отряхивайся, не позорь себя и меня в их глазах!

Пасюк ухмыльнулся, глядя, как поник его молодой напарник, а потому принялся экстренно спасать положение. Хоть и покачивался от выпитого, но горделиво подбоченился, положив ладонь на рукоять шашки, искренне надеясь, что в этой позиции выглядит в самом выигрышном свете – вот смотрите, люди, какой казак молодец!

Всадники подъехали вплотную, вот только радости на их лицах не было по определению, и руками не махали. Да оно и понятно – красные поклонники партизана и карателя

Каландаришвили вряд ли возлюбили «белых золотопогонников». Хотя люди порядочные оказались, презрев политические разногласия, их искать поехали.

А потому подъесаул Пасюк поприветствовал подъехавших к ним верховых, крепких мужичков с русскими лицами, как на подбор, почти вежливо, не поминая по матери, как всегда делал, смотря кинофильмы про Гражданскую войну.

– Не нас ли ищите, служивые?!

– Вас, вашбродь! Давно ищем!

Всадник наклонился – и его улыбка, похожая на оскал волка, Александру не понравилась. Но ничего он сделать не успел, только в какое-то мгновение зафиксировал глазами летящий прямо в лицо приклад винтовки. И тут же в голове взорвалось ядерное солнце...

Родион Артемов

– Уй!

Хрипло вскрикнув, Пасюк рухнул как подкошенный, ничком. Беловатый снег под его лицом моментально окрасился красной дымящейся кровью. Нападение было настолько внезапным, что в первую секунду Родион не поверил собственным глазам.

Затем до его сознания дошло понимание случившегося, и он, как все пьяные люди, моментально преисполнился лютой злобой и отчаянно-веселой отвагой.

– А, краснозадые сволочи! Вы на кого батон крошите, суки червивые?! Да я вас, падлы, научу жизни!

С диким ревом Артемов выхватил из ножен сверкнувший клинок и тут же застыл – он просто не знал, что с ним сейчас делать. Пасюк хоть несколько недель ходил в клуб брать уроки шашечного боя, приходя оттуда довольным котом, нажравшимся сарделек, а вот самому Родиону, как и другим казакам, было некогда заниматься такими глупостями.

Время холодного оружия давным-давно кануло в вечность, и еще прикажете тратить на такое напрочь бесполезное занятие собственные деньги, силы и время?

А потому современные городовые казаки с гордостью носили шашки, выставя их напоказ, хотя три четверти «асфальтовых» станичников просто не знало, что с ними делать в реальной схватке.

– Да я вас сейчас в капусту нашинкую! Бастурмой станете, в бешбармак превращу...

Родион еще раз взревел раненым медведем, из него в такой ситуации всегда сыпались не ругательства, а названия блюд кавказской и восточной кухни, и тут же припомнил легендарный фильм про мушкетеров. А потому лихо ткнул острием в открытый бок всадника, что тоже выхватил свою шашку из ножен.

Артемов прекрасно помнил, что клинок, кованный местными умельцами из плохой стали, тупой, как колун, а потому рубить им бесполезно, можно и не пытаться. На него даже сертификат выдали, что сия шашечка холодным оружием не является, а лишь только сувениром.

– Вот я вас, павианы краснопузые! Сейчас вы узнаете, как с настоящими казаками рубиться!

И обрадовавшись, он, словно разглядывая себя со стороны, встал в самую героическую позу, которая, на его взгляд, должна была морально сокрушить подъехавших к нему всадников, нанес стремительный удар, выбросив вперед руку. Родион вообразил себя на секунду самым крутым рапиристом в мире, чуть ли не его чемпионом.

Звяк!

Родион ожидал, что проткнет всадника насквозь, а потом сядет в кутузку, за «превышение мер необходимой обороны», но неожиданно сильный удар отбил кисть, и клинок вылетел из его

руки и красочно, как на картинах, воткнулся в снег.

И тут же получил ответный ход – крепкий пинок сапогом в грудь отшвырнул его назад. Артемов, нелепо взмахнув руками, упал на снег и увидел, что верховой ласточкой выпрыгнул из седла прямо на него, явно намереваясь скрутить лежащего.

Но не тут-то было – Родион все же шесть лет занимался в секции карате, да и драться приходилось не раз, и в пьяном виде тоже. Так что опыт стычек, пусть и не совсем таких, а похожих, у него имелся, и вполне достаточный, как у большинства россиян.

А потому парень рефлекторно пнул ногой высоко вверх, даже лягнул, и прямо в брюхо падающего на него человека.

Хэк...

– У, мля! Задушу, контра! Собственными руками задушу! Нет, вначале муди оторву! И съест заставлю! У-у! Гад!

Родион вскочил на ноги первым, а ряженный красноармейцем катался на снегу, держась обеими руками за пах и изрыгал из себя самую гнусную матерщину, угрожая проделать над ним сто казней египетских.

Второй всадник, что «оприходовал» Пасюка, лихо спрыгнул с коня, и с винтовкой в руках кинулся на Родиона. Буром попер на него, как алкаш на заставленный бутылками буфет, подставив для удара самое слабое для мужика место.

И Родион, радостно взвизгнув, решил повторить приобретенный секундами раньше удачный опыт, с диким криком, что вызвал бы одобрение сэнсэя, нанес классический удар, который десятки раз отрабатывал в спортивном зале.

– Кийя!

Вот только забыл Артемов, что шинель не кимоно, а вместо покрытого матами пола блестящий твердый наст, покрытый коварным снежком, а на ногах скользкие до ужаса кирзовые сапоги с гладкой, чуть ли не из картона, подошвой.

– Уй!

Правая нога еще шла к вожделенной цели, но левая поехала вслед за ней по снегу, и Родион понял, что падает на спину. Можно было еще извернуться, но ряженный ловко крутанул руками винтовку и хрякнул прикладом по коленке.

– Ай! Сука! Козлы позорные! Беспредельщики!!!

Артемов катался по снегу, вопя от дикой боли куда громче, чем подраненный им мужик, и изрыгал самые гнусные слова, что слышал от подгулявших братков в его «приличном заведении».

Сильнейший пинок в бочину опрокинул подхорунжего на живот, лицом в снег, и на спину навалилась тяжесть. Руки вывернули с невероятной силой, задрал локти. Кто-то тут же стал связывать кисти, делая это с немалой сноровкой.

– Отбегался, ваше благородие! Так что лежи, пока я тебе бока не намял! Ишь ты, молод ишчо, молоко на губах не обсохло, а уже подлым ударам научился! Это как можно мужика по мудям сапогом приглаживать?! Это каким зверенышем быть нужно?! У нас в деревне за такое башку махом отрывали!

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Вы на кого ручки свои блудливые подняли! Суслики жеванные, козлы похотливые, волки позорные!

Ермолаев поднял было сапог, чтобы пнуть связанного прапорщика в бок, но остановился –

такого вычурного набора слов он еще не слышал в своей жизни. По опыту старый служака знал, что человек, когда испытывает сильную боль, способен на многие откровения. В том числе и такие, как сейчас, что не грех и запомнить, а потом при случае вернуть.

– Геи plombированные! Чтоб вам гриф гитарный в очко засунули! С размаха, да повернули. И смычком потом поиграли!

– Складно излагает офицерик, – рядом завистливо вздохнул Ларионов, уже пришедший в себя от пропущенного удара, – ловок оказался их благородие пинаться. Да кричал как страшно, совсем не по-русски. – И вздохнул с нескрываемым сожалением: – В университете, видать, учился, вон как шпарит. И хотя слова незнакомые наполовину, зато все понятно!

– В университете, – машинально поправил его Ермолаев, будучи не просто грамотным, а два класса высшего начального училища прошедшим. И только снова поднял сапог, как тут же застыл, напряженно вслушиваясь в гневные крики офицера.

– Сюда сейчас вахмистр Юрка Усольцов подъедет с казаками, они из вас котлетный фарш нарубят!

Ермолаев вздрогнул – эту фамилию им уполномоченный на днях говорил. В банде есаула Шубина служит такой, чуть ли не его правой рукою. Вот только имени еще в ЧК не знали. Ведь в долине Усольцовых, как на дворовой барбоске блох, и все из них казаки, поголовно и люто ненавидящие Советскую власть.

Рядом беспокойно завертели головами по сторонам бойцы, взяв на изготовку винтовки – мигом сообразили, кого поджидали в заброшенном скотнике господа офицеры. Хотя наступило утро, и рядом целый стрелковый батальон расквартирован, а все равно мало приятного узнать, когда где-то рядом озверелые казаки рыщут.

– Пятеро их, казаков, не иначе. Потому эти офицеры нас за них приняли, товарищ помкомвзвода, – тихо прошептал на ухо Ларионов, но тут же замолчал, ибо схваченный прапорщик, вопя от боли, стал выкрикивать совсем серьезные вещи.

– Да у меня в стриптиз-баре на Луговой крутые «бойцы» завсегда тусуются! «Положенцы» в авторитете! Мы вашу местную совдеповщину в клочья скоро порвем! Как тузик грелку! Братва на «меринах» подкатит, «стрелку» вам забьют, предьяв накидают...

Ермолаев посмотрел на Касьянова – тот, уроженец Иркутска, кивнул головою – мол, есть в городе такая улица.

– Что это он такое гутарит?

– Т-с, – осадил Ларионова Пахом и тихо произнес: – С Иркутска они, из белого подполья сюда посланы. Положение в городе держат, а потому влиятельны шибко. Авторитетные там руководят господа. Видно, с казаками переворот решили устроить. А в городе своих боевиков, бойцов держат. А прапор ряженный, но сам не казак. Из образованных, поговору слышно. Да, – помедлив, он добавил: – лошади у них, видать, хорошие! Мерины какие-то! Может, и нам пригодятся? Надо бы и нам таких лошадок поиметь...

Ермолаев задумался на секунду и понял, что действовать нужно быстро и решительно. Он повернулся к красноармейцам и принялся командовать, негромко отдавая приказы.

– Хижняк и Андреев! Быстро наденьте их форму, и штаны с лампасами тоже. Может, и обознается Усольцов, а вы казаков в упор валите, если сюда подъедут. Но вряд ли – утро наступает. Но все же настороже держитесь, помощь сразу отправлю. Офицеров в седла привязать, напрямую в Шимки уйдем, пока еще метет, может, и не заметят. Поднимем караульную роту, да прочедем здесь всю округу, надеюсь, что не успеют уйти в горы.

Бойцы принялись раздевать офицеров, развязав им руки и навалившись по двое. Шинель с бекешей сняли сразу, и тут же связали. Подъесаул был без сознания, от него разило сивухой за версту.

Однако Ермолаев уважительно цокнул языком – встречался он с такими офицерами на Маныче в прошлом году, тоже были в черных гимнастерках «цветных» полков. И знак у того на груди знакомый, в виде венка с наложенным сверху мечом.

– Это корниловец, братцы, и с орденом ихним «За ледяной поход», что они на Кубани проделали! Видно, от Деникина он сюда направлен. Знатную птицу мы поймали!

Бойцы с ненавистью, но и с нескрываемым уважением уставились на беспамятного офицера – вражина лютейший, поневоле относиться серьезно будешь. Однако тут все вздрогнули от яростных воплей прапорщика, с которого стали снимать шаровары с желтыми лампасами.

– Вы что затеяли, гомосеки?! Себя долбите сколько хотите, а я-то при чем?! Саныч! Они тут все педерасты!

– Пасть кляпом быстро заткните, а то он всю округу своими воплями переполошит!

Время стремительно уходило, а потому приказ Ермолаева выполнили почти мгновенно, и через пару секунд прапорщик подавился собственной рукавицей. Помкомвзвода почернел лицом, понимая всю тяжесть свалившегося на них тяжелого груза ответственности.

– Теперь мы можем все полечь под пулями, товарищи бойцы, но эти офицера живыми должны быть доставлены в Особый отдел! Живыми, только живыми!

Глава шестая. Александр Пасюк

Голова немилосердно болела – еще никогда в жизни Александр не испытывал столь жуткого похмельного пробуждения. В первую секунду он даже не понял, куда попал, и почему так жутко болит тело. И тут же был скрючен жесточайшим спазмом.

– Э-во, ха...

Выворачивало его качественно, наизнанку. Пасюк захлебывался блевотиной, но ничего не мог сделать, ибо руки и ноги совсем его не слушались, будто связанные.

– Да что ж такое делается?!

Подъесаул с невероятным трудом перевалился на бок, и этим спас себя от неминуемого удушья. Рвотная масса хлынула на загаженный грязный пол из плохо струганных досок, и Александр с невыразимым облегчением вздохнул живительного воздуха.

Однако стоило ему попытаться выпрямить свои затекшие ноги, как он не удержался на боку и перевернулся на живот, угодив лицом в теплую, исходящую парком, собственную жижу. Это и добило – его снова вырвало, не менее обильно.

– Ип-тыть!

Кое-как, с превеликим трудом извиваясь ужом, Пасюк отполз чуть в сторону и уткнулся во что-то мягкое. Спасаясь от искусственной слепоты, он стал тщательно вытирать свое изгаженное лицо о шершавую ткань, мотая головой, как уставшая лошадь, из стороны в сторону. Зрение вскоре вернулось, и, открыв слипшиеся веки, подъесаул принялся оглядываться.

– Х-де я?

Бревенчатый потолок, такие же стены – тусклый свет падал с маленького, покрытого ледком, оконца. А еще была печка с кирпичной трубой, и, коснувшись ее лбом, он понял, что ту недавно протопили.

Теплая...

– Это что ж они творят, падлы?! Беспредельщики!

Память к нему мгновенно вернулась, несмотря на жуткие похмельные страдания, и тут же услужливо перелистала страницы недавнего прошлого. Остановившись на последнем кадре, когда обряженный красноармейцем детина ткнул его в лицо прикладом винтовки. Это видение снова вызвало приступ острого бешенства.

– Падлы! Краснюки ряженные!

Ему захотелось впиться зубами в горло этой сволочи, ибо Пасюк только сейчас понял, что иного оружия у него просто нет – и ноги, и руки были качественно связаны. Умелец знающий постарался – с толком вязал, по мягкому бессознательному телу. Потому сам хрен освободишься, от таких пут в одиночку не избавишься.

– Твою мать!

Выругавшись, Пасюк пришел к новому выводу, от которого озверел еще больше. Ему высадили два передних зуба, их острые осколки, торчащие из десен, он ощупал языком.

– Ну, твари гребаные, вы мне за это заплатите. Нашим скажу, они вас в клочья порвут!

Пообещав устроить ряженным красноармейцам самые лютые казни, какие только могло представить его воображение, начиная от элементарного мордобоя и заканчивая качественной поркой, он немного успокоился и посмотрел на лежащее рядом тело, также крепко стянутое кожаными ремешками и перемотанное веревками. В знакомой гимнастерке с серебристыми погонами, на которых сиротливо блестело по одной звездочке, будто слезинки, что текли из его глаз.

Артемов дрых самым бессовестным образом, выдавая тихие свистящие рулады. Вот только

вид у того был еще тот, страшный до жути. Одно лицо в спекшейся блевотине и крови о многом говорило. На лбу товарища одиноким холмом высилась царственная шишка, под правым глазом обильно и широко разлилась плотная фиолетовая синева – кто-то явно приложил туда кулаком или сапогом.

– Нет, ну каковы ублюдки!

Только сейчас Пасюк осознал, что их не только варварски, жестоко и немилосердно избили. Причем неизвестно за что, за какую вину. Но еще самым циничным и наглым образом обобрали. И он с лютой угрозой в голосе пробормотал:

– Ладно, стянули вы штаны с лампасами, фетишисты гребаные, но содрать с груди заслуженные казачьи награды?!

Такого кощунства Александр простить не мог. Все, заигрались местные поклонники Каландаришвили, а потому он их бить не станет, и в ментовку не пойдет. Он направится напрямик к прокурору, причем предварительно проинформировав войскового атамана и сняв в первой же больнице нанесенные им побои. И пусть уже власть сама с недобитыми коммунаками разбирается. Сие ее задачей является, чиновникам и полиции за это платят.

– Это же экстремизм в самом чистейшем виде, террористы, мать их в душу, – с нескрываемой ненавистью пробормотал Пасюк и пополз к Артемову, извиваясь всем телом, словно змея. В голове у него появился новый план, как им вдвоем побыстрее отомстить своим обидчикам. Ибо такое важное дело оттягивать до прокурора никак нельзя!

– Щас, паря, я путы тебе разгрызу, потом ты меня развяжешь. И мы устроим этим ублюдкам представление!

Родион Артемов

– Да очнись, ты, дурень!

Знакомый голос с трудом ворвался в сознание, разметав в стороны хмельную муть, и в мозгу словно обрушилась какая-то пелена. Артемов дернулся всем телом и очнулся. С невероятным трудом он поднял слипшиеся, словно свинцовые веки и открыл глаза. Вначале перед ними плыла какая-то муть, а потом он увидел лицо Пасюка. Но в каком виде был прежде бравый подьесаул?!

– Ни хрена они тебя отделали!

Родион хрипло вытолкнул из горла первые слова, что пришли ему на ум. Старший товарищ просто был страшен чумазым ликом, перепачканным кровью и какой-то вонючей мерзостью. Нос был превращен в синюю запеченную «бульбу» – ну как же, прикладом прямо в лицо врезали. Во рту виднелась черная проплешина между белыми, аж блестящими зубами.

– Саньч, эти педерасты тебе зубы выбили!

Сказал и осекся, ибо Пасюк от констатации этого простого факта оскалился бешеным псом.

– Я с этими коммунаками недобитыми сейчас посчитаюсь. Только ты меня развяжи скорее, путы на тебе я уже перегрыз. И зубами все веревки с ремешками вытянул. Хорошо связали, сволочи. Это не Тунка, а прямо заповедник недобитых коммунистов!

Артемов присел – голова жутко болела, ее разламывало, будто внутри с молоточком засел маленький, но пьяный в дупель, гномик, и принялся со всей своей бесшабашной дури лупить по стенкам бедной черепушки. То ли зверское похмелье началось, то ли от побоев, а скорее от двух этих факторов вместе взятых.

Машинально Родион огляделся, скидывая с себя веревки – их явно заперли в каком-то теплом сарае для скота, ибо смердило навозом или пометом изрядно, благо еще и печь была.

Теплая!

– Да ты не озирайся, развязывай меня скорее...

Злой шепот друга выдернул его из созерцания, и Родион принялся растирать затекшие от пут руки, с изумлением разглядывая глубокую бороздку на коже запястий.

– Так всегда бывает, Родя. У меня руки тоже затекли. Да не сиди ты сиднем, развязывай!

От яростного шепота Артемов наконец-то опомнился и принялся разматывать Пасюка. Узлы пальцам не поддавались, ногти были недавно острижены, а потому он недолго думая пустил в ход зубы, хотя прикасаться ими к липким и вонючим ремешкам было противно.

Измочалил кожу и потянул кончик – вроде бы хорошо пошло. Но запашок стоял такой, что к горлу подступила тошнота, и его неожиданно вырвало гнусной и дурно пахнувшей смесью прямо на спину товарища. Хорошо, хоть лицо успел чуть отвернуть в сторону, и большая масса рвоты загадила и без того грязный пол.

– Ты что творишь, паря! На хрена меня облевывать!

Возмущение Пасюка было воистину безграничным, голос прямо дрожал от едва сдерживаемого негодования. И Родиону повезло, что руки того были еще связаны, иначе схлопотал бы он крепкую плюху.

– Прости, Саныч, я нечаянно!

– Да ладно уж, прощаю. И так я грязный как свинья – и стираться надо, и мыться. В баньку бы...

– Не мечтай. И радуйся, что я отпетушить тебя не дал!

– Что?!

Пасюк чуть ли не подлетел на полу, глаза вылезли из орбит. В другое время Родион бы засмеялся, но сейчас ему было не до смеха. Он сам искренне верил в то, что говорил, настолько красочно было воспоминание об охватившем его тогда ужасе.

– Они тебе прикладом в зубы дали, ты и скопытился! А я одному в харю приложился, завалил суку! Тут они на меня все и набросились скопом! Я бы отбил, да сапоги подвели, поскользнулся...

Родион говорил горячо, глядя, как Пасюк умело растирает свои затекшие руки и ноги, восстанавливая кровообращение. Молчание подъесаула он воспринял на свой счет и решил открыть ему глаза на истинную подоплеку событий.

– Эти краснюки переодетые не спасать нас с тобою приехали! На всю жизнь опозорить хотели, над казаками поизгалятся в честь своего праздничка! – Родион захлебывался от возмущения. – С тебя они штаны сдернули, и один свою елду настраивать начал, а она у него конячья! Подумал еще, что вдудонит он тебе по самую сурепицу, ты копыта враз отбросишь! Я завопил, как мог, они и испугались – на коней нас закинули и повезли! А я сознание потерял и не видел дороги...

– Отпетушить хотели?! Лучше смерть!

Пасюк хватанул себя за задницу пятернею, словно проверяя, состоялся ли над ним акт мужеложства, пока он был без сознания. Проверка, видимо, его не совсем убедила – настолько страшно исказилось лицо подъесаула, что Артемов отшатнулся от него.

Шутить на тему старого анекдота про макаку и смерть от нее храброго воина, ему сразу расхотелось, и тут он услышал за окошком громкие голоса и скрип снега под ногами.

– Падай быстрее на пол, накинь на себя веревки, замри и ветошью прикинься!

Злой шепот Пасюка был преисполнен лютой злобы, в такой ярости Родион его еще никогда не видел, а потому быстро накинул на себя веревки и упал на пол, выбрав место почище. И, уже закрыв глаза, выслушал тихое распоряжение рычащим голосом:

– Мы их не бить будем! Мочи тварей, что есть силы, лучше в тюрягу сесть, чем такой беспредел над собою снести! Педерасты, мать их за ногу! Я вам устрою гей-парад под красным

знаменем!

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Командир взвода Ермолаев, доблестный боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии награждается орденом Боевого Красного Знамени!

Комбриг Грязнов подошел к нему вплотную, расстегнул крючки на шинели и, просунув руку, стал привинчивать заветный бело-красный знак на алой розетке. Ермолаев задохнулся от переполнявших его чувств, а комбриг неожиданно гаркнул ему прямо в ухо:

– Да проснись ты, взводный...

Пахом судорожно дернулся от неожиданности такой перемены и вскочил с мягкого топчана, еще находясь во власти сна. И только сейчас проснулся, увидев как от него шархнулся Ларионов.

– Тебя, взводный, Либерман к себе кличет, он с Кырена приехал!

– Такой сон ты мне испоганил. – Ермолаев передернул от возмущения плечами и подошел к жестяному рукомоюнику. Холодная вода вернула ему обычное состояние, и Пахом почувствовал себя свежим как никогда.

– Да не стой ты тут столбом, сейчас схожу в Особый отдел, – повернулся он к Ларионову, что нагло ухмылялся, косясь на кровать. Тут гадать было нечего – боец нетерпеливо ждал своей очереди выспаться, уж больно суетливой была прошедшая ночь и суматошным все утро.

– Товарищ Либерман приказал к нему захваченных нами офицеров немедленно доставить. Так и велел! Пусть хоть водой их отливают, но в чувство привести. И тебя приказал разбудить, мол, и так чуть ли не весь день ваш помкомвзвода проспал. Так что иди ты к нему, уж больно гневен сейчас товарищ уполномоченный!

– Да ложись ты спать! – Буркнул Ермолаев красноармейцу и стал застегивать ворот гимнастерки. И, не успев дойти пальцами до верхней пуговицы, услышал за своей спиной залиvistый храп – то парень уже торопился наверстать упущенное нынешней ночью.

– Зовет, так придем!

Пахом надел на себя меховую безрукавку, затем шинель, туго перепоясался ремнем с тяжелой кобурой нагана и проверил, как выходит остро заточенный клинок из ножен.

Это он делал каждый раз перед тем как нацепить шашку – насмерть вбили в память въедливые гусарские унтера на первом году четырехлетней службы, которая должна была закончиться у него аккуратно в августе 1914 года. И он тогда мечтал, как вернется в свою деревню в красивой форме и все девки наперебой станут на него заглядываться.

– Не судьба...

Печально усмехнулся Ермолаев своим воспоминаниям. Вместо дома оказался молодой ефрейтор на долгой трехлетней войне с германцами, в которой его ранили дважды шрапнелью. А также отравили раз боевыми газами, и пульей в ногу свои же угодили.

Все было на той войне, двумя Георгиевскими крестами с медалью наградили даже, вот только не за лихие конные атаки, которые он раньше представлял. Пулемет заставил кавалерию спешиться, загнал ее в окопы, что быстро опутались колючей проволокой в несколько рядов.

Тяжелые «чемоданы», которыми русских щедро потчевала германская артиллерия, наводили на солдат такую тоску, что была особенно страшной в долгом и томительном окопном сидении.

За что солдатики кровь три года проливали?! Чтобы буржуи продолжали сладко есть и пить?!

В семнадцатом году прорвало – армия и народ на дыбки дружно поднялись, показали свою силу. Пахом с удовольствием вспоминал, как насадил на штык костлявого ротмистра, бывшего гвардейца, изгнанного за какие-то темные дела из полка. Тот был гневлив безмерно, всячески оскорбляя гусар, и тяжел на руку.

Вот и отлились кошке мышкены слезки!

Зато какими шелковыми враз офицеры с генералами стали, глазки как у них забежали, искательно. Зато потом они от страха потихоньку опомнились и за Корниловым пошли – сам Ермолаев тогда на Кубани еле ноги от белых «добровольцев» унес...

– Никшни, Родя!

Подъесаул шепотом отдал команду и притих, изображая из себя беспмятное тело. Но внутри Александра просто трясло от еле-еле сдерживаемого бешенства. Он многое повидал в своей бурной жизни, даже судимость, ныне погашенную, имел за хулиганство, хотя и условную, в «обезьяннике» трое суток парился, что было, то было!

Но такое?!

Даже знающие «братки», с которыми он в свою бытность разговаривал, о таком беспределе гомосексов, обряженных в форму красноармейцев, даже не заикались. Вообще до сегодняшнего дня Пасюк никогда не слышал, чтобы «голубые» вот да таких «ролевых игр» додумались...

Дверь открылась со скрипом, и в узилище зашли двое – Александр хорошо видел вошедших через ресницы: испытанный прием всех женщин, которым и в его положении сейчас не грех воспользоваться.

Оба были в длиннополых шинелях с поперечными красными «разговорами», в солдатских куцых папах, а не в тех «лохматках», что носили они с Родионом. И вооружены столь же «древним» оружием, согласно принятым на себя ролям – у одного висел кривой кинжал бебут на поясном ремне, у второго винтовка, обычная драгунская, немного укороченная «мосинка» с примкнутым граненым штыком.

«Заигрались, сукины дети, все так натурально!»

Мысленно восхитился Александр, прекрасно осознавая, что в нынешних оружейных магазинах можно купить любую нерабочую модель. Он сам ППШ по случаю приобрел – совсем как настоящий, вот только ствол у него сплошняком залит, да бойка нет, без надобности.

Многие потому для школы такие же АКМ и АК-74 приобретают – разрешений не нужно, а потому свою голову ломать не надо, по инстанциям бегаючи. Зато курс первоначальной военной подготовки для детишек организовать запросто можно, сборку и разборку. Ведь совсем как настоящие автоматы, только стрелять из них невозможно.

– Товарищ Либерман приказал энтого есаула к себе первым привести, – сильный пинок в бок потрянул тело. – Эй, ваше благородие, давай очухивайся да зенки свои открывай!

– Не, – гундосый голосок проблеял со стороны, – не встанет офицерик, вона как перегарищем за версту от него прет. Да и облевался весь, как худой котенок, вонизма одна идет, аж в носу засвербело!

– Давай в снег его окунем, очухается...

«Натурально-то как играют, в роль вошли!»

Этого момента Александр и дожидался с превеликим нетерпением, почувствовав, что над ним наклонился один из «красноармейцев», а второй своей лапищей уже взялся за ногу.

Хряк...

– Ой, вбили!

Ступня с размаха хлестанула подъемом точно по носу – красноармеец отлетел к печке и, ударившись затылком о дверцу, да так, что звон пошел, обмяк, конвульсивно дернувшись конечностями.

– Уй-я!

Второй боец успел вскрикнуть от лютой боли – кому понравится, когда грязным пальцем прямо в глаз ткнули!

Хряк-с!

И тут же последовала выброшенная вверх ладонь правой руки – ее ребро врезалось в мягкое

горло. Но удар с лежащего положения оказался все же слабоват, тюремщик только вякнул и тут же ухватился за рукоятку бейсбита. Это было его последнее осмысленное движение.

– Кийя!

Хрясть...

Александр знал, что Артемов занимался карате, но чтоб с одного удара по шее убить вот так запросто?!

– Ты что творишь, Родя?! С «катушек» совсем съехал? «Резьбу» сорвало на хрен?! За это срок нехилый нам живо намотают, на необходимую оборону не посмотрят!

Пасюк ошалело посмотрел на молодого приятеля, от которого он никак не ожидал подобной прыти.

«И откуда столько лютости взялось у парня?!»

А тот с изумлением рассматривал свою собственную ладонь, будто в первый раз ее увидел.

Ряженный красноармейцем лежал у них под ногами, с его рта толчками выплескивалась густая дымящаяся кровь – он хрипел, царапая доски корявыми пальцами. И шея неестественно выгнута – слишком сильный оказался удар,ломавший шейный позвоночник.

– Капец котенку, лапы склеил!

Кратко и глухо констатировал следствие схватки Александр и только сейчас опомнился. Посмотрел на второго тюремщика – тот уже не двигался, с прокушенной губы по подбородку текла кровь. И именно вид этой алой жидкости снова его взбесил – семь бед, один ответ.

– Их трое осталось, Родя. Теперь нам нужно всех насмерть валить, чтоб другим не повадно было!

Пасюк крови и трупов совершенно не испугался – и дрался часто в молодости, проливая свою и чужую юшку, и в тайге, встретившись с лихими людишками, в бытность своей работы егерем, двух браконьеров лично застрелил. Напарнику его тогда не повезло – первым шел и словил в упор картечный снаряд в грудь, всю разворотило. Он потом его на руках держал, глотая соленые слезы. Так что привык к смертушке, не испугала она его.

И хуже – кровь ударила в голову, так часто бывает.

– Посадят ведь, Саныч!

– Ни хрена, на состояние аффекта спишут! Любой судья за этих мужеложцев срок нам условным сделает – они же нас хотели трахнуть, твари! Не мы их! Надо же, кинжал у этого прямо настоящий!

Он хладнокровно наклонился над трупом и с лязгом выхватил из ножен бейсбит. Таким ему приходилось уже пользоваться на занятиях, правда, на счет своих фехтовальных способностей, он не обольщался. Так, для показухи целый месяц учился, крутя казачью шашку в кисти чуть ли не до вывиха, не для боя. Чтоб впечатление на незнающих произвести да перед молодыми бабенками похвастаться.

Ну и бейсбитом заодно немного поучился, техника одна, только клинок у него чуть короче, чем у шашки. А вот обычный нож совсем других тренировок потребовал, совсем иные оказались с ним приемы.

Клинок, причем остро заточенный, заиграл в руке, и Александру даже показалось на секунду, что сталь испытывает сама нетерпение. Это ощущение и снесло окончательно «крышу»...

Родион Артемов

Родион растерянно посмотрел на Пасюка, что в теплых кальсонах, но с длинным кинжалом в руке, рванул к открытой двери раненым быком, и перевел взгляд на лежавшую на полу

винтовку.

Решение пришло к нему мгновенно – бросить товарища, старшего брата-казака, что спас его от смерти в буране, он никак не мог, а потому наклонился над оружием.

Легендарная «мосинка» оказалась чуть-чуть тяжелее учебного «калаша», который он один раз разбирал-собирал на военных сборах, что проводили в станичной Управе при церкви, длинной, с торчащим штыком, который так и норовил ткнуться, а потому очень неудобной. Такой орудовать придется как копьем, только втыкать, куда придется.

Со штыком наперевес Родион бросился в дверь, сумев представить себя со стороны в самом героическом свете – израненный коварными супостатами казак идет в последнюю атаку, как легендарные каппелевцы, искренне надеясь своим решительным видом обратить здешних коммунистов в бегство. А если что не так пойдет, то Артемов был твердо уверен, что Пасюк его выручит.

Но, выскочив во двор, он тут же наступил на тело в серой шинели. И взвизгнул – вокруг разливалась кровавая лужа, яркая даже на загаженном сером снегу. Потом Родион увидел Пасюка, совершенно озверелого и громко матерящегося – тот втыкал бебут, словно штырь, в бедро лежащего под ним второго солдата, который в свою очередь истошно кричал, сотрясая вечерний морозный воздух.

Такой вопль Артемов однажды слышал в деревне, в своем раннем детстве, как раз перед школой, когда гостил у бабушки – дед тогда резал во дворе свинью!

Заполошный, леденящий сердце холодными тисками, полный смертного ужаса крик!

И тут он увидел, как из всех строений, окружавших просторный двор, посыпались все такие же ряженные люди, как вошедшие в недавнее узилище – в серых шинелях и грязных полушубках, в папах, многие сжимали винтовки в руках. Были среди них и другие, хотя и немного, наподобие тех, кто их пленил – но разноцветные красные и синие «разговоры» на форме ввели его в ступор на добрую секунду.

«Да откуда вас столько взялось, как тараканов?!»

Ненормальность происходящего настолько поразила его сознание, что Родион заполошно закричал во все горло, всем инстинктом ощутив, что сейчас их будут просто убивать, шкурой своей понял, что заледенела по хребту нестерпимым ужасом.

– В очередь, сукины дети, в очередь!

– Саныч! Да их тут как грязи!

Артемов стрелял один раз из ружья, там тоже нужно было передернуть затвор, как на этой винтовке. Однако, к его великому изумлению, рукоять затвора так и осталась недвижимой, хотя он рвал ее всеми пальцами. А между тем народа в просторном дворе все прибывало, лица людей, искаженные злой яростью, оптимизма не прибавляли.

Родион огляделся загнанным зайцем и увидел, как на Пасюка набегает красноармеец в буденовке, с обнаженным клинком в руке. Он его узнал сразу же, именно этот хмырь ударил подъесаула прикладом по лицу, а потом скрутил и его самого.

– А, сука! Зарублю сволоту!

Судя по дикому реву Александра, тот тоже опознал своего недавнего обидчика. И с хриплым матом кинулся на него, высоко подняв сверкающую сталь бебута для удара.

Звяк!

Клинок был вырван из рук Пасюка сильным ударом и улетел куда-то в снег. Но приятель, с тем же диким звериным воплем, в единый миг преодолел расстояние до врага, и впился тому зубами в лицо, рыча голодным псом. Теперь истошно взвыл ряженный, пытаясь отодрать от себя озверелого казака, громкими воплями призывая на помощь.

– Ну, мля, офицерик!

Так и держа винтовку как весло на высоте груди, Родионов растерянно посмотрел в сторону свирепого до ужаса голоса, что раздался почти рядом. На него бежал человек в солдатской шинели, направив прямо в живот ствол винтовки с острым жалом штыка.

– Живьем брать офицеров! Живьем!!! Убьете, всех под трибунал отправлю! Под расстрел пойдете!

Резкий голос с высокого крыльца, принадлежащий неизвестному в черной кожаной куртке, будто сошедшего с кинолент, посвященных ЧК, словно остановил солдата, и острое жало штыка, вместо того чтобы проткнуть Родиона, вильнуло в сторону.

Подхорунжий вышел из ступора и лягнул солдата что было сил, не желая оказаться куском мяса на остром шампуре. Удар пришелся тому в коленку, однако напор оказался настолько велик, что раженный буквально отшвырнул своим плечом Артемова назад.

За спиной кто-то вскрикнул, штык винтовки, которую Родион не выронил из рук, уткнулся в какое-то препятствие. Он повернулся и волосы встали дыбом – острое граненое жало торчало из разинутого рта, из которого буквально хлынула потоком алая дымящаяся кровь.

– Эй-х...

От осознания того, что он собственноручно нечаянно пригвоздил солдата к стенке, и убил того – чтобы такое понять, ему оказалось достаточным взглянуть в бездонные глаза умирающего, Родион в жуткой панике, вложив все силы, отчаянно рванул винтовку обратно. Словно это движение могло бы спасти жизнь заколотого им молодого солдата.

Хрясь!

– Ось-хра!

Словно по стене ударил. Приклад пришелся точно в лицо того солдата, что подбежал к нему первым. Нос моментально брызнул кровавыми соплями, тот навзничь рухнул на снег, зажав окровавленными ладонями лицо. Родион в ужасе выронил винтовку из рук.

– Я нечаянно...

Еле слышно проблеял парень, и тут же был свален на снег подбежавшей толпой. Удары посыпались суматошным градом со всех сторон, вначале было очень больно, а потом в голове Артемова словно взорвалась яркая электрическая лампочка в тысячу ватт...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Что же ты так с охраной опростоволосился, товарищ Ермолаев?! Ведь трех бойцов офицеры насмерть таки вбили. Еще двух изувечили – одному челюсть прикладом разнесли, шепелявит теперь едва-едва. Другого ножом истыкали...

– Бебутом, товарищ Либерман!

Машинально поправил Пахом, пребывая в самом тоскливом состоянии. Сейчас на него чекист, а уполномоченных Особых отделов именно так в армии называли, всех собак на него свешает, и хана – за меньшие проступки трибунал в «расход» направлял.

– Ага, кинжалом, – с нехорошей улыбкой согласился Либерман, задумчиво потерев свой выдающийся вперед нос. – Хорошо, что доктор из Тунки здесь к роженице приехал, успел зашить ногу, иначе бы боец кровью истек. И по твоей вине, товарищ Ермолаев, все случилось.

– Виноват, товарищ Либерман, – совсем убитым голосом произнес Пахом, только сейчас осознав насколько коварным был недавний сон. И вожделенным орденом поманил, и новым званием. Все же или два «треугольника» на рукаве носить, или командирский «кубарь» – есть большая разница. А тут, если даже трибунал смилостивится над ним, во что поверить трудно, то опять в рядовые переведут. И спорет он свои алые нашивки как миленький, да еще с радостью,

что к стенке не поставили.

– Скажи, что думаешь об этих офицерах? Ты у нас опытный боец, шестой год воюешь, глаз наметан!

Чекист резко задал ему вопрос, который Пахом сейчас никак не ожидал, да еще внимательно посмотрел на Ермолаева блестящими глазами. И тот почувствовал облегчение, поняв, что уполномоченному Особого отдела его соображения действительно очень важны. А потому начал отвечать медленно, тщательно подбирая слова.

– Подъесаул опытен, матерый, но чин выслужил из простых казаков. У него на правом плече кожа более плотная, видно, что приклад часто приставлял. Шашкой владеет мастерски...

– Ты же ее первым ударом вышиб!

– Это была не шашка, а бебут – тут у меня уже большое превосходство было, клинок ведь на две ладони длиннее. Он сверху махнул – а так удар наносит либо самоуверенный глупец, либо очень умелый и опытный рубака. И каким считать этого есаула, если до того он двоих наших бойцов на дворе как курей этим бебутом зарубил?

Ермолаев скривил губы, пожав плечами. С матерыми казаками он сейчас не хотел бы в рубке один на один сходить, хотя гусаром был не из последних, как-никак без малого почти десять лет в седле провел.

– Мне жутко повезло, товарищ Либерман, что у него не шашка в руках была. Просто подъесаул с похмелья жуткого страдал да по морде утром от меня прикладом до того получил, не евши всю ночь, вот силенок ему на добрую схватку и не хватило.

– А прапорщик?

– Вражина лютый, но не казак, в лампасы ряженный. Да и офицером стал недавно, командных словечек совсем не применял, ругался как горожанин балованный, студенты и то забористей иногда выражаются. Но заковыристо, нас сусликами жеваными обозвал.

– Сусликами?!

Либерман хохотнул, но глаза продолжали оставаться цепкими и холодными.

– А с чего ты решил, что он не казак, а переодетый лишь в форму?

– Шашка у него очень худая и тупая, такую настоящий казак никогда в руки не возьмет.

– А если он ее нашел?

– Так заточил бы, а то она лезвие колуна имеет, чуть ли не три спички. И владеть ею совершенно не умеет. Меня утром ткнул так, что обхохочешься – любая баба пестом ловчее управляется. Нет, не казак он, кто ж так на шашках бьется, будто в первый раз в жизни клинок в руки взяв. А вот винтовкой здорово орудует, двоих наших запросто завалил, сам видел. И еще двух в карцере убил – у одного висок проломан, у другого шея перебита. Видимо, напали неожиданно, наши и оплошали. А он винтовку вырвал и прикладом их добил. Умелец, ничего не скажешь, мать его в душу офицерскую, в три загиба колесом, да по Тверской!

Ермолаев насупился.

Как бы ни зачерствело его сердце, но сегодня он бойца потерял, да пятеро караульных стрелков полегло с ним, хорошо, что двоих только ранили. И все из-за его промашки, нужно было внутренний наряд проверить, а не спать завалиться. Но терзать себя было бессмысленно, что случилось, то случилось.

– Думаю, и не с пехоты прапорщик, и не артиллерист тем паче, а скорее с искровыми станциями дело имел – пальцы у него тонкие, белые, оружейного масла и грязи даже малых следов нет.

– Телефонист, что ли?

– Нет, те по грязи свои провода тянут. А этот чистенький. Не телефонист он, или на искровой станции радио давал, или на телеграфном аппарате работал.

– Хм. А пожалуй, ты прав, – после долгой паузы хмыкнул уполномоченный Особого отдела, и на его губах заиграла многозначительная улыбка. – На этом ты и решил, что прапорщик не казак?

– Задницу его смотрел, она белая и мягкая, никаких потертостей на коже, а значит, к седлу непривычна. А казак без коня немыслим! Я таких еще ни разу не видел!

– Резонно.

Чекист кивнул головою, соглашаясь, и, пройдясь немного по горнице, подошел к столу, выложив на него взятый у подъесаула револьвер.

– Ну а это что за штука?

– Господская игрушка, – презрительно скривил губы Ермолаев. – Видел, как офицера своим женам такие брали. Буквы на нем иноземные, не нашенские, баловство одно, а не оружие. Ствол короткий, гильзы маленькие, а значит, заряд пороха вдвое меньше, чем у нагана. Зато отдача слабая, как раз для их слабых ручонков.

– Слабоват, говоришь, – усмехнулся Либерман, и в его голосе послышалось некоторое сомнение, которое Пахом попытался тут же развеять.

– Лавка тут из лиственницы мореной состругана, дюйма два. Если даже в упор пальнуть, ни за что не пробьет. Разрешите сейчас проверить, товарищ Либерман!

– Ну, только ради чистоты эксперимента. Дайте два выстрела по ней в упор, товарищ Ермолаев. Хозяин, я думаю, возражать не станет по поводу порчи своих мебели.

– Не будет, – усмехнулся Пахом и, прицелившись в лавку, нажал на неожиданно легкий для револьвера спуск...

«Надо было Бурхана уважить. Сыграл он с нами злую шутку, как пить дать сыграл!»

Мысли текли в голове неторопливо, тягучие, как патока. За эти сутки Александр только и мог, что размышлять над случившимся. А что еще остается делать, неподвижно лежа на доброй груде мягкой соломы с наброшенными на нее половичками.

Отделали его во дворе так, как никогда в жизни еще не доставалось. Даже показалось, что все тело стало одним сплошным синяком. Но, стоило очнуться, как Пасюк обнаружил, что лежит в той самой стайке, но в совершенно других условиях. И постель ему приготовили почти царскую, и узилище прибрали, и печь постоянно топили.

Родиона, которому, судя по всему, досталось намного меньше, устроили на другой стороне, в такой же постели. Приятель пару раз пытался заговорить с ним, но эти робкие попытки были тут же пресечены внушительным караулом из пяти угрюмых жлобов, вооруженных до зубов и сменявшихся через каждые четыре часа.

Мужики в красноармейских шинелях несли караульную службу бдительно до жути, прямо церберы какие-то, а не ряженые. Александр даже подумал, что тут нет никакой игры ни на капельку – все по-настоящему и предельно серьезно.

Они совсем не разговаривали между собою, только сопели, с искренней ненавистью так поглядывая на своих узников, что у Пасюка постоянно свербило в одном месте. Не сводили с них глаз ни на секунду, сжимая винтовки так, что костяшки белели и хрустели.

«Боятся, значит, уже уважают. Какая уж тут игра – ребята сильно недовольны, что мы тут резню им веселую учинили. Да и они тут не в бирюльки играть явно собрались, вон как насупились, что твои сычи. Глаза злющие! Дела пошли крайне серьезные, раз они прокурора с полицией не вызвали. А это худо, ой как худо!»

Домыслы рождались в голове в исключительно мрачных тонах, такие, от которых хотелось выть на луну, подобно голодному волку. И понятно, отчего так можно было самому расстроиться!

Первой возникла мысль, что они попали в лапы к умалишенным коммунистам, которую он тут же отбросил, слишком несерьезной она оказалась, ибо столько фанатично настроенных коммунистов не соберешь, хоть один из них, но обязательно проговорился бы. Но эти монстры держались своих ролей, как гвозди, ни единого прокола не допустили.

Вторая была хуже – на место партийных товарищей явился некий олигарх, помешанный на Гражданской войне. Устроил себе развлечение, заплатил сколько нужно прокурору и ментам, чтоб не мешали, построил бутафорскую обстановку, да набрал актеров. И фильм один припомнился, где одни бизнесмены организовали своему пьяному приятелю «перенос» в девятнадцатый век, в шкуру помещика, наняв для массовки целую деревню со старинной дворянской усадьбой. Пасюк отбросил ее не сразу, а тщательно обмозговал и пришел к отрицательному выводу.

Не те с них персоны, чтобы перед ними такое целое театрализованное представление устраивать и позволить при этом целый штабель трупов уложить – да тут любой прокурор взовьется, аки птица!

Потом стал грешить на заповедное бурятское место, что устроило пакость в виде переноса во времени. Читал он раньше подобное в книгах, фантастики много написали в последнее время, авторы прямо косяками ходят, как лососи на нерест, – в любом магазине книжные полки заставлены в несколько рядов. Почитывая иногда на досуге подобные творения, он искренне смеялся. В подобные «переносы» он не верил ни на йоту, а потому эта мысль ушла за

ненадобностью.

«Не понимаю, что за половецкие пляски пошли вокруг нас, но в одном уверен точно – ничем хорошим они не кончатся. Убьют, как ненужных свидетелей. Но им явно от нас что-то нужно?! А потому нужно прикинуться ветошью и изображать из себя тяжелораненого. Лежать ничком с закрытыми глазами, ни на что не реагировать. И выжидать – нужно узнать как можно больше о том, куда же мы попали и что нас может ожидать. Других вариантов пока просто нет!»

Родион Артемов

– Поешь, вашбродь, вижу, как на чашку ты смотреть не желаешь! Поешь, чай мы не звери какие-то, голодом морить не будем. Души ведь христианские, вот только к крови привыкшие.

От обращенного к нему голоса Родион вздрогнул. Вот уже полчаса, как караул полностью сменился – вместо пятерых с красными «разговорами» на шинелях их принялись охранять всего трое, но уже с «синими» – и все знакомые рожи, как на подбор. Те самые красноармейцы, что их в заброшенном бурятском сарае схватили и отлупцевали.

Теперь на них Родион внимательно посмотрел, благо времени ему дали с избытком, и от увиденного тоска еще больше увеличилась. Эти не производили впечатление ряженных – будто срослись со своею формою, сроднились с нею. И движения у всех спокойные, уверенные и плавные, точь-в-точь как у соседа, майора спецназа. Как он знал – тот мужик зрелый, два раза в Чечню ездил воевать, на 9 Мая такой «иконостас» на грудь нацепил, что его станичные казаки все глаза вылупили. Настоящие ведь кресты с медалями, боевые, а не те подделки, что они себе на перси цепляли.

Эти такие же – и глаза у всех прямо жуть. Смотрят на него без той жгучей ненависти, но так, словно говорят: «Скажут – накормим, прикажут – удавим!».

И ведь прибьют, это не игра!

Родион взял в руки большую жестяную миску, больше похожую на маленький тазик. Затем «синий» протянул деревянную ложку, с добрым, чуть ли не с поварешку, черпаком. Запах от густой смеси кусков мяса и картофеля, с обильными прожилками квашеной капусты был таков, что у него, два дня маковой росинки не вкусившего, закружилась голова.

Удержаться он не смог, не коммунист же ведь, чтоб добровольно себе голодовку устраивать. И принялся за дело, споро работая ложкой, забыв про все на свете и потеряв остатки воспитания от пережитого кошмара – утирал рот рукавом и даже довольно почавкивал, как хрюшка, дорвавшаяся до заветного корыта с пойлом...

– Ты закури, вашбродь, вижу, что табачком балуешься – вон ноготь на пальце на малость желтоват. – Красноармеец терпеливо дождался, пока он доест и, поставив миску за своей спиною, достал из кармана кисет.

– Курю, – согласился Артемов – от слов ему действительно захотелось перекурить поганое дело, связанное с попаданием в такое дерьмо. Вот только как прикажете свернуть себе самокрутку, если никогда в этой жизни не приходилось ее крутить?!

Родион замялся в некотором сомнении, держа шелковый кисет и листок бумаги дрожащими пальцами. Если судить по фильмам, то вроде бы стоит насыпать табаку посерединке, завернуть бумагу, и лизнуть языком край?!

Решив, что сие дело нехитрое, Артемов принялся за дело, но через десяток секунд понял, что не все так просто – табак просыпался, бумага не сворачивалась.

– Оставь, вашбродь, добро зазря просыпешь! – Красноармеец сочувственно вздохнул и отобрал кисет. – Здорово мы тебе пальцы во дворе отдавили. Щас закручу.

Не прошло полминуты, как ему сунули в зубы хорошо свернутую самокрутку да еще

предупредительно зажгли спичку, прикрыв пляшущий огонек широкими ладонями с корявыми от работы пальцами.

Он сделал глубокую затяжку, ожидая спасительной «расслабухи». Вот только первая затяжка тут же стала комом в горле – такой лютости от табака Родион никак не ожидал, это оказался горлодер какой-то. Прямо скрючило кашлем, и он согнулся – желудок чуть ли не вывернуло наизнанку, будто с голодухи, хотя вроде только сейчас миску мясного варева выхлебал.

– Кха! Кха!!

– Экий ты, – боец выхватил самокрутку и сунул себе в зубы, – чего добру пропадать!

И с усмешкой посмотрел на офицера.

– Это ж тебе не дамские папиросы курить, вашбродь?! То самосад ваш сибирский, ох и свиреп, зараза. Его по чуток тянуть нужно, пока в привычку не войдет. Еще дымить будешь?!

– Нет, – отчаянно взвыл Родион и утер рукавом губы под неодобрительный взгляд. Желание покурить у него напрочь отшибло, будто никогда и не было. Нет, такой табак он не хочет. И спросил с надеждой:

– А сигарет у вас нет или папирос, на худой конец?

– Сигарет? – удивленно протянул боец. – Нет, о таких не слышал. А папиросы уже давно не курят, забыли про них.

– Так в портсигаре много было...

– Его товарищ Либерман к себе забрал. Чудные там папироски. Твои, что ли?

– Это сигареты американские, «Винстон» называются, – Родион посмотрел на мужика с сожалением – деревенщина, про сигареты не ведают, пальцем подтираются да еще клоунами работают. Или совсем рехнулись, заигрались в гражданскую?!

Но говорить такое в безжалостные глаза матерого убийцы, а это он нутром почуял, не стал. Тот, словно поняв его опасения, усмехнулся, оскалил зубы. И Артемов торопливо добавил:

– Портсигар не мой, его. – Он показал рукою на лежавшего рядом в неподвижности Пасюка. Красноармеец тут же, к его великому облегчению, уселся рядом с подъесаулом и медленно, но веско заговорил:

– Ты перед нами «ваньку» не валяй, вашбродь, и бесчувственной барышней, что в «положение» попала, не прикидывайся. Чай не такое видали, шестой год воюем. Реснички у тебя дрожат, а, значит, давно подглядываешь. И слюну ты глотал – кушать-то охота. Так садись и похлебай горячего, чашка вон твоя стоит, паром исходит.

– Дай окурочку добить...

Хриплый голос Пасюка, неожиданно севшего на своей постели, обрадовал Родиона, который начал опасаться худого – били-то их зверски, могли все поотбивать к ядрене фене.

– Покури, вашбродь, если хочешь. – Красноармеец протянул дымящуюся самокрутку и спокойно, но с уважительными нотками в голосе, угрожающе протянул.

– Только не дури, вашбродь, и на нас не кидайся. Хотя ты умелец подраться, но и мы в этом деле тоже понимаем, не первый год воюем. А за дверью еще бойцы стоят, чуть что на помощь придут. И на наши винтовки не надейся, без патронов они. Если дернешься – убивать тебя не станем, но ноги и руки прикладами поотбиваем. Так что ешь без глупостей...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Кто ж знал, товарищ Либерман, что этот револьвер не пулями, ядовитой дрянью стреляет!

Ермолаев виновато посмотрел красными, как у кролика, глазами. Нехорошо получилось – решили проверить захваченный у офицеров короткоствольный «бульдог», типично бабское оружие, как он знал, а тот не пулю в стенку послал, а сноп ядовитого газа.

Окна закрыты – холода ведь стоят. И от этой гадости не только они с Либерманом из кабинета, весь его комендантский взвод сломя голову бежал, очумевшим стадом, растирая ладонями глаза. Едкая пакость, до жути отвратительная, только сейчас Пахом кое-как проморгал очи.

А если бы раза два выстрелил, как Либерман ему приказал?

– Хорошо, что ты патрон с красной головкой не истратил, – чекист, напротив, был доволен проведенным экспериментом и светился самой счастливой улыбкой. Правда, картину радости на лице несколько портили такие же кроличьи, растертые пальцами и снегом глаза.

– Тот, наверное, заряжен совсем смертельным газом, который вдохнешь и сразу помрешь в одночасье.

– Так давайте проверим? По овцам в закутке выстрелим, а как помрут, то мы тогда...

– Сиди уж, проверяльщик на мою голову. Надо эти патроны все до единого нашим ученым дать, чтобы они научились нужное вооружение для республики советской делать. Ценности они теперь просто невероятной, а ты стрелять для забавы хочешь, товарищ Ермолаев?!

– Никак нет, не подумавши я ляпнул.

Пахом сконфуженно поник головой, спрятав руки в карманах шинели. В доме было до сих пор холодно, несмотря на то, что несколько часов топились печи. Ведь выбитые окна только сейчас кое-как заделали, тщательно проветрив все здание.

– Ты следующий раз головой думай!

Чекист неожиданно взъярился свирепым бобром, что в здешних местах когда-то обитал. И тут же остыл, видно поняв, что несколько перегнул палку – ведь приказ стрелять для проверки именно он отдал.

– Ладно, что было, то было!

После некоторой, но томительной паузы, пройдясь немного по горнице, чекист подошел к столу. И пододвинул к Пахому знакомые награды, отобранные от пожилого офицера.

– А что по их поводу думаешь?

– Насчет «венка» скажу – дешевая подделка из жести, а настоящий знак из серебра. Тяжелый он, солидный – таким офицеров награждали, что на Кубань с генералом Корниловым пошли. А этот будто на коленке делали, из двух скрепленных жестянок. И лента на нем иная, а должна быть георгиевской, – Пахом говорил уверенно, зная. Но, взяв в руки синий с белым эмалевый крест, на такой же двухцветной колодке, надолго задумался.

– С крестом сложнее. Металл похож на тот, что на капоты аэропланов ставят. Люминий вроде...

– Алюминий, – поправил его Либерман.

– Вам виднее, вы в гимназии учились.

Немедленно согласился Пахом, пожав плечами. Но, видя настойчивый взгляд чекиста, умолкать не стал, продолжил говорить дальше, тщательно подбирая слова.

– Что у них серебра с золотом нет, чтоб из этого алюминия кресты делать? Не слышал, чтобы его использовали для чеканки.

– Но зачем тогда офицеру такие подделки носить? Потерял он их, что ли, и дубликат себе справил?

– Дубли как?

Ермолаев опять задумался, катая языком незнакомое слово. Затем выдал свою версию.

– Многие офицеры настоящие ордена прячут, а носят вот такие подделки. Мало ли что

может быть, в бою всякое случается, а потерять такой знак обидно. А крест казачий, иначе бы на нем скрещенные мечи были бы наложены, а здесь шашки.

– А войско какое награду учредило сию и за какие заслуги?

– Того мне не ведомо. Нужно поспрашивать офицера строго, пусть сам скажет правду.

– Поспрашиваем, и сейчас же, не откладывая в долгий ящик. Сходи сам за ним, – угрожающе протянул чекист, но тут, словно спохватившись, ткнул пальцем в третью награду.

– А как понимать прикажете вот эту медаль на георгиевской ленте, на которой адмирал Колчак изображен? Коего расстреляли всего месяц тому назад и в прорубь опустили?

– Сие серьезно. Его в феврале «разменяли», а они в его память уже медаль учредили, да боевую, на такой же ленте. И награждать стали. А раз эти с Иркутска...

– То там подполье уже крепкое, со связями, раз медалюшка эта на свет появилась. – Либерман скривил губы. – Вот потому мы его сейчас и поспрашиваем, и крепко. Ты уж сам за ним сходи, товарищ Ермолаев, да бойцов надежных рядом держи. Хоть связанный, но опасен, как бешеная собака, с таким настороже нужно быть!

В просторной комнате было всего два человека – молодой еврей в кожаной куртке, явно играющий роль чекиста, да один старый «знакомец», что заехал прикладом ему в зубы, но плохо – не прошло и дня, как подъясаул вырвал из его щеки этими же зубами клочок мяса.

От кровожадных взглядов, встретивших его на пороге, Пасюк поежился, и стало ему очень даже жутко. За эти часы он уже понял, что эти умалишенные, полностью сдвинутые на Гражданской войне мужики ему ни за что не простят своих товарищей, что были его руками заколоты, да Артемовым пришпилены штыком к бревенчатой стене.

Им самое место в психиатрической лечебнице – так он давно решил, но кто их туда загонит?!

Такие морды прокурором да ментами пугать бесполезно, да и на любого судью с прибором положат, раз такими делами занялись.

– Садись, вашбродь, – чекист указал пальцем на стул, и Пасюк осторожно присел на самый краешек – он смертельно боялся этих сумасшедших, хотя старался не показывать страх. Да и больно было, когда лупцевали, и повторять горький опыт он не желал категорически.

– Будем говорить?! – не сулящим добра тоном осведомился еврей, а покоцанный им «знакомец», с перебинтованной мордой встал сзади, положив свои крепкие лапищи ему на плечи.

Неожиданно страх стал отступать. Пасюк почувствовал приступ веселой злости, и, несмотря на связанные руки, в нем забурило силушка. Толчками, будто норовила выплеснуться.

Да кого ему бояться?!

Этих двух уродов что возомнили себя большевистскими царьками?

Олигарх им денежек подкинул, вот они устроили в каком-нибудь брошенном селении свое коммунистическое прошлое. Обрядились для антуража в шинели с «разговорами», да винтовочек клепаных в магазине прикупили, у которых затвор не передернешь.

Если свой страх им сейчас показать, то они дерьмо жрать заставят. Те еще ухорезы, беспредельщики конкретные.

– Будем!

Пасюк отчаянно выплюнул словом скопившуюся внутри злость. Еврей прищурил глаза – вот только этого пристального взгляда Александр уже не испугался. Он уже совсем ничего не боялся – сейчас думал об одном, чувствуя, что начинает сходить с ума.

– И о чем вы будете говорить, вашбродь?

– Об ОМОНе, который сюда вскоре доберется, и вас всех к ногтю приберет. А это времечко близко!

– Так, так... – Казалось, что еврей совсем не расстроился от угрозы, а вроде даже повеселел. – И что это за ОМОН такой выискался?

– Отряд милиции особого назначения, – по слогам произнес Пасюк и увидел, как в глазах допрашивающего человека промелькнуло какое-то непонятное удовлетворение.

– Это который при губернаторе Яковлеве сформировали?

– Так точно. – Пасюк не знал фамилий губернаторов, но раз тут все известно, то стоит согласиться.

– Так они все разбежались еще до нашего прихода! – хохотнул его собеседник, противно заскрипев новехонькой кожанкой – одеждой явно не по сезону, но многозначительной для статуса. Еще бы – первый признак «вооруженного отряда партии».

– Вот они где, а не разбежались! – Александр поднял связанные в запястьях ладони и сжал пальцы в кулаки. – И они еще себя покажут, когда вас берцами начнут в асфальт закатывать!

– Вы к ним шли?

«Лжечекист» проигнорировал угрозу и еще чуть наклонился над столом, сверля его взглядом.

– Да!

– И где же они?

Чекист еще больше наклонился, и Пасюк решил, что этого достаточно, и выкинул кулаки вперед, рванувшись всем телом. Ударом политического оппонента смело со стула, а подъясаул яростно закричал.

– Вот здесь, уроды! Что вы передо мною в советскую власть поиграть вздумали, уроды?! Нет ее, давно кончилась! Выкинули на помойку, и мумии черед настанет, вашего Ленина, сифилитика гребаного...

– Паскуда! Мразь белогвардейская!

Сильные лапы сжались на его горле так, что Пасюка сразу же скрючило от невыносимой боли, и он надсадно захрипел, но сумел отчаянно ударить затылком так, что искры из глаз посыпались.

Но хватка не ослабела, а вроде как усилилась. Свет в глазах стал медленно погасать, и последнее, что ощутил, это теплый ручеек, что весело побежал по его ноге...

Родион Артемов

«Сейчас и меня начнут пытаться!»

Страх настолько охватил Артемова, что у парня стали мелко постукивать зубы. Теперь он понимал, что попал в руки озверелым сумасшедшим маньякам, которые его просто запытают, как несчастного Пасюка, которого несколько минут назад принесли с допроса два дюжих красноармейца в полной «отключке», истерзанного и окровавленного, но бережно положили на чистую солому.

И, ничего не говоря, рывком и молчком подхватили его под руки и приволокли сюда – от охватившего его ужаса Родион окаменел и не то что кричать, разевать рот, как рыба, не мог.

Объяснить происходящее было трудно. Первая мысль была абсолютно безумной – они с Пасюком угодили в руки коммунистам, что затаились в тайге на целые десятилетия, как семья Лыковых.

Он ее тут же отринул, как совершенно бессмысленную – красные победили в Гражданской войне, а потому скрываться в тайге им не было никакого резона.

Это же не старообрядцы, что от гонений царей и церкви в безлюдные места уходили, и не те белобандиты, что партизанили в Якутии до начала Великой Отечественной войны. Тем более что сама Тункинская долина и горы, что ее окружают, исхожены туристами вдоль и поперек, и никто подобного не отмечал.

Вторая мысль появилась сразу же, когда вспомнил прочитанный роман «Охота на пиранию» красноярского писателя Александра Бушкова, в котором сумасшедший олигарх построил в глухой тайге заимку в духе сибирского золотопромышленника, обрядив своих людей соответственно царскому времени. И развлекался тем, что на отловленных людей устраивали самую настоящую охоту, предварительно вволю поиздевавшись над ними.

Теперь, сидя в кабинете, он еще более уверился в этой мысли, да еще в том, что олигарх намного круче того из романа. Потому что устроил не бутафорию, а самую доподлинную реальность – как Родион ни всматривался, но ни малейшего признака современной цивилизации

не заметил, словно и века с тех времен не минуло.

И увиденные им люди не актерствовали, ибо вряд ли бы смогли столь натурально играть, выдали бы себя либо словами, или взглядом с мимикой. А это было намного страшнее и печальнее для них – если олигарх не поскупился на психотропные вещества, что полностью снесли разум у «красноармейцев», внушив им под гипнозом новую реальность, в которой они стали жить, то его с Пасюком отсюда не выпустят.

«Запытают до смерти, сволочи! Вон каким пламенем глаз у чекиста горит – так здоровый человек смотреть не станет. И командир красноармейский вылитый зверюга, удавит своими лапищами и не поморщится».

– Вы офицер Иркутского казачьего войска, – скорее утвердительно произнес, чем спросил, одетый в кожаную куртку чекист. Судя по свернутому набок носу, похожему на птичий клюв, и багрово-свинцовому разливу под глазами, досталось ему от Пасюка качественно, вот только как он это ухитрился проделать со связанными руками. Да еще расплющить нос второму палачу, разбив его всмятку...

– Назовите вашу фамилию и станицу?!

– Подхорунжий Родион Эдуардович Артемов. Свято-Владимирская станица в городе Иркутске...

– Шутить изволите, ваше благородие?!

За какую-то секунду сумасшедший в чекистской кожанке превратился лицом из бледного и помятого, в багряного и гневного. Его губы скривились в страшной гримасе, не сулящей ничего доброго.

– Я, вашбродь, семь лет в гусарском полку отслужил, и то едва в старшие унтеры вышел! – Стоящий сзади командир заговорил со смешком в голосе, но с таким жутким, что Родиона до пяток пробрало.

– У нас подпрапорщиками самых лучших вахмистров ставили или рубак знатных, что полный бант выслужили. И у казаков, как знаю, в подхорунжие таких же вояк добрых выводили, служак старых. И не тебе этим чином прикрываться!

Плечи словно стальными тисками безжалостно стиснули, и Родион невольно вскрикнул от боли.

– Нет, его благородие решил в нижние чины записаться, чтоб за свое офицерство к стенке не поставили. Вот только поздновато, хоть бы погоны с плеч таки снял.

– Да я правду говорю, – искренне взвыл Родион, и в ответ прозвучал издевательский смех.

– Казачью форму вы надели, а вот задницу свою седлом не натерли. Это раз, – чекист демонстративно загнул на руке палец, а затем и второй со словами: – А два, так то, что станицы таковой в Иркутске нет, а есть Спасская. Вы бы хоть вначале узнали хорошенько, прежде чем нам так нагло в глаза врать!

– Да я...

– Товарищ Ермолаев, объясните молодому благородию, что врать нехорошо!

Голос чекиста не успел отзвучать в ушах, как тут же сменился оглушительным звоном, от которого чуть ли не лопнула голова. А боль была такова, что Родиону даже показалось, что у него закипели мозги. И когда он снова пришел в себя, на столе перед собою увидел пасюковскую медаль с портретом адмирала Колчака, что красные содрали у него с груди.

– Хотелось бы знать, Родион Эдуардович, за что награждают у вас вот такой медалью? Надеюсь, вы знаете?

– Знаю. – Артемов облизал сухие губы. – Это войсковая медаль, ее награждают тех казаков, кто сходил на поминовение расстрелянного красными адмирала в устье реки Ушаковки. Я вот не удосужился как-то...

– Хватит тебе, сволочь, над нами издеваться! Мы сейчас из тебя, паскуда, всю правду вытрясем. Товарищ Ермолаев!

Чекист закипел, прямо как чайник, Родиону даже показалось, что у него из ноздрей струйкой выплеснуло пар. И получить снова удар ладонями по ушам от стоящего сзади командира он не захотел, и рванулся вперед, надеясь доказать свою искренность.

– Да я...

Артемов увидел, как исказилось лицо чекиста, снова побледнев. Как он отшатнулся на стуле, закрыв разбитое лицо руками. И услышал вопль, в котором явственно прозвучал страх.

– Товарищ Ермолаев! И эта контра на меня кидается!

Горло парня тут же сграбастали крепкие, словно железные пальцы, и в глазах Родиона мгновенно стал меркнуть свет. Он не мог вздохнуть, почувствовав, что исходит тяжелым предсмертным запахом, о котором читал в книгах. И от осознания этого ему сделалось настолько дурно, что разум тут же рухнул в черную пучину небытия...

Помощник командира комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Ты мне офицеров чуть насмерть не задавил сегодня, товарищ Ермолаев! Ну что это за манера чуть что за глотку хватать и давить! Вы командуете комендантским взводом, что состоит в распоряжении Особого отдела, а потому должны думать! Да-да, думать!

Либерман говорил скрипучим голосом, заплывший синяком глаз отсвечивал бликами перламутра. Вот только время от времени проявлялись интонации, весьма далекие от этого нарочитого гнева. Пахом видел, что результатами обоих проведенных допросов уполномоченный весьма доволен, хотя и пытается скрыть переполнявшее его ликование.

– Того же прапорщика взять?! Он уже ногами сучил по полу и обмочился порядком – я это у висельников много раз видел. Ты что не видел, как офицер в твоих руках чуть не кончился! Обгадился так, что вонь до сих пор стоит. Его еле откачал доктор, хорошо, что его с ранеными бойцами в Тунку не отправили.

– Виноват, товарищ Либерман, погорячился немного! – Ермолаев притворно, как бы искренне раскаиваясь, вытянулся по всем требованиям прежнего устава, будто перед ним опять стоит ротмистр фон Шульц, что проел ему всю печенку за годы кадровой службы.

Ох и въедлив же был собака! Своим «цуком», насмерть вбитом в училище в юнкерские времена, всех гусар достал. Потому его в революцию первым порешили, искромсали саблями на пласты.

– Да не тянись ты, не прежний режим! – несмотря на нарочитое недовольство, чекисту явно понравилось такое выражение субординации. – Сам понимаю, что шибко зол ты на эту белогвардейскую сволочь, но, прежде всего, о деле думать нужно.

Чекист постучал пальцами по столу, лицо его приняло выразительно-мечтательный характер, довольно жмурился, как кот, облопавшийся дармовой сметаной. Но спустя минуту, заговорил снова прежним, насквозь деловитым тоном.

– Мы добрых щук за жабры вытянули, что чуть нашу сеть не порвали. Тогда только один раз чуть промашку не дали, когда они на побег решились, уйму бойцов положив. И револьвер у них чудный, с английскими буквами, он Советской республике очень пригодится! Всякую нашу контру и зарубежных буржуев газом, как крыс, травить.

От пронзительного взгляда Либермана Пахому стало не по себе, ледяные мурашки покрыли тело – «Что же ты удумал?!»

– Ты уже знаешь очень много, товарищ Ермолаев, а потому я потребую твоего перевода в

Особый отдел. Вот так! У тебя есть возражения?!

– Никак нет, товарищ Либерман!

Пахом гаркнул как можно радостнее, хотя на сердце сразу же навалился тяжелый камень, ибо понимал, что отрицательный ответ напрямую подведет его под трибунал, не зря же чекист про «уйму бойцов» настойчиво напомнил. И про возможную награду, что будет за «добрых щук». Так что выбора не оставалось – политика кнута и пряника завсегда эффективна.

– Сегодня ночью уйдем в Тунку. Возьми два взвода в сопровождение, пулемет обязательно, мало ли что. За офицеров головой отвечаешь, врача к ним немедленно направь, с собою его тоже заберем. И в дом перенеси, на кровати, самый лучший уход обеспечить. Они сейчас величайшую ценность представляют, а потому новой промашки быть не может!

– Так точно, товарищ Либерман! Все сделаю!

Пахом рывкнул, но ему было не по себе от свалившихся на него дополнительных обязанностей. Но деваться было некуда – попала собака в колесо, так пищи, но беги!

– Вот и хорошо, товарищ Ермолаев! И особенно держи свое внимание на прапорщике – он самый слабый и уже готов сломаться. Нам нужно на него только хорошо надавить, но бережно, бережно...

К великому изумлению, красные засуетились вокруг него, как квочка у цыпленка – вот уже два раза его осматривал врач, сухонький дедок, таких неоднократно показывали по телевизору в кинофильмах про доброе царское время. Слушал и прощупал организм, дал выпить какие-то настои и порошки, потом пустил в ход мазь – тягучую и вонючую.

Во время процедуры старичок молчал, только хмурился, лишь иногда спрашивал о болях, и все время при том постоянно приговаривал, называя его «милостивый государь». Вот и сейчас, надавив сухонькими пальцами на низ спины так, что Пасюк застонал, старичок пробормотал:

– Вам, милостивый государь, три недельки постельного режима, никак не меньше, и никакого беспокойства. От поездок тоже стоит воздержаться...

– Ничего, их благородие душегуб изрядный, так что до Тунки доедет. – Густой ненавистный голос «командира», что за малым его не задушил, заставил Пасюка заскрежетать зубами. А вот старичок удивил его – доктор воинственно задрал голову и тонким голоском, в котором прозвучала нестигаемая воля, твердо произнес:

– Для меня, милостивый государь, нет белых и красных, для меня есть больные и раненые. А насчет дороги позвольте мне судить, я в Тункинской лечебнице уже двадцать лет лечу людей независимо от своих симпатий или антипатий!

– Доктор, вопрос с поездкой решен, сани уже запряжены. Так что извольте собираться – моих красноармейцев, что их благородие изранил, немедленно отвезем в больницу. И вы едете с нами! Все!

Голос командира был настолько суров и беспощаден, что старичок сразу пошел на попятную – интеллигентского задора хватило ненадолго. Он только пробормотал, обращаясь к статной, со следами былой красоты на лице, пожилой женщине, одетой в старинное, длинное платье, с наброшенным на плечи цветным платком.

– Вы уж, милочка, им «уточки» приладьте, а то мочиться под себя всю дорогу будут. А у них урина с кровью. Нехорошо-с. Исподнее еще одно дайте, мало ли что произойдет в дороге, а мне их переодеть надо будет в сухое, а то замерзнут от мокроты. И настоя налейте – им обильное питье нужно, почки промыть.

– Сделаю, Иван Петрович, – с небольшим поклоном уважительно ответила женщина и тут же принялась хлопотать, слушая короткие, но емкие рекомендации доктора и не обращая внимания на рослых красноармейцев, что заполонили чуть ли не половину небольшой комнаты.

Именно в доме, на мягкой кровати, а не на досках в первом узилище, пришел в себя Пасюк. Теперь он уже не притворялся – отделали его по первому разряду, как только Богу душу не отдал. Артемов, на соседней койке выглядел не лучше, над ним тоже хорошо «поработали».

Эта добрая женщина, судя по всему, хозяйка, взяла на себя всю заботу о них. Причем руки у нее были добрые – не по принуждению делала, а по собственной охоте, настолько бережными были ее прикосновения к его избитому телу. Даже пыталась кормить с ложечки, как ребенка, и чуть не плакала, когда он не глотал вкусный до жути бульон. И убирала за ним охотно, когда гадил под себя.

Единственное, что сильно напрягало Пасюка, так это то, что она молчала все это время, не произнеся ни одного слова. Да и он молчал – избивший его командир пообещал придушить, если он попытается заговорить. И это не было пустой угрозой – эти умалишенные были явно способны убить любого, кто не пожелал бы участвовать в их гнусных игрищах.

Связываться с этим головорезом в третий раз Александр не желал, убедившись на собственной шкуре, насколько тот сильнее его. А шашкой владеет так, что Пасюк искренне

позавидовал – не то, что его, инструктора по фехтованию, ведущего у них занятия, нашинковал бы в мелкую стружку. И где его только научили сабельному бою?!

Одно утешало – даже сейчас его, беспомощного, лежащего на кровати, если не боялись, то изрядно опасались. И мордовороты ряженные рядышком стояли с карабинами, и руки с ногами связали, пусть и не туго. Заслужил он у них репутацию, а это многого стоило.

Женщина собрала их в дорогу, привязав к промежности нечто похожее на грелку, дабы было, куда им мочиться, надела сверху подштанники, затем, к удивлению Пасюка, шаровары с желтыми линиями лампасами, многократно стиранными, но чистыми. Затем при помощи красноармейцев их облачили в почищенную бекешу и шинель, натянув на головы папахи. И лишь после этого женщина вытерла краешком платка мокрые глаза и молча перекрестила их на дорогу.

– Спасибо, – тихо сказал ей Александр и тут же был прерван свирепым рыком своего давнего мучителя.

– Еще одно слово, вашбродь, забью тебе в пасть рукавицу – через задницу дышать у меня станешь!

Пасюк замолчал, но на душе запели соловьи – и все дело в случайных оговорках «командира», или отнюдь не случайных у «доктора». Значит, их увезли в какую-то глухомань, но теперь привезут обратно в долину, в Тунку, вряд ли они оба имели в виду одноименную бывшую казачью станицу. Ведь там, как точно знал Александр, никакой больницы не было, а только фельдшерский пункт.

А уж там ни у одного олигарха возможностей не хватит всех на корню купить или запугать – если не сбежать, то сообщить куда нужно о творящемся беспределе они смогут, благо знакомые и друзья имеются...

В небе ярко светила луна, мороз спал – не погода, а одно удовольствие. Первый раз в жизни Пасюк ехал лежа на санях, заботливо прикрытый тулупом, а не на сиденье автомобиля. Вот только напротив сидела целая парочка конвоиров, не сводя с него глаз, да и ноги, руки были крепко связаны.

Пасюк предвкушал долгую поездку по тайге и трудный спуск в долину. Но к его величайшему удивлению, стоило саням выехать в открытые настежь высоченные ворота под вереей, разукрашенной затейливой резьбой, как вместо ожидаемой тайги он увидел весьма обширное село, раскинувшееся чуть ли не в голой степи.

– Ни хрена себе!

Пасюк никак не мог поверить собственным глазам – справа возвышались знакомые Тункинские гольцы, слева высокие сопки, некоторые из которых можно было называть горами.

«Неужели эти ряженные прямо в долине устроили свою базу? Не может быть!»

Холодный пот потек по телу. Нигде не было видно ни одного огонька, будто по всей Тунке выключили свет. Не проезжали по трассе автомобили, хотя она должна была идти вдоль склонов сопки. Да и самой трассы он не увидел, этой темной асфальтовой ленты.

– Твою мать! Офигеть!

Волосы на голове дыбом – Пасюк почувствовал, что у него чуть не остановилось сердце в груди, превратившись в расплавленный камень. Он нигде, как ни старался, отчаянно вытягивая шею, не увидел самого главного, что неизбежно должно было быть...

Родион Артемов

– Все, Родя, мы попали, так попали, как кур в ошип!

Еле слышимый шепот Пасюка подействовал на Артемова оглушающим ударом дубинки.

Никогда он еще не слышал в голосе своего старшего товарища, всегда наполненного жизнью, такой надрывной и щемящей тоски, прямо раздирающей душу.

– С чего ты взял, Сан Саныч?!

– Ты видел, куда нас привезли?

– Нет, – честно сознался Родион. – Меня как в сани положили, тулупом накрыли, так я и уснул. Без задних ног дрыхнул. А тут ты в бок ткнул. И где мы сейчас?

– В самой Тунке, Родя. Не долине, а в казачьей станице, куда и шли с тобою. Но не туда попали!

– Да ты что?!

– Тихо, тихо!

– Нет, ты че...

Крепкая ладонь придержала за плечо рванувшегося от радости Артемова. Еще бы – впервые судьба улыбнулась им во все три десятка зубов. Но горячий шепот обжег ухо:

– Нас рядом положили, так что делай вид, что спишь, и меня слушай. И знай – мы в самой глубокой заднице. Глубже просто некуда! По самую макушку сидим!

Артемов непроизвольно напрягся, что для него стало обыденным делом за последние дни, внимательно осматривая новое для него узилище. Каждый раз надеясь, что все случившееся с ним кошмарный сон. И каждое утро Родион просыпался с отчаянной надеждой в душе, что бесконечный ужас сегодня окончится раз и навсегда, и он сразу унюхает раздражающий обоняние вкуснейший запах маминой запеканки.

Но все было бесполезным – вот и сейчас очередная тюрьма, на этот раз капитальная. Часть небольшого помещения перегораживала довольно крепкая и надежная дощатая перегородка, усиленная металлическими полосами, за ней печка и большой топчан, на котором сидели два «красноармейца» с винтовками, поставленными между раздвинутых в сторону коленей.

Сама камера была маленькой, пять на пять шагов, но чистой, даже мягкие постели имелись, с колючими солдатскими одеялами. И ведро параши, накрытое крышкой, отнюдь не вонючее, хотя запах, конечно, от него шел. Вполне приличное помещение, хуже горницы с кроватями, но намного лучше того узилища, в котором они очутились впервые.

– Нас с тобой везли откуда-то из-под Кырена, Родя. Село большое, сотни две дворов, никак не меньше. И по пути селения встречались, и все посередине степи. Вот так-то, Родя.

Пасюк говорил еле слышно, чуть шевеля губами, но с такой пронзительной тоскою, что вспыхнувшая в душе радость стала быстро угасать, как огонек спички.

– Сан Саныч, ты же сказал, что мы в Тунке. Здесь же люди, власть, да и с мэром мы знакомы – он же казак, неужто такой беспредел допустит?! Нам бы только весточку подать...

– Некуда ее подавать, Родя! – Пасюк, как показалось Артемову, непритворно всхлипнул. – Я по дороге ни одного автомобиля не видел, а в домах свет не горел. Везде темнота, хоть глаз выколи.

– Так, может, электричество вырубili по всей долине?! Буран-то какой был, вот и отключили подстанции...

– Заодно спилили все столбы и убрали провода?!

Злой шепот Пасюка хлестанул по нему бичом. Нет, словно электрическим током прошелся по оголенным нервам так, что Артемов чуть ли не вскочил на ноги.

– Причем везде! И на дороге, и в селах, нет ни одного столба... Я охренел, когда понял...

– Что ты понял? – чуть дрожащим голосом спросил Родион, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом. И страхась услышать ответ, который тут же последовал, круша последние следы надежды.

– Мы в прошлом, Родя, в прошлом! И эти в маскарад не играют, они не ряженые, как мы,

они настоящие.

– Ты сбрендил, Сан Саныч!

– Хотелось бы, вот только это не так! Здесь двадцатый год на дворе, судя по всему, и тоже март! И нас ждет копец, причем скорый и полный, всю душу вытряхнут, а потом казнят!

– За что?

Артемов всхлипнул – безумный сон принял совсем кошмарные очертания, такие, что хотелось взвыть голодным волком, но слишком много фактов говорило о том, что Пасюк полностью прав. Не может же быть, что все люди, с которыми общались за эти дни, свихнулись дружно и разом. Да столько безумных ни один олигарх к такому делу не то, что пристроить, вряд ли найти сможет, пусть даже его мощна туго набита.

– А ты не помнишь, как штыком красноармейца заколол, будто бабочку на гербарий пришил. Это в нашем времени тебя к прокурору потащили бы да в суд. А здесь за такие дела чекисты нас живо к стенке поставят, только вначале пытаться будут, как кулаки Павлика Морозова. Или ты не читал, как в ВЧК с белыми офицерами обращались?! Вот завтра с нас шкуру живьем сдирать начнут!

– А что делать?!

Извечный русский вопрос вылетел из души горестным воплем – вот теперь Родиона пробрало по-настоящему, хотя где-то в глубине сознания теплилась маленькая искра сомнения в правоте старшего товарища. Слишком необычно было его предположение, безумно.

– Ты меня слушай, да запоминай. Может, и не расстреляют, а в Иркутск повезут. Все же хоть такая отсрочка для нас нужна как воздух. А там... На Бога надейся, но и сам не плошай!

Секретарь Особого отдела 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Полина Шверницкая, по мужу Бычкова

– Прости и помилуй меня, Господи, грешную!

Молодая женщина тихо молилась, чуть шевеля губами, на темную икону, в старинном, еще со времен Ермака, серебряном окладе, чуть освещенную дрожащим огоньком лампы.

Но мысли в голове текли грешные. Разве могла подумать раньше гордая полячка, что примет православие, полюбив казачьего офицера, и что не последует за мужем в Забайкалье, к атаману Семенову, а останется в Тунке. И будет ощущать на своем теле слюнявые губы Либермана, с которым она вынуждена спать в одной постели, потому что работает в Особом отделе, а уходить из него никак нельзя.

Большой грех – прелюбодеяние и супружеская неверность, но именно он уже спас десятки казаков, что имеют и дальше возможность вести неравную борьбу с оружием в руках супротив дьявольской власти. Но о том никогда не расскажет мужу, а если тот и узнает, то поймет – не похотливости ради ложилась под мерзкого чекиста.

– Полиночка, еле тебя дождался, дочка!

Старый казак тихо зашел в кутю и встал рядом с нею, осенив себя крестом.

– Что за переполох сегодня ночью в вашей «чека» случился?

– Двух казачьих офицеров на «зимнике» у Шимков взяли, Алексей Иванович. Измордовали их там страшно и в поруб привезли. А они днем от пут развязались, двух охранников насмерть прибили. Одному из них шею свернули, а другого головой о печь приложили. – Женщина говорила горячечным шепотом, сжав ладонь старика.

– Один подьесаул в годах, а другой прапорщик из стрелков, совсем молоденький. Потом во двор вырвались, забрав шашку и винтовку, но в той патронов не было, потому и не стреляли. Там подьесаул еще двоих шашкой распластал и на командира охраны кинулся. Тот клинок

вышиб ударом, но офицер ему в горло зубами тут же вцепился. А прапорщик штыком еще одного заколол, прикладом другому караульному всю челюсть свернул. Кровищи во дворе, рассказывают, натекло, просто кошмар! Свиней, когда режут, и то меньше! Навалились на них...

– Господи, даруй воинам своим Царствие Небесное, не убоявшихся живот свой положить за други своя...

– Не отпевай, Христом Богом прошу!

– Так что, они живы?! – старик в изумлении отошел на шаг и выдохнул. – Неужто бежали из узилища?! Ай да молодцы!

– Нет, связали накрепко. Сюда привезли. С ними теперь охранники сидят, глаз не спускают. Тут дело в другом. Не наши они...

– Как это не наши?! О чем ты, дочка?

– У Либермана на столе награды подъясаула увидела. Крест синий с мечами вроде, желтый внизу, из золота будто. Еще медаль какая-то, на ленте георгиевской, не разглядела. А вот одну награду узнала сразу, ибо ее все ведают. Венок серебряный с мечом поверху наложенным – муж говорил, что таков знак «За Ледяной поход», что два года тому назад погибший генерал Корнилов повел. Вот так-то!

– Знамо это, в газетах читывали. Так они что, с юга? – старик ахнул, округлив глаза.

– На старшем офицере гимнастерка надета черная, какие только добровольцы носят. Еще угольник на рукаве монархический, но погоны серебряные. А у корниловцев, как муж мне говорил, их цвет черно-красный, а у марковских частей только черный.

– Так может, других каких полков будут, – тихо произнес старик, – ведь в газетах много судачили и о «дроздовцах», и еще об «алексеевцах». И у нас в Сибирской армии «Добровольческий полк» имелся, там тоже в черном обмундировании воевали.

– Все может быть. Однако они из Иркутска пожаловали сюда, судя по всему, из подполья...

Старик задумался – бывший станичный атаман был вообще не из торопливых и все в жизни делал обстоятельно и так же размышлял – вдумчиво и очень серьезно.

– Значит, в городе много наших осталось, и все они организованы, раз такие офицеры приехали. И если правду гутарят, что атаман Семенов из-за Байкала с японцами на помощь подойдет, то восстание ему в подмогу обязательно будет. Тогда и мы за шашки здесь возьмемся и красным укорот сделаем. Вот потому они сюда и пробраться решили, чтоб нашей поддержкой заручиться!

– Спасать офицеров этих надо, Алексей Иванович. Чекисты их важными считают и могут уже завтра в Иркутск отправить. Где сейчас отряд атамана Шубина?

– Наверное, у себя, около Туранского караула?!

– Эх, – огорченно выдохнула женщина и уселась на лавку без сил. – Не успеем никак!

– Да ты погоди, дочка, отчаиваться. Андрей Иванович как росомаха ходит: все его слышали, но никто его не видел. Может, он и поблизости, а мы не знаем! Охрана с офицерами этими большая будет направлена? И кого отрядят?

– Думаю, обычная. Их же только двое, да избиты крепко. Человек пять с комендантского взвода, как всегда делается. Может, еще с караульного батальона бойцов десять придадут, но вряд ли больше. А вот в Тибельтях их и встретить могут.

– Полтора десятка всего? – Старик хищно оскалил зубы и злобно усмехнулся в седую бороду. – Все, может, и сладится у нас, дочка. В тамошних горах, у «быка» хонгодорского, сейчас сотник Скуратов и вахмистр Усольцов, с ними два десятка гужирских и тибельтинских казаков ушли, те, кто красных опасается. Как раз дорогу и перехватят. Они в восемнадцатом году целый отряд красногвардейцев там вырубили подчистую, так что мести на свою голову

ждут. А потому мы к ним послание вовремя доставить сможем.

– А как предупредим-то их, батюшка?

– То не твоя забота, мне это положено. Зять к Бобковым приехал, Баир. А красные на хонгодоров без опаски смотрят, инородцы ведь. А потому не заподозрят, что под ночь он со станицы уедет, его стойбище ведь рядышком. Оттуда вершками пойдет и предупредит наших.

Старик говорил негромко, даже в своем доме держа постоянную опаску, ведь не дай бог случайно кто-нибудь услышит, тогда всей семье погибель выйдет, а потому добавил еще тише:

– Ты бы ложилась, милая, почивать, весь день на службе была. А я пойду, дело спроворю. Лишь бы охрану твой чекист не увеличил, а то наши казаки напасть не решатся...

– «Черемуха» это. Обычный слезоточивый газ, – Пасюк говорил медленно и осторожно, с трудом выдавливая слова. Как он и ожидал, чекист первым же делом спросил о снаряженных газом патронах. К его великому удивлению, расспрашивали вежливо, сразу сказав, что требовать нарушения присяги не станут да и бить его не будут.

В последнее верилось с трудом – хоть руки и развязали, но за спиной чекиста стоял все тот же амбал, что несколько раз уже намял ему бока и связываться с которым Александр не желал категорически, памятуя полученный ранее негативный опыт.

Тем более что у двери с той стороны застыли еще двое охранников, готовых бросится на помощь в любую секунду. А потому слишком велико неравенство в силах между ними, причем сейчас, когда организм только начал оправляться от полученных ранее побоев.

– На основе хлорпикрина изготовлен...

Последнее слово Пасюк добавил с некоторым напряжением – просто не знал, так ли это. Про боевые газы он слышал подробные лекции только несколько раз – в школе, на уроках НВП, да в институте, где его назначили ответственным за ГО общежития, и пару раз нудный майор, таким, как он, «счастливым» пытался вбить в головы азы противохимической и прочей защиты. Затем система прежней советской гражданской обороны рухнула окончательно и бесповоротно, и Александр полностью избавился от не хлопотных, но докучливых обязанностей.

И вот сейчас был вынужден припоминать, что ему раньше читали, ибо выбора не имелось. Будет молчать – могут изуродовать, а там придется отвечать на совсем неудобные вопросы, на которые он не в состоянии дать вразумительных ответов.

– А чем эта гильза внутри снаряжена, Александр Александрович?

Перед чекистом на столе лежало запасное кольцо со вставленными патронами, что имели разноцветные головки. А рядом револьвер, который Либерман, именно такой фамилией представился этот молодой еврей в кожанке, не удосужился разрядить.

– Перечный газ! – быстро ответил Александр, хотя правильней говорить было «перцовый». Здесь взяла вверх хохляцкая натура, больно любил он так выговаривать слова.

– Перечный?

Стоящий за спиной Либермана командир неожиданно побледнел, спал с лица. Голос его заметно дрогнул, что чекист заметил моментально, и живо того спросил:

– Вам известен этот газ, товарищ Ермолаев?

– Нет, название похожее. Наш первый эскадрон в окопах германцы газом горчичным траванули, треть гусар полегла.

– Это был иприт, газ кожно-нарывного действия! Дихлордиэтилсульфид! Снаряды «желтый крест»! – с улыбкой крутого профессионала произнес Пасюк, сразу же выдав почти все скудные знания, что знал по прежним лекциям. И единственное химическое название, которое он запомнил после часа утомительной тренировки – уж очень хотелось блеснуть по случаю.

– Его немцы в шестнадцатом году под городом Ипром применили, оттого и название это. А потом и на Восточном фронте задействовали...

– Так точно, вашбродь. Нас летом семнадцатого аккурат и накрыли, когда Керенский наступление устроил.

– Как интересно! – протянул чекист, вклинившийся в их диалог. И тут же указал на другой патрон: – А это что за газ?

– Нервно-паралитический! – моментально ответил Пасюк, но говорить о том, что снаряжают патроны небоевыми ОВ, он не стал – пусть некоторый страх почувствуют, глядишь,

и к решительным действиям не прибегнут. Да и положила руку на сердце он сейчас не хотел, чтобы его снова отлупцевали – не мазохист же ведь. И для вящего устрашения сказал, уставив глаза на патрон с черной головкой.

– А с этим вы поосторожней. Там всего капля, но хватит за глаза, чтобы все в этом доме за пять минут копыта свои откинули.

– А что там? – Глаза чекиста вспыхнули пронзительным огнем.

– Зарин, – не моргнув соврал Пасюк и как можно убедительнее выдал все свои куцые познания.

– Новейшая разработка американцев. Жутко секретная. Достаточно распылить с воздуха несколько канистр этой дряни, как в большом городе помрут все жители. Вот так-то!

– А формулу вы ее знаете? – Голос Либермана прямо задрожал, и Пасюк мысленно ухмыльнулся – «Щас я тебе ее и написал, ишь рот раззявил!», но ответил совсем иное.

– Могу написать.

Ему тут же пододвинули карандаш и листок бумаги, и Александр старательно вывел формулу этилового спирта, единственную, что он вынес со школы в своей голове – $C_2H_5(OH)$.

– Ух ты, – произнес чекист восхищенно, а командир за его спиной наклонился, чтобы получше взглянуть на бумажку. Упускать такой момент было бы грешно – он добился того, на что рассчитывал, а потому шукой кинулся к револьверу, пытаясь ухватить его за рукоять.

– Ша, вашбродь!

Тяжелые лапищи сжали Пасюка в самом начале рывка, ухватив так, что в глазах потемнело, и он невольно застонал. Однако избивать его, как в прошлый раз, не стали, наоборот, бережно усадили обратно на табурет, но рук с плеч не убрали.

– Александр Александрович, не нужно глупостей с самоубийством. Я понимаю ваше желание покончить с собою и с нами одним выстрелом. – Чекист неожиданно улыбнулся, но как-то натянуто. – Но поверьте, это не избавит нашу родину, я имею в виду всех русских людей, от проблем. Вы можете гарантировать, что Антанта оставит нас в покое и однажды не применит, распылив с аэропланов, всю эту дрянь, о которой вы нам рассказали. Такое возможно?!

– Еще как применит, особенно янкесы! – глухо ответил Пасюк, вспомнив судьбу Хиросимы. Попытка шантажа провалилась, теперь его судьба решена: что ж, раз проиграл, то нужно хотя бы сохранить достоинство.

– Вы русский офицер, Александр Александрович. И с чувством юмора даже в такой ситуации. – Либерман ткнул пальцем в листок бумаги. – С гимназических времен я помню формулу этилового спирта, а потому разделяю вашу шутку. Я не буду вас спрашивать о том, какое задание и от кого вы выполняли. Но прошу об одном – если вы знаете, как уберечь русский народ от всей этой ядовитой гадости, то ваш долг немедленно написать свои соображения. Это спасет немало жизней в будущем.

– Знаю, – после долгой паузы произнес Пасюк. Действительно, тут чекист прав – Советская власть уже утвердилась всерьез и надолго, и он обязан вывернуть себя наизнанку и уберечь свой же народ от ядовитой гадости, что может в одно не совсем прекрасное время высыпаться на головы людей.

– У вас есть бумага и карандаш? Я изложу свои мысли.

– Конечно, Александр Александрович, – чекист улыбнулся самым любезным образом. – Вам немедленно предоставят все необходимое и комнату. Что вам еще нужно?

– Верните мои сигареты, вашу махорку курить просто жуть. И выпить чего-нибудь дайте.

– Портсигар вернуть не могу, он сейчас вещественное доказательство. Но вот вам коробка папирос. – Либерман положил на стол пачку с яркой этикеткой и коробок спичек.

– Вас немедленно хорошо покормят, дадут хорошего чая. Здесь он настоящий, кирпичный, из Монголии. А вот спирта и водки не дам – вам нужна для работы ясная голова. А как напишете, вам немедленно принесут все требуемое. Обещаю.

– Хорошо, – только и произнес Пасюк, пожав плечами. Чего он хотел, того и добился: теперь, по крайней мере, до Иркутска, его пальцем не тронут, а будут пылинки сдувать. А там, может, кривая и вывезет...

Родион Артемов

– Ты на меня зла не держи, вашбродь, что я тебе шею сдавил. Зол был за Гришку, коего ты, как жука булавкой, на штык нанизал...

– Да не хотел я его колоть! – огрызнулся Родион в ответ, хотя страх перед этим человеком заполонил холодом его нутро. Он чувствовал, что превращается в какую-то ученую собачку академика Павлова.

Только псы слюну выделяли на своих условных рефлексах, а он обмочиться в штаны так и норовит и ничего с этим не может поделать – страх смерти уже господствовал над его волею. Будь в комнате один «чекист», то можно было на что-то лучшее надеяться, но этот опричник его вряд ли живым выпустит.

А потому следует говорить только одну правду, и плевать на инструкции Пасюка – тот, судя по всему, сам своим убогим умишком тронулся и его под монастырь подвести хочет.

– Толкнул меня сильно ваш солдат, что с боку на меня набежал, я с винтовкой на стену падать стал. И не моя вина, что там твой боец оказался. Я как увидел, что кровь фонтаном со рта пошла, так испугался, и винтовку обратно рванул, а тот дурак свою челюсть под приклад и поставил.

– Вона как?

Родион видел, что Ермолаев весьма натурально, отнюдь не наигранно обомлел. Видно, раньше принял этот укол за воинское умение Артемова, что на самом деле было нелепой случайностью. Так могут вести себя люди, осознавшие, насколько они раньше ошибались.

И Родион правильно понял сомнения командира и горячо заговорил, оправдываясь:

– Ты сам посуди! У меня винтовка в руках была заряженная, а я не знал, как с нее стрелять. Только сейчас понял, как курок, «пуговку» эту треклятую, оттягивать нужно с затвора.

– Эх-ма, это надо же!

Командир неожиданно выругался самой отборной бранью, да так, что Родион вздохнуть побоялся.

– Хорошо. Кто тебя в стриптиз-бар ввел, что ты там делал?

– Миронов Генка ввел, по его протекции попал.

– Где ты с ним познакомился?

– Лабали мы раньше в кабаке одном! – Родион тут же спохватился и доступно пояснил: – В ресторане! Но он потом того, на «золотой» ушел! Он от «кокса» лечился...

– От «кокса»? – Командир выпучил глаза. – Он что, уголь ел?

– Зачем уголь? – настала очередь Родиона изумиться такой поразительной дремучести. – Музыканты народ творческий, многие наркотики употребляют, морфий там, экстази или кокаин. Последний иной раз мы «коксом» и называем. Героин-то опасен, да и для нищих он, как и «крокодил»: раз ширнешься и все, хана. Вначале мозги набекрень едут, а потом на «дурь» так подсаживаешься, что через полгода Шопена играют.

– На золотой? Это что, он на Ленские прииски пошел работать? А ширнешься? Что это такое?

«Ну, ты и деревня! Откуда тебя такого «серого» взяли? Действительно, права поговорка – сила есть, ума не надо!

– Какие прииски? От передоза скопытился он, так и не откачали! А ширяются так: вену пережимают жгутом и шприцем раствор вводят, – хотя мысли текли ехидные, но ответил Родион вежливо. Даже показал, как некий процесс происходит. На это искреннее признание жертвы наркозависимости в прошлом командир смотрел прямо-таки вытаращенными глазами, и убил Артемова простым вопросом:

– Мозги набекрень едут? Как это? И кто такой Шопен, чем занимается и почему им играют?

– Это, товарищ Ермолаев, только от употребления кокаина бывает. Легкость в голове неимоверная. От водки же последствия иные, называемые «белой горячкой».

От мягкого голоса неизвестно откуда появившегося Либермана Артемов вздрогнул, а «чекист», словно не заметив его испуга, уселся напротив, участливо глядя на него.

– «Балтийский коктейль» пили прошлый раз?

«Спиртяга с кокаином», – вспомнил Артемов «революционный рецепт» балтийских матросов, которым, впрочем, баловались и чекисты. В основном те из них, кто «трудился» в расстрельных подвалах – от бесконечных убийств у многих «крыша» натурально «ехала».

«Какой примитив!»

Родион презрительно скривился, но тут его осенило: «А ведь этот парень вполне здоровый, может, мне лучше наркоманом прикинуться, с таких меньше спрос?»

– Нет, не вставляет! Просто выпить вдогонку можно. Кокаин юзать нужно грамотно, тогда «торчок» полный, летаешь, как на аэроплане!

Родион закатал рукав и показал руку, с синяками и истыканную многочисленными следами капельниц. Сам он не кололся, идиотом никогда не был, однако могущие впечатлить «дороги» являлись последствием самого банального отравления и двух недель, проведенных в конце февраля в инфекционной больнице с банальнейшим сальмонеллезом, жертвой которого он стал на кухне собственного стриптиз-заведения.

– Ого! – На чекиста следы иглы произвели сильное впечатление, и он с самым серьезным видом сказал: – У нас в городе в аптеке кокаин продавали, по рублю пакетик, для лечения. Вот столько порошка там было! Мы в гимназии его нюхали да в ноздри ложечкой заправляли.

Он показал на ноготь большого пальца, желтый, крупный и обгрызенный. Доза получалась не просто приличной, убойной!

«По «рублю»? Не может быть! Что же за край непуганых идиотов?!»

В голове тут же защелкал калькулятор. Выходило, что за тридцатку баксов можно было наварить два десятка вполне приличных доз, а это две тысячи с лишним процентов прибыли.

– «Ну, у них и мощная мафия, если в аптеке «коксом» свободно торгуют. Видать, всех местных полицаев и чиновников на корню скупили, как редиску на грядке!»

Нуцер Хубсугульского дацана Булат-батыр

Крепкий широкоплечий бурят привстал в седле, оглядывая высившуюся перед ним Тальскую сопку – Талька Хухы Хангай – застывший посередине Тунки с поросшими лесом склонами конус давно потухшего вулкана.

Хонгодоры считали это место священным: на вершине было сакральное место – обо, на котором проводился обряд «обо тахилга» – чтение ламой, молитв, а на камнях обо оставлялась жертва – пища, деньги, куски дорогой материи. Иногда перед церемонией закалывали барана, сам Булат часто это делал, как доверенное лицо.

Потому без нужды на Тальскую сопку местные не ездили. Вот к Аршанским источникам, что вытекали поблизости из гор, совсем другое дело – целебная вода почиталась всеми людьми, жившими в этой живописной долине.

– Так здесь мне и искать предстоит, как приказал хамбо Панчен-лама! Только что?!

Задав себе этот вопрос, бурят еще раз внимательно посмотрел на сопку своими раскосыми глазами, сейчас превратившимися в узкие щели. Но то был взгляд не скотовода или охотника, обычного из этих мест, о чем говорила его одежда, а воина, прошедшего не один десяток схваток...

Булат-батыр хорошо помнил тот день, когда мальцом упал со скалы и расшибся. Сильно поранился, да так, что все посчитали его жизнь оконченной. Ничего не поделаешь, Бурхан забрал, судьба – хонгодоры к таким вещам привычны и не ропщут.

Однако лама его выходил и, следуя традиции, предрешил его судьбу и предложил родителям отдать сына в дацан, в буддистский монастырь, по ту сторону гор, в сердце Восточной Монголии, или Халхи, как ее называли. Те не роптали – сын был третий, и так бы его потеряли, и уже ведь смирились с этим. Наоборот, согласились с радостью – служение Будде почетно, и благо той семье, где один из детей стал монахом.

И стал сын бурята Булат жить в монастыре. Целыми днями рубил он дрова, носил воду, доил яков, сбивал масло. Учиться было некогда. Но острым умом обладал Булат. Много друзей завел он среди мудрых монахов, они учили его и давали читать хорошие книги, ведь зерна мудрости рассыпаны на их страницах.

Вот только юный Булат отличался такой живостью характера, что все же не смог предаваться медитациям и молитвам, и даже старый настоятель не смог направить сорванца на путь истины. Зато при монастыре был десяток нукеров – профессиональных воинов, под началом Биликто-батыра, что охраняли его от всяческих беспокойств. Ведь и от разбойников лишние хлопоты, и от китайцев, что всегда зарились на Халху, изрядное беспокойство.

Пожилой десятник, бывший воин знаменитого Джа-ламы, крепко подраненный китайцами и выхоженный монахами, сам положил взгляд на парня. В свое время остался в дацане на вечную службу, в благодарность за лечение, и не мог не задумываться о том, кто его сменит на этом многотрудном и хлопотном посту.

Взяв мальчика к себе, он принялся учить его воинскому мастерству. С заботой, но беспощадно, ибо всем известно, что мягкость в обучении будущих воинов совершенно неуместна, ибо предвещает гибель в первом же бою. И выучил, да так, что того уже в двадцать три года нарекли «батыром», то есть умелым воином, не ведающим страха в бою и разящим любого противника с первого выстрела или удара саблей.

– Что мне искать?

Булат-батыр прикусил крепкими белыми зубами верхнюю губу, на которой даже пушка не было – усы у бурят, как и монголов, носили немногие, у кого они пробивались.

Месяц назад он впервые получил столь странный приказ из уст самого Панчен-ламы. Вернуться на родину, дожидаться сильного бурана в долине, которого ранее не ведали.

И-ей!

Он истово молил Цагаан убугуна, Белого старца, чтобы никто не погиб в страшном буране, похожего которому не помнили даже старики.

Однако ему предстояло еще и найти после него либо странные вещи, либо непонятных людей, и доставить все в дацан. С ним отправились три самых умелых воина, что были местными уроженцами – проводывать родню никогда не запрещали, тем паче сейчас, когда в родных стойбищах им предстояло дожидаться своего часа.

Бурана они дождались, и скоро вся долина наполнилась слухами о том, что у Булун-

Талайского озера красные поймали двух казаков и отвезли их в Шимки. Булат кинулся туда, но вскоре выяснил, что офицеров, что голыми руками передушили чуть ли не десяток воинов, уже вывезли в Тунку, а оттуда повезут на санях в Иркутск.

Нападать на сильный конвой Булат не собирался – людей под рукою было мало. Но если схваченных офицеров будет сопровождать десяток, пусть даже полтора конвоиров, то он рискнет. Но это будет завтра...

Сейчас требовалось найти какие-нибудь странные вещи – они втроем переспросили всех родичей, и вот окружили с четырех сторон Тальскую сопку, на которую указал один из стариков. Действительно, если происходит нечто странное, то не лучше ли начать поиски именно с этого места, которое испокон века являлось таинственным и непонятым, а оттого и окруженным холодной стеной неприязни.

– Но все же – что нам нужно найти?!

«Морить голодом меня не будут!»

Александр вздохнул с нескрываемым удовлетворением, разглядывая щедро накрытый стол. Чекист не поскупился на обещания и, главное, их выполнил в точности.

Большая миска с дымящимися паром пельменями, раздражающими своим вкусным паром ноздри, щедро накрытыми сверху большим сугробом густой сметаны. Рядом пристроилось деревянное блюдо с накромсанными большими кусками копченого мяса и желтого ноздреватого домашнего сыра. Чашка квашеной капусты, с красными прожилками моркови, приправленная луком и постным маслом.

Притягивали взор большие круглые рыжики, переложенные веточками укропа – такие он ел у матери в гостях, да под рюмочку перцовки. Хотя под нее, родимую, и стоящие на столе соленые огурцы, пахнувшие смородиновым листом и чесноком, хорошо бы пошли. Да и так ничего, без водки – прямо хрустели на зубах, вызывая еще больший аппетит и так у него никогда не жаловавшегося на его отсутствие Пасюка. И в завершение пиршества водрузили еще теплый каравай белого пшеничного хлеба, подобного еще не приходилось есть в той жизни.

– Эх-ма, под такую бы закусь да пару рюмок холодной водочки!

С нескрываемым сожалением в голосе выдохнул Александр, медленно прикидывая, чем бы ему «задавить» сверху вкусный пельмень, больше походивший своими размерами на добрый вареник.

– Не велено, вашбродь! Товарищ Либерман приказал дать водки после того, как текст напишете!

Стоящего рядом с ним красноармейца воздыхания Пасюка совсем не трогали – он даже на еду перед собою смотрел равнодушно. Причем не нарочито, а по-настоящему.

Что и говорить – умеют чекисты людей отбирать на службу. Как там – с холодной головой и горячим сердцем!

– Поел я, – сожалеющее вздохнул Пасюк. Нет, глаза бы ели и ели еще, вот только желудок уже совсем отказывался принимать пищу. Кормили прямо на убой – даже в лучшие свои времена голодной студенческой молодости, Александр едва уминал пачку довольно неплохих советских пельменей, которые, впрочем, с этими и рядом не стояли. Но там было только с полкило, а в том тазике, что находился сейчас перед ним почти пустым, как минимум, втрое больше, если не вчетверо.

И он умял все!

– Убирайте со стола, что ли. Писать буду, – в два приема еле произнес Пасюк, изрядно отяжелевший от съеденного, и еще раз посмотрел на щедрую закуску, что осталась почти не тронутой.

– Чаю попить забыли, вашбродь!

Конвоир показал на самовар, исходящий паром, рядом с которым, как цыплята возле наседки, кучковались блюдца с различным по цвету вареньем – тут было малиновое, черничное, брусничное, облепиховое и еще бог ведает какое. И это не считая колотого кускового сахара, почему-то желтоватого, корзинок с какими-то разнообразными заедками – крендельками, печеньем и прочим, многому из которых Пасюк даже названия дать не мог, настолько они поразили его своим разнообразием.

– Это все мне? – голос дрогнул от ужаса.

– Там еще шаньги и пироги...

– С чем пироги?

Пасюка пробралось до пяток, когда он увидел, что на полке, куда показал охранник, на расписном подносе высятся целая горка румяной выпечки самых разнообразных форм и размеров. Он сглотнул слюну, но не от аппетита, а больше со страха, что ему предстоит неумеренное обжорство продолжить. И возопил невольно:

– Зачем?

– С мясом и рыбой, с картошкой и прочим. Хозяева всей семьей готовили. Сказали, хоть Великий пост стоит, но тебе, вашбродь, нарушить его не во грех. Так что отведайте гостеприимства казачьего...

– Нет! Не буду, не сейчас! – Пасюк энергично закачал головой и прибег к спасительной уловке. – Мне писать нужно! Так что потрудитесь все убрать, я позже чая попою.

– Позже, так позже, на все ваша воля, – покладисто согласился с ним не улыбкавший охранник. – Его снова вскипятить недолго. Пирог в печь поставим, она теплая. А как закончите писать, то чая и попьете в охотку.

Два других конвоира тем временем шустро убрали со стола, протерев его тряпкой. Подвесили на крюк еще одну керосиновую лампу – стало светло, а потому писать будет видно. Затем на столешницу легла стопочка листов, несколько заточенных карандашей, пустая банка и продолговатый коробок спичек без этикетки сверху.

– Вот вам папиросы, вашбродь. Вам в самый раз, других не имеется. А эти трофейные, здесь у купца в лабазе выгребли. – Впервые голос красноармейца показал обычные человеческие эмоции, круто замешенные на праведном гневе и презрительной брезгливости.

– А-та-ман!

По слогам прочитал Пасюк внимательно разглядывая мордастую, с видимыми монгольскими чертами физиономию Семенова. На этикетке Григорий Михайлович щурил глаза, как сытый кот – чувствовалось, что глава забайкальского казачества доволен своей жизнью. Александр перевернул коробку и с удивлением прочитал на обороте – «Изготовлено в Чите на табачной фабрике братьев Михельсон».

– Надо же, а его еще в антисемитизме обвиняли, – пробормотал бывший станичный атаман и задумался, прикидывая с чего начать свои рекомендации по ГО.

Будущий текст вырисовался быстро – рассказать все про защитные меры в случае применения противником химического или бактериологического оружия, а также в случае массированных бомбардировок городов с воздуха, ибо в создание ядерного оружия здесь ему никто не поверит. Причем вывернуться придется наизнанку, изнасиловав собственную память, залезть во все ее дальние закоулки, ибо если его послание большевики примут всерьез, то озаботятся созданием надежной защиты, а это ведь спасет немало жизней в будущем.

Русских людей!

А ради такого стоит хорошо поработать...

Родион Артемов

– Не, мне нюхать кокаин никак нельзя! Хана голосу будет. Говорил же вам – я музыкант. На гармони, баяне и аккордеоне играю, пою хорошо. Консерваторию окончил!

– Чего, чего? При чем здесь консервы...

– Товарищ Ермолаев, в консерватории музыке учат! – Либерман досадливо сморщился. – Иди лучше распорядись гармонь сюда принести, я у бойцов «трехрядку» видел.

Ермолаев тут же послушно поднялся, подошел к двери, приоткрыл ее, повелительно буркнул и моментально вернулся обратно, встав рядом с Артемовым.

– «Илецкую»? – Родион сразу повеселел. – Тогда я вам сейчас и сыграю, и спою. Я песен

много блатных знаю.

– Блатных? Я правильно понял? – Глаза чекиста сверкнули странным огнем. – Вы их в стриптиз-баре своем исполняли?! Да, кстати, простите меня, человека от мирной жизни отвыкшего, но не скажете, что это такое?

– Да вся братва иркутская собирается в таких заведениях после своих «дел», водочки попить, расслабиться. И бабы для них выступают, на шесте крутятся, и вещицы с себя срывают, пока голышом не останутся. Весело. А я на гармони наяриваю, чтоб еще разгульнее было – сейчас русские народные в ходу под это дело. Ваще отпад!

– Бабы? – лицо у Либермана сморщилось в недоуменной гримасе. – Так вы перед криминальным элементом играете?

– Да, там братва одна, деловые, кроме пятниц. – Артемов не понял гримасы, что пробежала по лицу чекиста – странная смесь разочарования и прямо детской обиды. Будто обещали ребенку огромный торт, а дали каменную карамельку.

– По пятницам что вы делаете? – с какой-то странной надеждой спросил Либерман.

– В соседней «Голубом огоньке» для... – Родион осекся, – ну, для этих, для геев играю. Они там в последнее время в ролевые игры зажигают!

– Во что?! – вскинулся Либерман, а Ермолаев в растерянности спросил: – А кто такие геи?

– Педерасты!

Родион в который раз удивился дремучей «совковости» своих собеседников, но уже без раздражения.

– Содомиты, короче. Там на шестах уже мужики перед ними раздеваются, а они так восплают, на это смотря, что начинают друг друга в кабинках долбить!

– Долбить? Они что, бьют друг друга?

– Да нет же, товарищ Ермолаев! – Родион не выдержал и повысил голос, не сдержав себя при виде такой тупости. – Они трахают себя в задницы. Это же педерасты, «противные», как их иной раз именуют. А теперь ролевые игры в групповуху стали модными, все наряжаются по-разному – кто чекистом, кто красноармейцем, кто комсомолкой, кто пионерами. И долбятся всем скопом, как духоборы, кто куда попадет! Особенно любят «чекиста» одного трахать – разложат на столе, с двух сторон его заводят, кто в зад, кто в рот, а я играю на гармони...

Родион осекся, поняв, что в своих фантазиях зашел слишком далеко – чекист был бледен как полотно и лапал кобуру нагана, а Ермолаев побагровел спелым помидором и сжал огромные кулачищи.

Понимая, что сейчас неминуемо последует несанкционированное мордобитие, причем его самого лично, и очень больно, Артемов зачистил, стараясь отвести от себя беду.

– Я тут ни при чем, товарищи! – заверещал Родион, понимая, что нужно спастись, пока есть время. – Они и меня сюда заманили! Сказали надевай форму, вот тебе шашка, играть в Тунке будешь. Целых десять «рублей» пообещали, и двадцать «коксов». Дали хорошо ширнуться, а очнулся я уже здесь – как довели, кто, не помню. Офицер в сарае там один оказался, тоже в лампасах. Выпить мне дал спирту пахучего, добрая душа... А тут вы и сразу принялись меня бить! Что я мог подумать?! Поэтому и кричал, чтоб меня педерастом не делали!

Либерман посмотрел на Ермолаева, и тот чуть кивнул – оба тут же повернули растерянно-брезгливые морды на Родиона. Тот с детства любил хитрить и изворачиваться, потому за его шалости вечно попадало другим, и сейчас, с нескрываемым облегчением поняв, что своего все же добился, он принялся ковать железо, пока горячо, до липкого ужаса боясь услышать согласие этих двух ряженных сумасшедших, которые, к его радости, оказались ярыми противниками «голубых» порядков.

А потому сейчас Артемов делал чрезвычайно смущенный вид оскорбленной во всех

пороках добродетели, и стал одной рукою расстегивать пряжку ремня на шинели, а другой же цепко ухватил узловатые пальцы «красного командира».

– Ежели вы из этих, господа-товарищи, и хотели меня тоже – только не бейте. Если вы не можете без этого, я и так вам дам. Только не убивайте! Учтите – у меня гнойный геморрой и кишка из задницы иногда выпадает, так что удовольствия вы не получите!

– Н-не-ет!

Либерман чуть ли не отскочил к стене, снова схватившись за кобуру нагана, а здоровяк лихим кенгуру отпрыгнул и стал лихорадочно вытирать руку о шинель.

«Как хорошо иметь дело с людьми нормальной ориентации. А вот и гармонь принесли! Можно этих чудиков, тоже ролевиков сдвинутых, пролетарскими песнями побаловать. Глядишь, душою размякнут, и мне будет снисхождение. Сан Саныч, умишком скорбный, пусть дальше белогвардейца-героя разыгрывает, пока ему все почки не отобьют!»

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Вот видишь, товарищ Ермолаев, на что белые твари способны?! Даже скорбных умом готовы нам на смерть подставить, лишь бы в свои руки секретные газы заполучить!

– Вы думаете, что этого парня они специально сюда послали?

– Конечно. Вот только буран некстати случился. А так бы у них все и получилось – офицер ушел бы в Монголию, а этого несчастного мы бы под расстрел в горячке подвели. А парень ведь не так уж и виноват.

– Но он ведь нашего бойца заколол! И буйствовал так, что даже меня опаска взяла.

– Видел я таких, и матросов балтийских, и гимназистов, что в ЧК пошли. Тоже кокаин употребляли, работа наша вредная, никаких нервов не хватит. Сам видишь какая. Так если этот порошок вовремя не принять, то в буйство впасть можно, настолько колотит. Только спиртом потихоньку человека из помешательства вывести можно. Гармонист наш три стакана выхлестнул, а сейчас сном младенца спит и бормочет про мамину запеканку.

– Совсем мальчишка, дурной...

– А музыканты все они такие, особенно талантливые. Придурь одна. У нас был Моисей Абрамович, на скрипке так играл, что даже к губернатору на праздники возили. Так за скрипку старинную старик заплатил золотом по весу. Все продал, но ее купил. Говорил, что работы она мастера Гва... Гра... Забыл, на итальянца таки похож.

– И что со скрипкой, товарищ Либерман?

– Напился от радости, да уселся на нее. Вдребезги разломал. А утром проснулся, посмотрел, так и на струне повесился. А парень наш талант! И слова прямо душу режут, когда про товарища Троцкого пел, что нас поведет в последний смертный бой!

– А у меня сердце колотилось, когда он про Красную армию нашу заводил, да как еще!

– Талантище! Но – дурак!

Чекист подвел черту под диалогом резким скрипучим голосом, правда, улыбнулся, когда заметил, что Ермолаев открыл рот, словно угадав, что хочет сказать.

– Убогий он, потому так хорошо и поет. У нас в деревне такой же юродивый был, а пел так, что всем миром не могли наслушаться.

– Вот потому-то мы должны его под защиту взять, пусть песни добрые сочиняет, наша власть как раз для таких. А бойца он с дурусти заколол, от болезни падучей. Так и напишем, дадим ему шанс пожить, на благо народа потрудиться.

Либерман недолго порылся в стопке исписанных листов бумаги, достал два, пробежался по

ним глазами и с видимым наслаждением порвал их. Затем холодным тоном произнес:

– Бойцов наших подъесаул порешил, контра матерый, таким пощады давать никак нельзя. Как он там?

– Семь листов исписал. Я через плечо заглядывал – вроде дельное там написано, понятно про газы, про бомбардировки с аэропланов.

– Пусть пишет. Я завтра почитаю, потом в Иркутск с нарочным эту писанину направлю. Если решат, что может принести пользу Советской власти, то могут и помиловать. Я думаю, что он к науке имеет отношение, но в университете не преподавал – язык у него не тот, а я год на юридическом учился, пока в тюрьму не угодил.

– А притоны эти, где педерасты собираются?

– Вот с этой гадостью нужно кончать немедленно и безжалостно. А потому время терять не будем, ибо дорогу в любой день развести может так, что грязь непролазная станет. Возьмешь десяток бойцов своего взвода, еще дюжину из караульного батальона заберешь, и давай этапируй их до Слюдянки. Там сдашь под расписку их бригадному уполномоченному Дядюну. Я бумагу отпишу, чтоб с Родионом прошелся по улицам и все притоны проверил. Да в губчека о подобном безобразии знать должно – содомиты, понимаешь ли, в чекистов поиграть задумали. Я им поиграю! – Либерман со злобой ударил кулаком по столу, но тут же взял себя в руки.

– Снег тает, завтра уже апрель начнется. Так что выезжай немедленно. Конвоя, думаю, хватит, пока атаман Шубин за сто верст отсюда и ни про что не ведает.

– Хватит, товарищ Либерман, бойцы надежные! – Ермолаев кивнул головой. – Я с утра уйду, и в Тибельтях переночую, раз там одна наша караульная рота стоит. Время терять нельзя, мало ли что.

– Нельзя, – согласился чекист и хищно улыбнулся. – Сегодня посыльный из Иркутска был, приказы привез. Я его обратно с донесением отправил, и про офицеров этих отписал, и про их ядовитое оружие. Да, у меня для тебя приятная новость, а раз командир полка в Шимках, то я сам ее тебе скажу. Комбриг Грязнов приказ подписал – так что принимай свой взвод полностью, как командир – хватит тебе в помощниках ходить. И еще одна новость для тебя – списки представленных к ордену Боевого Красного Знамени от нашей дивизии Москва утвердила, отправив телеграфом согласие. Так что с тебя причитается, товарищ Ермолаев.

– Служу трудовому народу! – громким голосом отчеканил бывший помкомвзвода. Его лицо осветилось самой радостной улыбкой – много ли для счастья нужно бойцу Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

Часть вторая. «Тункинский волк»
(апрель 1920 года)

– Укладывай давай их благородие, да сена хорошо под бок подоткни! А то всего растрясет, а он ить раненый!

Знакомый голос уверенно распоряжался во дворе, пока Александра укладывали в кошевку. Он давно прекратил изображать из себя безвольное тело, ходил, правда, сильно прихрамывая, и время от времени притворно, но негромко постанывал – впрочем, снующие по двору красноармейцы не обращали на это ни малейшего внимания.

Его не стали связывать по рукам и ногам, но в кошевку, запряженную парой сытых коней, рядышком с ним завалились двое охранявших угрюмых мужиков, как он давно понял из подслушанных разговоров, особо проверенных вертухаев из комендантского взвода, еще один красноармеец сел на облучок, разобрал вожжи.

С таким же бдительным и сильным конвоем отправили на другой кошевке и Артемова, которого тоже не стали связывать. И вроде не арестантом повезли, а чуть ли не дорогим гостем. Вчера с допроса парня принесли никакого, вот только не избитого, а пьяного до омерзения, и сегодня Родион жалобно стонал с жуткого похмелья.

Пятеро отборных бойцов сели верхами, при шашках и винтовках. Следом за ними в авангарде отправились двое саней, набитых под завязку пожилыми солдатами в замызганных шинельках без цветных «разговоров» и куцых папах, бородатых, степенных сибиряков, с грязными и усталыми от службы лицами. Эти мобилизованные крестьяне, служившие в местном караульном батальоне, явно тяготились выпавшей на их долю военной службой в казачьей долине.

«Крепко нас уважали!»

Пасюк был ошеломлен тем, что их сопровождали две дюжины охранения. Но тут же отогнал эту мысль – он нисколько не обольщался насчет своих воинских талантов, которых у него отродясь не было, за исключением стрельбы, понятное дело – все же полтора десятка лет работы егерем в заказнике чего-то стоили.

Но тут было совсем иное – не их опасались с Артемовым, а тех, кто мог встретиться по дороге, и, судя по ненавистным взглядам, что кидали бойцы комендантского взвода на лампасы и бекешу, и тем боязливо-уважительным взорам степенных бородачей караульчиков, дело могло идти только о шубинских казаках.

И еще одно понял Пасюк – сейчас на дворе стоит конец марта тысяча девятьсот двадцатого года, ибо отчетливо слышал, как пару раз судачили между собою красные бойцы о расстрелянном месяц назад в Иркутске адмирале Колчаке.

Но сильнее всего беспокоило Пасюка их с Артемовым будущее. Он понимал, что местный чекист принял их за каких-то важных шпионов да еще вооруженных неизвестным оружием – благо в Шимках эти идиоты вздумали проверить газовый револьвер в комнате, а с «черемухой» такие эксперименты проводить не рекомендуется.

«Отконвоируют меня с Артемовым в Иркутск, в местное ВЧК, тут все ясно. А там все, полный капец настанет. Запытают, как кулаки Павлика Морозова, наизнанку вывернут. Это местные чекисты в гуманизм играют, а те такой дуростью задаваться не будут!»

А потому остается для них двоих только один спасительный вариант – сбежать по дороге, что под такой охраной и с его повреждениями организма практически исключено.

«Вернее, есть еще один вариант, – мысленно усмехнулся Александр, – и на него стоит питать надежду. Если казаки нападут на конвой по дороге. Тогда мы будем спасены!»

– Мало ли что, – тихо прошептал Пасюк и прикрыл глаза...

«Господи, это что ж такое делается!»

По лицу Родиона текли слезы – только сейчас он понял, куда их с Пасюком занесло. Те же горы, знакомые ему по приезду в Аршан, совсем не изменились, все так же вытянувшись цепью. Для них и столетия как минуты, имя им – вечность.

Тунку, старинную казачью станицу, он узнал сразу – еще каких-то несколько дней назад, в той жизни... И в церковь, мимо которой сейчас проезжали сани, заходил. Вот только это была в этой реальности действительно станица, а не то село, которое он видел тогда, раньше, вернее, намного позже, отдаленный сейчас от нее чуть ли не целым прошедшим веком.

Солнышко пригревало, с крыш капала вода, весело щебетали птички и мычали коровы. Весна пришла в горы, пусть только днем, но пришла, хотя все в округе было пока заткано снежным покрывалом.

Пустынные прежде улицы сейчас были полны народа, одетого в старую одежду, вот только не было это маскарадом или съемками фильма про Гражданскую войну.

Старики, сидевшие на завалинках, с окладистыми бородами, в каких-то армяках (Родион не знал, как эта одежда называется), но в шароварах с желтыми лампасами, провожали его внимательным и вроде как одобрительным взглядом.

Статные казачки смотрели с сочувствием, отложив какие-то свои непонятные дела и теребя чуть дрожащими пальцами концы накинутах на плечи платков. Так же цветасто были одеты и пригожие девицы, вот только ему казалось, что у них в глазах стояли слезы.

Даже ребяшня, смешная, стояла притихшая, и, как у взрослых, желтели у них полосы на шароварах.

«Жалуют нас, понимают, что на казнь увозят!»

Мысль промелькнула настолько горестная, что в горле моментально встал комок, и Родиону захотелось взвыть по-волчьи. Но он сдержался, продолжая глотать соленые слезы.

Те, кого он принял за ряженых психопатов, оказались самыми натуральными красноармейцами. И чекист, напоивший его вчера водкой до жуткого похмельного страдания, тоже самый настоящий, но за двух бойцов, что он случайно убил, почему-то карать не стал. Вроде даже жалел, а ведь в ЧК, как писали, одни только звери и душегубы служили.

«Мать моя женщина! Это ж что ж получается – те люди, которых мы убили, должны были жить, растить детей, сделать много полезного. А теперь что, история измениться может?!»

Мысль пришла, поразила его, и тут же исчезла. Он совсем другими глазами посмотрел на казачат – казалось, что с каждого дома их высыпало по доброму вороху.

Большой четырехэтажной кирпичной школы, что высилась над усадьбами в той современной Тунке, здесь не стояло, ее построят в последние годы СССР – на семь сотен учеников.

Правда, когда они были в школьном музее на экскурсии, куда его потащил зачем-то Пасюк, то выяснилось, что детей в нее ходят едва две сотни. А тут только тех, что он увидел, на небольшом отрезке улицы, едва ли не вдвое больше.

«А ведь их всех рассказат, и будут бежать они отсюда, сломя голову и бросая хозяйства...»

Он вспомнил рассказы стариков, что иногда приходили на праздники в станичную управу, маленькую комнату в воскресной школе при церкви, и тут же себя одернул:

«Ты чего их жалеешь, их судьба predetermined! Ты себя лучше пожалей – через пару дней привезут в Иркутск, а там чекисты могут и настоящими кровопийцами оказаться. И будут резать тебя по мелким кусочкам. И хотя ты наизнанку вывернешься, все равно не поверят, что из будущего! А потом расстреляют как Колчака, и в прорубь скинут. Бедная моя мама, что с тобою

будет?!»

Теперь он плакал по-настоящему – ему стало действительно страшно. Он проклинал тот день и час, когда решил поверстаться в казаки. И на хрена его понесло к этим ряженным клоунам – так он о них впервые подумал. Вот они – настоящие казаки, на улицах везде стоят – в лампасах от мала до велика, все вместе живут, жизнь сообща вершат.

А те раз в месяц форму наденут, на заутреню придут – и все, многие даже на установку креста не приедут, на общее дело добрым калачом не заманишь, за копейку на детские книжки готовы удавиться. У немногих сыновья форму надевают, или стыдятся, или отцы жлобятся. Как сычи живут, сами по себе!

«Ишь крутизна какая прет из клоунов наших. Подопьют, так начинают балакать, что крутые, что они бы красных одним махом всех побивахом. Их бы сюда, да по сопатке!» – Родион мстительно скривил губы – на душе было пакостно до жути.

Кошевки вылетали одна за другой за поскотину, и последняя надежда, что это у него просто приступ безумия, и стоит раскрыть глаза и все станет по-прежнему, пропала.

Столбов с проводами так и не появилось, асфальтированная трасса на Аршан отсутствовала, как и автомобили, что вечно сновали по ней – иркутяне любили отдыхать в здешних местах. Моста через Иркут тоже не наблюдалось – лишь белое покрывало реки, стиснутой и надежно прикрытой ледовым панцирем.

И придорожной кафешки не стояло, с двумя искусственными пальмами из пустых пластиковых бутылок, где всегда можно было вкусно и недорого поесть. Он вспомнил, что тогда со смехом говорил, что тут не пальмы надо ставить для бизнеса, а казачий антураж создавать.

Хотя для чего – в Тунке, кроме приезжающих, лишь один человек мог ходить в казачьих лампасах по улицам хиреющего села, из которого молодежь вострила лыжи. Сравнивать ту Тунку и эту, было бесполезно – здесь даже на первый взгляд народу проживало намного больше, и почти все в казачьей справе.

Родион тяжело вздохнул и проморгался – слезы выдуло весенним ветерком, ибо лошади шли ходко, а оттого он начал стремительно трезветь – ночные алкогольные пары перестали терзать его несчастное тело и разум, а холодный воздух действовал намного лучше привычных лекарств, какие он употреблял раньше при таких «хворостях».

На той стороне Иркуты стоял небольшой поселок три десятка домов, которого в современности не было и в помине – бросили Нерюхай казаки при Советской власти и ушли, а их жилища снесли. На берегу реки, где приезжающие из Иркутска казаки любили проводить праздники, высился одинокий купол часовенки, которая была разрушена в период борьбы с «религиозным дурманом».

И стало враз еще тяжелее на сердце, и Родион тихо зашептал молитву, глотая горькие слезы похмельного раскаяния...

**Секретарь Особого отдела 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии
Полина Шверницкая, по мужу Бычкова**

– Что же ты, война, делаешь?!

Молодая женщина молча смотрела в оттаявшее оконное стекло. Внутренний двор просторной казачьей усадьбы, конфискованной в пользу Особого отдела полка, что всегда делалось в занятых селениях, сейчас непривычно опустел. Суета прекратилась – ни тебе саней, ни бьющих копытами коней, ни красноармейцев, снующих по своим делам.

Конвой с захваченными офицерами, что устроили в Шимках жестокую бойню, утром отбыл в Иркутск. Полина тогда смотрела на офицеров, скрытая от взглядов заиндевелым окном, и

уловила ту тень отрешенности, что легла на лицо пожилого подьесаула, явно осознавшего, что ничего хорошего его не ждет, одни лишь пытки и новые истязания.

Зато молодой прапорщик с измордованным лицом проявлял некоторую живость, свойственную всем юным, и с любопытством вертел головой. Время от времени его лицо искажала мучительная гримаса, и дергался кадык на горле, будто слезы едва сдерживал.

Безусый юноша, почти мальчик, ему жить да жить еще, а он уже льет и свою и чужую кровь.

– Что же ты, война, делаешь?!

Шверницкая прошептала еле слышно во второй раз, чуть двигая тонкими губами и на цыпочках подошла к дощатой перегородке, за которой находился рабочий кабинет Либермана. Так она всегда делала, подслушивая, какие разговоры ведет его хозяин, начальник всемогущей в долине ЧК.

Ведь Особые отделы, как ни крути, всего лишь структурные единицы этой страшной карательной машины, и не только задействованные в Красной армии. Они обеспечивали нормальную деятельность советской власти на занятых ею территориях, пока там еще все органы и ревкомы будут созданы из местного большевистского актива, а время не ждет.

– Ты мне тут носом не крути! Раз Ермолаев важное дело выполняет, а ты его помкомвзвода, тебе этим делом таки и заниматься, товарищ Кузнецов, и быстро. Ибо время не терпит!

Из-за перегородки послышался возбужденный голос чекиста, явно недовольного. Так он всегда кричал, когда был сильно недоволен проволочками, которых тяжелая чекистская работа не терпит.

– Немедленно обыщи все бурятские стойбища в округе! Не мог же белый офицер совсем без оружия сюда явиться, с одной шашкой и секретным «газовиком»? Где его револьвер или пистолет, что эта сволочь с собой постоянно в кобурах носит?! Где, я спрашиваю? А вещи? Та же пара нательного белья у него должна была иметься – мы же обгадившегося подтирали, свои подштанники выделили, а они, чай, казенные! Вещи офицерские ищи, чемодан или сумы переметные, оружие – была же у него винтовка или карабин! В общем, так – тщательно прошерсти всю казачью округу, от Тальской сопки до Булун-Талайского озера, где их крайний поселок стоит! А там до Шимков дозоры направь. Наверняка где-то рядом лежат, хорошо припрятаны, а ты ни сном ни духом! Ищите быстрее, товарищ Кузнецов, хорошо ищите, можете всю округу перерыть!

Полина отшатнулась от перегородки, морщины пролегли по ее молодой коже глубокими бороздками и, словно с тяжелой ношей на плечах, снова уселась на стул и задумалась.

«А ведь верно – где их вещи?»

Глава вторая. Александр Пасюк

Лошади пошли быстро, кошевку мотало со стороны в сторону. Умные животные почувствовали близость отдыха и будущей кормежки, а потому припустили ходкой рысью сами, без понукания ездовыми, прямо понеслись по наезженной санями дороге, мимо небольшого леса.

Вечерело.

Прежде высокие горы, уткнувшиеся своими вершинами в облака, стали просто сопками, пусть и величественными. Пасюк здесь ездил много раз, а потому понимал, что приближались Тибельти, последний казачий поселок, что раньше перекрывал дорогу в Тункинскую долину, что здесь в ширину сужалась едва до одной версты.

С каждой пройденным километром пути сердце все более сжималось в тисках отчаяния, теперь он понимал все яснее, что надежда на спасение превратилась в мираж. И ничего не сделать – красный гарнизон в поселке надежно перекрывал спуск к Байкалу.

А в Култуке его с Артемовым посадят на поезд, и через сутки они будут в Иркутске, где их и умучают. Да и за дело, по большому счету, как ни крути – пятерых красноармейцев им не простят, и надеяться на гуманизм не приходится. Гражданская война, как он уже понял на своем небольшом опыте, сантиментов не любит. А они на ней явно лишние...

«Теперь все решится в ближайший час. Либо пан или пропал, другого варианта для нас просто нет!»

Первый раз Пасюк бросил затравленный взгляд по сторонам, как бы ища помощь. Но придорожная тайга казалась пустынной, а текущий справа подо льдом Иркут был очень далеко – не добежать никак, даже в молодые годы, любой конник враз догонит.

– Что, вашбродь, тягостно?

Сидящий напротив красноармеец с красным треугольником на рукаве шинели хитро улыбнулся, вот только жалости в глазах не было, а плескалась только одна жгучая ненависть, будто ожег взглядом, полным торжествующего злорадства.

– Присмирели твои казачки, хвосты поджали – Советской власти шибко боятся! Так что на спасение не надейся и глазюками своими не сверкай. Ну надо же – еле живой, душа чуть теплится, а туда же, так и думает, как бы половчее глотку порвать!

Пасюк прикрыл глаза ресницами – вступать в разговор он не собирался и решил про себя, что будет продолжать играть обессиленного. Пока момент удобный не наступит, на что он яростно надеялся. Пусть даже будет один шанс из ста, даже тысячи, но лучше погибнуть в бою с шашкой в руке, хотя с ней он не устоит против здешних настоящих кавалеристов, закаленных войною рубак, и трех секунд.

Но уж лучше такую смерть принять, чем стать истерзанной тушкой в застенках Иркутской губчека!

Это в советское время писали об этой конторе исключительно в благостном свете. Вот только в свое время он прочитал много литературы о красном терроре, благо цензура исчезла, и сделал четкий вывод – эти злыдни в кожанках слюнтяйством совсем не страдали, как и гуманизмом, у них любой заговорит. И нет на свете человека, что способен выдержать по-настоящему профессиональные пытки.

– Отставить разговоры с конвоируемым!

Хлесткая команда была отдана подскакавшим к кошевке из арьергарда командиром конвоя, старым «знакомцем», щека которого все так же белела под намотанным на голову бинтом.

«Профессионал!»

Пасюк ненавидел этого красного командира всеми фибрами души, но отдавал ему должное, после той стычки с клинками в руках. Он тогда проиграл мгновенно и был сразу обезоружен – мастерство матерого воина моментально сломило его «показуху».

Да, до того он сам убил бебутом двоих караульных солдат, но ведь как? Первого проткнул насквозь прямо в дверях, боец даже не успел понять, что случилось, а не то, чтобы уцепиться за рукоять «драгунки». А второй, пожилой караульщик в солдатской папахе, вообще был безоружным – смог закричать только и бросился бежать. Пасюк его догнал одним прыжком и полоснул по спине с оттягом.

По сути убил двух безоружных людей, какой тут поединок. В последнем он ничегошеньки не стоил как воин. Что ему было тут же убедительно продемонстрировано...

«Хм. А ведь у него на шинели было два треугольника, а сейчас один красный квадратик. К чему бы это? Неужто у них тут тоже звания щедро накидывают? Нас поймали, и вот – из командиров младших в средние перевели. Или я ошибаюсь?! Ни хрена в этих кубиках-рубиках не разбираюсь, тем паче, что они в двадцатом году обозначали».

Пасюк снова прикрыл глаза и попытался вспомнить все кинофильмы, где фигурировали бы данные знаки различия. Но, как ни ломал голову, о рукавах, так ничего и не припомнил.

А вот петлицы, что носили на воротниках гимнастеров перед Великой Отечественной войной, такие знаки имели, и понятные. Треугольники носили только сержанты, а кубики офицеры, вроде лейтенанты. Но и всякие там политруки-комиссары. Но здесь таких обращений даже не прозвучало, хотя несколько раз слышал, как обращались по должности – «товарищ уполномоченный» или «товарищ помкомвзвода».

Но какие следуют носить «геометрические фигуры», кому и, главное, в каком количестве, Пасюк не имел ни малейшего представления. Потому вытряхнул из головы мысли по этому поводу, прекрасно понимая, что они вызваны животным, еле перебарываемым страхом, который бесполезно перебороть отвлеченными мыслями...

Родион Артемов

За эти долгие часы дороги вдоль Иркутта, на мотающихся со стороны в сторону санях, Артемов полностью извел себя. Часто Родиону казалось, что он просто спит и видит бесконечно кошмарный сон, но стоит открыть глаза, как все переменится для него самым чудесным образом, как в сказке с хорошим концом.

Он снова окажется в своем времени, где все так спокойно и уютно, а единственная тревога, которую выказывают красавицы телеведущие, касается исключительно роста котировок заокеанского доллара. И пенял себя, что не ценил этого уютного бытия, а стал страдать за Россию, которая обойдется и без его участия в этом безнадежном деле постоянного спасения как от настоящих, но, в большинстве своем, мнимых напастей.

«Нужно было сидеть тихо и не чирикать, да в это гребаное казачество не вступать! И не мучился бы сейчас!»

Родион, в который раз, начал бичевать себя, и опять перед его глазами возник оскаленный в крике рот, с которого толчками выплескивалась кровь. И тонкое острое жало смертоубийственного граненого штыка, что принесло ему это постоянное чувство подступающей к горлу тошноты и дикого страха, что сотрясало тело с ног до головы.

Мозг словно в насмешку услужливо рисовал картины его будущих мучений – от этих жутких видений Артемова затрясло еще больше. На помощь он не надеялся, но только умом прекрасно понимая, что сейчас их никто освобождать не станет. Может быть, позже, но не сейчас, когда казаки просто придавлены столь быстрым и безжалостным сокрушением прежних

порядков и стремительной победой Советской власти.

Но душа отчаянно жаждала, чтобы в нее вдохнули надежду, и всю дорогу он с тоской взирал на лес и заснеженную степь. А вдруг появятся там какие-нибудь отважные спасатели или обрушится с небес рев вертолета – ведь это же безумие, считать себя занесенным в первую четверть прошлого века, вместо начала нынешнего, двадцать первого столетия.

Иногда он закрывал глаза и пытался уснуть, прикрыв лицо воротником – но спасительный сон к нему никак не шел, ныли стянутые ремешками руки и ноги. А вместо воображаемого мягкого кресла в автомобиле под ним оказывалась та же кошевка, которую бодро волокли вперед лошади, а впереди видел все такие же внимательные и настороженные лица двух красноармейцев конвоя...

– Все нормально, товарищ Ермолаев!

Голос рывкнул над ухом, и Родион открыл веки. Красный командир на секунду встретился с ним взглядами – и Артемов первым отвел глаза. Он понимал, что сломался, еще тогда в кабинете, когда этот краском сдавил свои ладони на его горле.

Вот только сейчас на него смотрели не с той брызжущей в стороны ненавистью или холодным взглядом профессионального убийцы, современного киллера, что как бы говорил без слов: «Заказ на вас, уважаемый, получен, но пока не проплачен, и сегодня можете еще жить!».

Нет, сейчас в этих ледяных глазах плескалось какое-то жалостливое сочувствие, крепко замешенное на легкой брезгливости. Так обычно смотрят на улицах Иркутска на бомжей с уродствами, что со слезами роются на помойках в поисках отбросов.

Однако Ермолаев ничего не сказал ему, а, хлестнув коня по ляжке плетью, неспешной рысью помчался вперед, обгоняя гораздо более медлительные кошевки. Но и у той, на которой везли Пасюка, командир остановился, и, судя по резким рубленным жестам, делал какое-то внушение своим бойцам, что охраняли подъесаула.

Артемов вздохнул – единственный плюс в его положении, так это то, что Александра будут пытаться первым. Все же и чин офицерский побольше, а это в глазах чекистов ой как существенно, хотя и не объяснишь им, что они оба, по большому счету, самозванцы.

А во-вторых; кровушки много пролил бравый станичный атаман, четыре против одного в его пользу. О том, что именно он сломал шею одному из охранников, и еще вынес челюсть прикладом другому, Родион старался не думать – и так было страшно.

Воображение в который раз услужливо нарисовало картинку – подвальная комната, пол залит кровью чуть ли не по щиколотку, а посреди этого месива лежит его истерзанное тело!

– Ох...

Родион тихонько заскулил, его снова охватила дрожь, от которой тряслись губы и лязгали зубы. Это был не холод, которого он не чувствовал, а то навалился животный, все побеждающий страх...

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

Бурятское стойбище было последним, дальше начинались пастбища и выгоны тибельтинских казаков, это Пахом уже знал, хотя ехал по зимнику всего во второй раз. А первый – десять дней назад, по этой же самой дороге красноармейцы и вошли в Тунку.

Но запомнил путь хорошо, тем более на первых санях ехали два милиционера, местные уроженцы из «новоселов», из большого села Ахалик, где проживало полторы тысячи селян. Еще столько же, главным образом старожилов, имели свои наделы в Еловке, селе поменьше, и в полудюжине совсем мелких крестьянских селений, где едва насчитывалось по два десятка

дворов, в лучшем случае.

Наделы казаков и крестьян со всех сторон были окружены выпасами и сенокосами бурят, которым еще при царе отводилось втрое, а то и больше угодий на душу – не зная земледелия, они жили только скотоводством, а потому нуждались в обширных пастбищах.

Вот и сейчас везде ходил скот, столь милый их сердцу. Лошади своими копытами долбили еще устойчивый тонкий наст, доставая из-под него сухую траву, рядом с ними печально мычали худые, как собаки, коровенки – буряты зимой тебеневали свою скотину в степи, и та приноравливалась сама себя кормить, лишь изредка получая сено, которого постоянно не хватало.

Добрая сотня овец сгрудилась у поскотины, за которой стояли небольшие стога сена. Совсем еще малец, лет десяти, лихо управлялся деревянными вилами, бросая сухую траву охапками на кормежку.

Две бабы в синих халатах быстро юркнули в большую юрту, прижимая к себе совсем маленьких детишек и прячась внутри от подъезжавших красноармейцев. Еще одна баба, с усталым морщинистым лицом, продолжала таскать какую-то труху под большой навес.

А вот два бурята, средних лет, в грязных шубах и замасленных остроконечных шапках, блестящих от жира на закатном солнце, оставили свои занятия и встали почти у самой юрты, как бы встречая непрошенных гостей, что подъезжали к ним на рысях.

Ермолаев оглянулся назад – кошевки катили вдалеке, он с тремя бойцами просто вырвался вперед, обогнав конвой и желая проверить встретившееся на пути бурятское стойбище.

– Здорово, хозяйева!

Ермолаев глянул с седла на двух склонившихся бурят, что дружно затараторили на своем непонятном языке, из которого его уши вырвали лишь два знакомых слова – «сайн байну», что означает вроде как «здравствуйте», приветствие при встрече, короче.

– Белые не появлялись, товарищи буряты?

Иностранцы вытаращили на него свои узкие глаза и что-то опять затараторили. Ермолаев понял, что те совсем не кумекуют в русском языке, и стал жестами объяснять, мысленно ругая себя последними словами, что не посадил в седло одного из милиционеров. Те, местные уроженцы, по крайней мере, могли бы объясниться со степными иностранцами.

– Контра не появлялась? Что в нас пиф-паф! – он хлопнул себя по «разговорам» широкой ладонью.

Буряты поняли вопрос и тут же стали дружно мотать головами и махать руками, типа никого не видели, ничего не слышали. И тут настолько мирно, что к ним давно никто не приезжал и не заглядывал. И вообще, они ничего не знают, но угодить властям готовы. А ради такого случая зарежут несколько баранов, на которых тут же ткнули пальцами для лучшего понимания.

– Хорошо, но нам некогда!

Остаться на постой в пяти верстах от Тибельти было бы чрезвычайной глупостью, а потому Ермолаев дернул поводья, разворачивая коня. Кошевки были почти рядом, и нужно было опять нестись вперед в авангарде, дабы не напороться на засаду, которая, впрочем, вряд ли возможна – слишком далеко они уехали с казачьей земли.

И тут в душе неожиданно взвыло чувство опасности, как бывало с ним не раз на германском фронте, и к которому он всегда прислушивался – потому и живым остался до сих пор.

Почему буряты не боялись их так, как бабы или мальцы, что чуть ли не дрожали от ужаса?

Почему он сразу не приметил, что в глазах мужиков плещется не угодливость и страх перед новой властью, а жгучая ненависть, хотя в голосе ее не было слышно?!

Почему...

Слишком много этих самых «почему» пронеслось в его голове за одно мгновение, и, еще не понимая в чем дело, Пахом Ермолаев крепко ухватился за рукоять шашки и потянул ее из ножен...

Он хорошо видел, как четверка красноармейцев свернула от дороги в сторону бурятского стойбища. Все правильно – по пути верховые отряда часто осматривали вот такие дощатые юрты, разбросанные по всей горной долине в кажущемся беспорядке, потом стремительно догоняли ушедшие вперед сани, горяча своих коней.

Как ни крути, но верховой идет всегда быстрее, чем пара лошадей, что тянут за собой прилично груженые сани. Если по наезженной дороге, прихваченной ночным морозцем, еще можно было держать достаточно большую скорость, то вот по растопленному весенним солнцем насту состязаться не имело смысла.

Пасюк хотел было закрыть глаза, но неожиданно сердце стремительно заколотилось в груди – он интуитивно почувствовал, что-то происходит совсем не так. И увидел, как сидящий на коне старый «знакомец» выхватил шашку, грозно сверкнувшую на солнце.

«Он что, бурят пластовать на куски собрался? Совсем краском «крышей» съехал?»

И тут произошло совершенно неожиданное для ошеломленного увиденным Пасюка. Руки бурята, одетого в черную шубу мехом наружу, стремительно рванулись вперед, выбросив длинный, как ему показалось, шнур, что обвил шею командира.

И тут же инородец потянул его обратно назад, с натугой, что было хорошо видно. И одним махом потащил на этом тонком кожаном ремешке здорового красноармейца, что был через несколько секунд выдернут из седла и сброшен на землю полузадушенным дохляком. До конца дело не довел, но красному командиру и этого хватило за глаза.

И сразу загревели выстрелы, с разных направлений, вразнобой, но несмолкаемой чередой – патронов явно не жалели.

«А ведь это мой единственный шанс, грех его упускать! В такой суматохе легко будет скрыться!»

Пасюк быстро согнул ноги в коленях и неожиданно выбросил их вперед мощным толчком, прямо в грудину сидящего напротив него конвоира, что еще не осознал происходящего и только начал поворачиваться в сторону выстрелов.

Удар оказался мощным – мужика откинуло на возницу, и тот чуть не слетел с облучка, выронив какую-то здоровенную «дуру». Движение вперед позволило Александру выдвинуть локоть, и он ударил им прямо по носу сидящего рядом красноармейца.

Удалось – тот от неожиданности хрюкнул и не вцепился в него. Рефлекторно ухватив винтовку, Пасюк мгновенно, всем телом, рванулся в сторону. Повезло – упал не на накатанную дорогу, а на снег, что значительно ослабило толчок при падении.

Руки делали то, к чему привыкли за долгие годы в охотничьем хозяйстве. И пусть в его руках была сейчас винтовка образца 1891 года, она мало в чем отличалась от штатного карабина образца 1944 года, созданного на базе той же «мосинки».

Да и отличий было мало – ствол намного короче с откидным на шарнире штыком, а не съемным, как здесь, прицел со шкалой другой, магазин снизу прикрыт крышкой, через которую можно заряжать, а не сверху, что позволяет перезарядку только с открытым затвором.

Пальцы быстро делали свое дело – раз, и «пуговка» оттянута и поставлена прямо. Два – затвор с лязгом отошел назад и сразу же двинулся вперед, гоня перед собой толстый желтый патрон. Три – рукоять в сторону до упора – и он принялся искать глазами наиболее опасную для себя цель, помня, что в магазине только пять выстрелов.

Засада красным была организована классическая, о таких он читал в книжках. С головным дозором растянувшегося по дороге отряда было одним махом покончено – командиру вязал

руки ремешком тот самый бурят, сидя у него верхом на спине.

Второй инородец лихорадочно прятал револьвер в карман, застрелив из него всех трех красноармейцев. Два тела лежали ничком на загаженном темном снегу, еще один боец бессильно лежал на шее лошади, которую схватила под узды бурятка, мигом очнувшаяся от спячки.

Действующих лиц в стойбище значительно прибавилось. Трое казаков в серых бекешах с погонами, с винтовками в руках, метко стреляли по саням с солдатами, лихорадочно передергивая затворы.

В стороне от него тоже загремели вразнобой выстрелы, и Пасюк мельком глянул туда, мазнув взглядом. Увиденное его впечатлило – из-за ближней рощицы, что они миновали, бешеным наметом, стегая коней, вылетело с десятков всадников, крутя в руках сверкающие клинки.

– Казаки!

Дикий вопль, раздавшийся совсем близко, чуть ли не подкинул Александра из подтаявшего на солнце сугроба, в котором он уже обжился. Пасюк оглянулся – кошевка, на которой его везли, остановилась в полусотне шагах, и из нее выпрыгнул конвоир, что сидел рядом с ним, с винтовкой в руках, отчаянно разевая в крике рот.

– К бою, товарищи!

Александр вскинул «мосинку», поймав в целик и мушку этого красноармейца, и плавно потянул за спусковой крючок.

Выстрел!

Приклад толкнул в плечо, и Пасюк лихорадочно передернул затвор, горячая гильза с шипением, настолько сейчас обострились все его чувства, что даже такое заметил, упала на снег.

Теперь на мушку попал второй красноармеец, что сидел раньше напротив него и сыпал всю дорогу угрозами. Злорадство подстегнуло Александра, и он принялся вершить пока еще горячую месть – пуля поразила здоровяка в шинели прямо в грудь и отбросила на возницу.

Губы стрелка скривились в страшной гримасе, выплевывая дышащие злобой слова:

– Ну что, суки червивые, посчитался я с вами?! Говорил же – за мной не заржавеет!

Родион Артемов

– Казаки!!!

Истошные вопли и заполошная стрельба кругом привели Артемова в полное смятение. Умом он понимал, что его молитвы и страдания услышаны на небесах, но вот душа просто вопила, что в такой запарке тело запросто может получить убийственную дозу свинца.

И только Родион об этом подумал, как лошади понеслись, дико всхрапывая, куда-то в неизвестном направлении. Однако поездка вскоре прекратилась – сильный толчок, и Артемов почувствовал невесомое и блаженное состояние полета, которое через мгновение закончилось приземлением на что-то мягкое.

– Ип-тыть!

Лицо залепило снегом, и первым делом Родион вытер его об это мягкое и, судя по всему, теплое. Проморгал глаза с трудом и сразу же скрючился в рвотных позывах – под ним лежало тело караульщика, что сидел рядом с ним всю поездку и бережно поддерживал за локоть.

– Твою мать!

Вот только теперь этот заботливый молодой красноармеец, что еще минуту назад шутил и радовался солнцу, был мертвее мертвого – половина лица представляла собою окровавленное

месиво.

«Пуля попала ему в основание затылка, а отсюда она вышла. Хорошо, что не выше, иначе бы меня всего заляпало...»

Мозг одним краешком спокойно проводил аналитическую работу, зато всей массой предавался другому делу, давая отчаянные команды телу извиваться в поисках спасения.

Однако ремни, коими его повязали в Гужире (хотя перед этим щедро наделили полным стаканом спирта), стянув локти, дабы кисти не затекли в дороге, оказались на диво крепкими, а потому распутаться не было ни малейшей возможности.

«Писец, мохнатая полярная лисица! Так и хлопнуть ни за грош могут! Тут под пулю угодить запросто можно!»

Мысль пробежала в мозгу очень быстро и тут же сменилась на другую, от которой все его крепкое тело покрылось ледяными мурашками и затряслось в жесточайшей лихорадке.

«Если бы чуть левее прицелились, то это бы мне сейчас череп раскололо! Мне, и никому другому!»

Вот тут Родиону стало по-настоящему жутко, и он вдавился в снег насколько можно было глубже, подсознанием чуя, что в прижавшегося к земле человека попасть чрезвычайно трудно, в отличие от сидячего, и тем более стоящего на ногах.

Неожиданно почти рядом с ним, чуть ли не над ухом раздался оглушительный выстрел, затем второй. Артемова чуть ли не подбросило на месте от неожиданности, и не будь он связанным, то вскочил бы на ноги. А так только повернул лицо, трясаясь от страха.

В трех шагах от него лежала перевернутая кошевка, на которой его везли. Лошади истошно бились в упряжке, пытаясь встать на ноги, у рыжей из шеи толчками вылетала густая струя алой крови.

«Пулей конягу зацепило, оттого меня и вышвырнуло!»

Мозг, как всегда, спокойно дал подсказку, а глаза впились в торчащий из-за кошевки ствол винтовки. Второй конвоир и возница уцелели и сейчас в кого-то стреляли, почти не целясь, лихорадочно передергивая затворы винтовок, что лязгали с периодичностью хорошо отработанной машины.

И вот бы Родиону закрыть свои глаза и не смотреть в их сторону! Но нет, именно его затравленный взгляд привлек внимание красноармейца, что сидел в кошевке напротив него.

– Надо же?! Уцелела белогвардейская морда!

Боец посмотрел на него с удивлением и нескрываемой ненавистью, затем злобно оскалился.

– Щас я тебя к Колчаку на свидание отправлю!

Он навел на Артемова винтовку, прицелился и нажал на крючок. Время словно замедлило свой ход, а кадры жизни лениво поползли, будто поставленные с нормального на самый тихий ход.

Родион видел, как палец нажимает на спуск, слушал щелчок бойка, но сделать ничего не смог – все тело сковал смертный ужас. Вернее, не все – он почувствовал, как неожиданно расслабились у него все мышцы внизу, и ощутил теплоту, что стала исходить из его тела.

Щелк...

– Твою мать!

Красноармеец смачно выругался в три загиба и дернул затвор винтовки – патрон вылетел на снег.

Осечка!

– Ах ты, падло! Ну, белогвардейская сволочь!

Конвоир выхватил из шинели обойму из пяти патронов и вставил их в магазин сверху,

оттянув блестящий на солнце брусок металла. Затем выдернул металлическое крепление из-под донцев гильз и с громким лязганьем, от которого душа, вопя от ужаса, убежала уже в пятки, закрыл затвор.

Говорят, что человек в такие последние для него секунды просматривает перед глазами всю свою жизнь. Родион ничего такого не видел, он уставился в черный зев винтовочного ствола, не в силах отдать своему окаменевшему телу команды хотя бы закрыть глаза, чтобы не видеть вспышки и того комочка раскаленного газами свинца, что разнесет ему напрочь всю голову. Лишь только одна мысль на мгновение заполонила весь его вопящий в ужасе разум:

«Боже, я хочу жить!!!»

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Лежи, ваше красное благородие! Лежать, кому говорю, скотина приبلудная!

Тело взвыло звонким криком. Пахом стиснул зубы и прокусил себе губу, стараясь сдержать стон от чудовищной боли в руках. Но он предпочел бы совсем сойти с ума от истязаний, чем жить после той чудовищной ошибки, которую сам же и совершил.

Близость казачьего поселка Тибельти сыграла над всеми злую шутку – видимые вдали крыши домов, где была расквартирована целая караульная рота, заставили забыть о привычной осторожности.

Он с тремя бойцами передового дозора отправился на проверку стойбища, хотя присутствие командира отряда не требовалось. Да и возницы стали шибче нахлестывать лошадей, а те, почуяв близость скорого отдыха, сами добавили хода. Подтянулся следом и отставший арьергард – и все сбились перед юртами в одну большую кучу, на что и рассчитывали казаки, устроившие им тут засаду.

Все просчитали, сволочи!

– Ну, вот и все, теперь не подергаешься!

Казак встал с его спины, и Пахом, извернувшись, тут же попытался перевернуться. Не удалось – связали полузадушенным и качественно, не обращая внимания на разворачивающийся бой. Но зато стало видно все, что происходило на узкой равнине в урочище Иркута.

Спереди и сзади красноармейской колонны вынырнули две группы казаков, с полдюжины шашек в каждой. Сноровисто и быстро развернувшись в две жиденькие лавы, станичники с диким воем устремились в атаку.

Со стороны бурятского стойбища еще полдюжину желтолампасных казаков осыпали пулями сгрудившуюся в двухстах шагах колонну, а теперь пошли в атаку, проваливаясь унтами в снегу.

– Эх-ма!

Пахом заскрежетал от горя зубами – перевес врага в выучке был настолько очевиден, и даже, не вляпайся они в засаду, шансов вырваться было бы мало. Будь вместо бородатых солдат весь его комендантский взвод, то да, тогда бы отбили.

Все должно было решиться через минуту. Однако затянуть столкновение оставшиеся в живых красноармейцы могли – на санях, где везли пленного подъяесаула, был ручной пулемет «Шоша», прихваченный именно для такого случая, и сейчас парой очередей можно смести жиденькие казацкие лавы.

А там, глядишь, и атаку спешенных станичников отбить, и можно дожидаться подкрепления из Тибельти – в поселке уже поднята тревога, и через полчаса, и это в худшем случае, подойдет караульный взвод и казаки будут смяты. Может хватить и пятнадцати минут – командир роты

там опытный, наверняка держит один из своих взводов в полной боевой готовности.

– Эх-ма...

Пахом опять прикусил себе губу, коря за то, что, подъехав, не понял сразу, в чем дело. Ведь предупреждал товарищ Либерман, что казаки с местными бурятами на сто рядов перероднились, а оттого и лицами с ними шибко схожи, и язык знают.

И на буряток с мальцами не обратил внимания, а ведь они ему подсказывали. Ведь что сделает пусть и большая семья одинокого инородца против такой банды, что нагрянула к ним в одночасье? А ведь положение хуже не бывает – если отказать, то казаки перебьют, а согласишься, так от Советской власти будет возмездие!

Они ему и так, и этак, но разве слепой увидит?!

– Эх-ма...

Волосы у Пахома зашевелились от ужаса, что черной волной затопил его душу. Он разглядел, что творилось у кошевок, где приняли бой товарищи, и с пронзительной отчетливостью понял, что все кончено. «Шош» не заговорит, а без его стрельбы бойцам никак не отбиться от налетающих со всех сторон казаков.

– А это что за изобретение военпрома? – Пасюк на добрую секунду выпал из боя, с удивлением рассматривая ручной пулемет незнакомой для него конструкции, что оставшийся на ногах красноармеец, сноровисто извлек из перевернувшейся кошевки, на которой его везли.

Система чем-то отдаленно походила на РПК, вот только магазин был намного закручен, прямо как турецкий ятаган, чуть ли не к стволу в виде полумесяца, да и само военнотехническое чудо было более громоздкое, килограммов на десять, никак не меньше.

Красноармеец поставил пулемет на сошки, и Пасюк понял, что терять нельзя на секунды. Если сейчас опрокинут лаву с одной стороны, то итог боя станет сомнительным, а соответственно отразится и на шансах к спасению. Так что валить пулеметчика нужно было немедленно и без всякой жалости, пока он беды не наделал.

Странно, но сейчас Пасюк нисколько не предавался рефлексии по поводу убитых, будто сломался в душе какой-то замок, выпустив из нее ледяное хладнокровие и жестокость.

Ведь законы войны просты, даже примитивны своей прямолинейностью граненого штыка – убей врага первым, иначе он убьет тебя. На поле боя нет места интеллигентским соплям и моральным страданиям о высочайшей ценности человеческой жизни.

Посмотреть бы, что они скажут, когда эта самая «высочайшая ценность» им в брюхо штык направит?!

– Сейчас, сейчас!

Он прицелился и плавно потянул за спусковой крючок – приклад толкнул его в плечо, а пулеметчик уткнулся лицом в наст. Вокруг его головы снег заалел – с трех десятков шагов промахнуться бывшему егерю было невозможным делом!

Теперь нужно дожидаться только победы, которая должна была наступить с минуту на минуту. Сопротивление красных впереди значительно ослабело – от перевернутых саней стреляло от силы две винтовки, не больше. И сбегать бойцы никак не могли – пеший конному в бегстве не соперник, а до спасительной тайги нужно было пробежать метров сто.

А потому оставшимся в живых солдатам предстояло либо драться с казаками до последнего патрона и идти в отчаянную рукопашную схватку, или выбрать совсем иное...

Был, правда, еще один вариант – единственный верховой красноармеец, безжалостно настигая плетью гнедого коня, устремился в прорыв к Иркуту. Но его сразу же настигли два казака, и в воздухе серебристыми молниями сверкнули шашки...

– Получили по сопатке!

Пасюк откровенно злорадствовал – сопротивление красных практически прекратилось. Мужики из караульного батальона, степенные бородачи, втыкали винтовки штыками в снег, а сами поднимались на ноги, вытянув руки характерным жестом – «Вяжите меня, православные!»

– Твою мать!

Пасюк вычурно выругался и моментально прижал приклад винтовки к плечу. Увиденное ему очень не понравилось – Родион лежал в пяти шагах от перевернувшейся кошевки, и, судя по дрожащим конечностям и скулежу, пребывал в полном здравии.

Вот только сидящий на корточках за санями красноармеец из конвойной команды был явно намерен продолжать сопротивление, даже оставшись в полном одиночестве. Он лихорадочно вставлял обойму патронов в винтовку. Выражение лица с кипящей на нем ненавистью не сулило ничего доброго. А взгляд был направлен не на скачущих к нему казаков, а на лежащего перед ним беззащитного офицера.

– Убьет ведь парня, паскуда!

Александр знал, что в стволе у него последний патрон, и промах равносильен неминуемой гибели Родиона. Но, тем не менее, решил стрелять в голову, хотя корпус человека намного большая мишень. Вот только в случае причинения мужику смертельного ранения, красноармеец успеет застрелить Артемова на последнем издыхании – велика сила ненависти! А попадание в голову всегда фатально!

Перед глазами внезапно помутилось, и Александр понял, что переоценил свои силы, побои и встряска последних дней оказались слишком тяжелы для уже отнюдь не молодого организма. Боясь, что потеряет сейчас сознание, и видя на мушке лишь расплывшийся контур головы, он, затаив дыхание, как можно более плавно потянул на спуск.

Сильный удар приклада в плечо оказался той соломинкой, что согласно поговорке сломала хребет верблюда – Пасюк ничком рухнул на снег без сознания, прижимая к груди винтовку...

Родион Артемов

Никогда парню не приходилось так страшно в жизни – взирать прямо в лицо смерти, в виде дула винтовки и подернутых безумием глаз красноармейца, было жутко.

Ему казалось, что он видит бесконечно кошмарный сон, и стоит только прогнать его, как проснется дома в мягкой постели, а мама позовет его есть горячие мясные пироги с капустой, в которых главным объединением он считал не начинку, безусловно вкуснейшую, а подрумяненную выпечку из слоеного теста – куда там вокзальным чебурекам.

Стоит только закрыть глаза, и он уснет, и не будет этого липкого, дурно пахнущего страха, а проснется уже у себя дома. Вот только закрыть свои глаза Родион не успел...

Швак!

Голова красноармейца лопнула спелым арбузом, и вся мякоть вывалилась прямо в лицо закричавшего изо всех сил Артемова, и тут же сверху рухнуло тело бойца, который так и не стал его убийцей. Родион закричал от охватившего его ужаса и лишился чувств...

– Вашбродь, ты как?!

Сильные руки подхватили его, крепкая шершавая ладонь легонько хлопнула по лицу. И тут же другой голос, властный до жути, громко спросил, будто скомандовал:

– Что с прапорщиком, Лифантьев?!

– Сомлел их благородие. Истязали его крепко, и даже по нужде не развязывали.

– В опаске держались красные, нашего брата казака они до жути бояться стали! В Шимках с подъесаулом на пару пятерых побили насмерть голыми руками и еще нескольких покалечили. И сейчас его командир пятерых застрелил, ни одного промаха не сделал!

– Никак раньше призы императорские стяжал?!

– Думаю, ничем не хуже нашего бывшего командира полка Войлошникова, что на Олимпийских играх серебряную медаль заполучил. Пулеметчика в голову завалил, этого тоже – прапорщик теперь его всю жизнь поить водкой должен, от неминуемой смерти спас!

«Я жив? Но тогда кто тут прапорщик? Неужто они меня так именуют?» – первые мысли Родиона были очень далеки от родного дома и вернулись в это жуткое прошлое, которое для него теперь стало настоящим.

Он хотел поправить разговаривавших, сказать им, что подхорунжий, а смог только едва пошевелить губами. И тут запах свежей пролитой крови ворвался ему в ноздри и желудок стал колом.

– Ох-ма!

Вырывало его долго и качественно, мучительно, чуть ли не наизнанку, а когда прошел последний приступ, Артемов почувствовал себя полностью обессиленным.

– Эко тебя скрутило, вашбродь, – голос казака звучал участливо. – Ты, паря, держись, щас мы тебя подотрем, штаны чистые есть, переоденем. Да и обувку вам сменим, больно ваша худая – такие только ратники ополчения в войну носили. Красные с тебя унты содрали?! На, испей, поможет. Взвар облепиховый, всегда с устатку помогает, особенно раненым. Дюже кровушку хорошо по жилам гоняет!

Горлышко ткнулось прямо в губы, и Родион, так и не открыв глаз, сделал несколько глотков – питье оказалось холодным в меру, сладко-кислым и довольно приятным.

Крепкие руки живо делали с ним то, к чему бы он сам никогда не прикоснулся. Раз – и загаженные шаровары с исподним были содраны. Два – его подтерли колючим снегом и какой-то тряпкой.

Три – и через минуту его переодели уже в сухое и теплое белье, переобув заодно ноги. Четыре – мокрая тряпка тщательно прошла по его лицу, разлепив глаза, залитые чужой кровью и выбитыми мозгами.

Родион, находясь в беспомощном положении и чувствуя невероятную слабость в своих коленях, подумал, что странные эти казаки: никаких насмешек над ним не чинили, не брезговали, все делали просто и легко да еще под руки держали, чтобы не упал.

Артемов раскрыл глаза, чтобы посмотреть, наконец, на своих спасителей, и впервые за эти три кошмарных дня подумал с немалой гордостью, будто отринув прежние мысли.

«А ведь правду говорят – слава богу, что мы казаки!»

Бывший атаман Никольской станицы вахмистр Алексей Бобков

Бело-грязное весеннее покрывало расстиралось перед его глазами на многие версты, прерываемое зелено-серыми лесными делянками, да посередине горной котловины высилась крутая сопка, словно выскочивший на коже зловредный чирей.

Приезжали в Тунку до войны ученые люди, вот один из них, в пенсне со стекляшками круглыми, с козлиной бородкой, пояснил ему, что та горушка и не сопка вроде, а потухший вулкан. Сиречь огнедышащая гора, из которой раньше вырывались клубы дыма и пламени, извергалась раскаленная лава, сжигающая все на своем пути.

На казака такое заявление действовало оглушающее. Он порылся в памяти, не говорили ли что по этому поводу в станице, но ничего подобного не пришло в голову. Да и хонгодоры, что к подобным вещам, что символизировались у них с Бурханами, относились весьма трепетно и хранили в памяти родов веками, припомнить столь чудовищных сотрясений не могли. А потому Бобков осторожно спросил у профессора, когда сие было в последний раз, и следует ожидать новых потрясений.

Умник лишь засмеялся в ответ и сказал, что такие катастрофы случались многие тысячи лет тому назад, ждать новых пока не приходится. Тогда атаман лишь вздохнул, борясь со жгучим желанием протянуть балованного горожанина плетью поперек спины, дабы людей лишними страхами не смущал и умы в смятение не приводил.

Но кто знал тогда, что пройдет несколько лет, и вся страна сойдет с ума в революционном безумии. Уж лучше извержение этого самого вулкана пережить, будет хоть ясно, что за грехи Божья кара вышла, но не быть убитым сатанинской властью, что Иуду за героя почитает, а Каину, брата убившему, памятники ставит да славословит.

– Эх, грехи наши тяжкие! Эх, погоняй, залетные!

Казаки вздохнули и чуточку прикрикнули на лошадей, подгоняя их. Те пошли резвее, легко волоча вперед сани. Дел предстояло много, и нужно было торопиться.

Красные выпускали казаков из станицы крайне неохотно – но куда ж денешься от

хозяйственных занятий. Дров привезти нужно, соломы на подстилку, и многое другое сделать. Забот всегда полон рот, а тут ввели правило, что к вечеру станичники должны возвращаться к себе, и выезжать только на санях, но ни в коем случае не вершками.

Боялась новая власть казаков, в опасении великом держалась. В обеих станицах по неполному батальону расквартировано было, во всех больших поселках и караулах – Зактуе, Гужире, Тибельти, Туране, Мондах и иных селениях, солдат ротами и взводами крепкими гарнизонами поставили, принеся хозяйствам великую тягость и разорения.

А вот крестьян и инородцев коммунисты не трогали, наоборот, льготы им великие за счет казаков обещали, и тем смятение в их умы привнесли. И многие селяне, особенно из пришлых бедняков, сами стали в красную милицию записываться, от властей оружие и паек получая.

Хитро придумали большевики, иного тут не скажешь – натравить одну группу населения на другую и властвовать самим на этой сваре. Недаром всю Россию под себя подмяли, владычество свое утвердив...

Глава пятая. Александр Пасюк

– Вы как себя чувствуете, подъесаул?

– Скверно, но намного лучше, чем вчера. Но хуже, чем позавчера утром, – Пасюк скривился – ему казалось, что у него болят даже те части тела, о существовании которых он раньше и не подозревал.

– Во всяком случае, лучше быть побитым, чем убитым! Так что гневить судьбу незачем!

Широкоплечий и усатый казак с пустыми погонами в один просвет на плечах, чуть хохотнул, однако взгляд был настороженным, нехороший такой, словно прощупывающий, как у следователя, что ему «шил» статью за хулиганство.

Пасюк на секунду задумался, и тут его осенило – а ведь младший по званию должен представляться первым – вот чего ждет этот уверенный в себе офицер. Сейчас он сможет сделать скидку на его «побитости», но ведь так можно запросто попасться.

Нужно было срочно выдумывать себе новую биографию, иначе «залет» неминуем – представляться иркутским казаком сродни самоубийству, как и забайкальским или енисейским – соседей слишком хорошо знают, а потому велик риск запалиться.

– Подъесаул Кубанского казачьего войска Пасюк, Александр Александрович. Честь имею!

Он чуть кивнул, беря пример с кинофильмов про Гражданскую войну, но без излишней демонстрации – все равно «закосить» под кадрового офицера ему не удастся, не по корове седло, понятное дело. И добавил уже от чистого сердца:

– Примите нашу искреннюю благодарность за спасение! Я уже думал, что все...

– Кубанец?!

С есаула можно было красочную картину писать, навроде «не ждали», ибо лицо его приняло неописуемо удивленное выражение. Но офицер оказался явно бывалый, так что очень быстро оправился от изумления и весьма подозрительно посмотрел на обмундирование Пасюка, изрядно пострадавшее от физического воздействия чекистов.

– Позвольте, но ведь ваша форма...

– К сожалению, деваться было некуда – пришлось брать то, что было у чехов в вагоне. Ссадили меня «братушки», мать их за ногу и гузном об плетень, на Иннокентьевской, дабы под расстрел в Иркутске не подвести, как нашего адмирала. Единственное, что они еще доброго сделали для меня, не без корысти, гниды плоские, шоб им гроши мои поперек горла встали, что с бурятами договорились. Бог знает, как эти азиаты там оказались! Неизвестно каким ветром надутые – но за десять империалов доехал на их коняшке до Тунки да по дороге в сарае еще попутчиком обзавелся. Буран страшный пережидали, там и познакомились.

Александр кивнул в сторону Родиона, которого два бородатых казака заботливо приводили в божеский вид немного в стороне, тщательно обтирая тело снегом.

Пасюк говорил уверенно, памятуя, что наглость второе счастье. Главное, чтобы брехня была правдоподобной, и ее не могли быстро проверить. И сейчас он стремился изложить свою версию как можно громче – не дурак же конченный Родя, должен сообразить, что они могут быстро из огня да в полымя попасть запросто.

Но, судя по тому, как в его сторону наострил уши замерший Артемов, можно было надеяться, что тот сейчас лихорадочно придумывает себе правдоподобную легенду.

– Обманули нас и чехи, и эти узкоглазые, когда говорили, что красных здесь нет. Я хотел отсюда в Монголию махануть, а там до Читы добраться, к атаману Семенову. Оттуда до Китая, и пароходом к себе – надеюсь, что кубанцы краснюков отобьют, и к родным куреням не пустят!

Александр сам себе удивлялся, как это у него все так складно выходит. Даже восхитился

собой искренне – нет, каков он все же молодец, вдохновенно врет, даже не краснеет. Но теперь нужно сделать короткую паузу и перевести стрелки на есаула, дабы тот начал говорить и чтоб настороженность хотя бы ослабилась.

– Еще раз примите мою благодарность! Вы вовремя здесь оказались, а то я уже думал, отвезут нас в Иркутск, и прогуляемся мы с юным попутчиком до губернской «чрезвычайки», что, скажем, не очень привлекательное занятие! А тут вы так вовремя...

Александр устало вздохнул и в изнеможении, Пасюк действительно устал, тут бутафорить не приходилось ни на капельку, тяжело уселся на поставленную полозьями на снег кошевку.

– Иркутского казачьего полка есаул Шубин. Андрей Иванович, – офицер правильно понял его недосказанную фразу и только сейчас ответно представился.

Вот только взгляд продолжал оставаться нехорошим, и Александр решил не давать атаману передышки – пусть лучше от него самого ответ примет и не размышляет сейчас о нестыковках.

И нужно время выиграть, дабы детально проработать свою новую биографию. А значит, дать ему такой ответ, что не вызовет никаких новых расспросов и будет проглочен без остатка.

– Вы думаете, как я с берегов Кубани очутился в Сибири, Андрей Иванович? Нет ничего проще. Ответ лежит вот в этом самом свертке, где упаковали мое снаряжение местные чекисты. Весьма занимательный ответ, что сразу расставит все точки над «і», смею вас заверить!

Пасюк хохотнул, абсолютно искренне, и, припомнив позавчерашние события, со смешком пояснил:

– Они сей предмет испытали позавчера ночью в своем штабе в Шимках. Презабавное было зрелище, смею вас заверить! Гольшом из дома выпрыгивали, слезок пролили много. И им еще повезло, что не слишком страшный ингредиент опробовали по своей дурости, а то искомый результат для них был бы намного плачевней. Так что прошу обращаться с этим свертком поосторожнее, чревато, понимаете ли...

– Вы хотите сказать...

– Сейчас сами убедитесь!

Александр решил не откладывать дело в долгий ящик и ошарашить есаула. А потому сам быстро размотал баул, опечатанный чекистом в Тунке, – там были две шашки, блеснули металлом знаки и медаль, потертая кобура с газовым револьвером, телефон с разряженной батареей и массивный портсигар, набитый сигаретами. Ибо пустые пачки, как и все бумаги из карманов, что оказались не так уж и нужными, жизнь ведь она намного дороже всяких выписок из приказов, Пасюк пустил на растопку костра из кизяка.

– Вот, полюбуйте, Андрей Иванович!

Родион Артемов

– Лихо тебя разделали, вашбродь!

Седобородый казак, ровесник Пасюка, а то и чуть старше, годящийся Родиону в отцы, бережно придерживая под руку, усадил Артемова в сани. Тот еле стоял на ногах от всего пережитого, его до сих пор трясло, будто от лютого холода – впервые он заглянул в глаза смерти, и ее страшный оскал психологически сломал его волю.

«Надо будет Сан Санычу еще литр водки поставить, второй раз меня спасает!»

Мысль, еще о той жизни, настолько потрясла его, что он не смог сдержать нервный хохот, лишь уткнулся носом себе в колени, и нельзя было понять, смеется он или плачет.

Однако казак решил, что прапорщик плачет, и принялся его своеобразно утешать, хлопнув ладонью по спине.

– Это ничего, нестрашно. Первая кровь, она завсегда видна – грех-то большой на душу

брать приходится. Позавчера, вашбродь, первого в своей жизни убил-то?

– Ага, – сквозь всхлип кивнул головой Родион и постарался взять себя в руки. – Одного на штык взял, прямо в пасть острием ткнул – к стенке, как жука, приколол. Второму шею свернул ударом, как куренку. А третьему в зубы прикладом дал, тот сразу с копыт сверзился. Вот он лежит – в меня целился с винтовки сейчас, застрелить хотел, сволота красная. Вот только подьесаул раньше успел...

– Бедовый у тебя командир! Пятерых с винтовки на моих глазах шлепнул – ни одного промаха. И троих в голову. Призовой стрелок, не иначе. Накось, – казак сунул ему в руки кисет и небольшой клочок газетной бумаги, аккуратно оторванной, ровенький такой квадратик.

«Ишь, предусмотрительный какой, заранее бумажки нарезал. И внимательный – разглядел, что Сан Саныч пятерых из винтовки застрелил. Я лично ни хрена так и не разглядел, одну суматоху и мельтешение в глазах. Или это опыт у них такой?» – Родион кашлянул и с тоскою в глазах посмотрел на казака – ему захотелось выругаться прямо тому в глаза.

Достало это прошлое до самых печенок, а тут еще бородатый станичник со своею заботою!

– Ты закури, вашбродь, вижу, что табачком балуешься.

– Курю, – согласился Артемов – от слов ему действительно захотелось перекурить это поганое дело, связанное с попаданием в прошлое. Вот только снова тянуть самосад он не желал, а потому вспомнил о подарке чекиста за сыгранный им ночью концерт пролетарской песни и, запустив руку в карман шинели, вытащил металлическую коробку, на которой были изображены гуляющие под зонтиками две дамы.

Открыл ее, извлек из-под бумаги длинную душистую папиросу и вопросительно посмотрел на казака. Тот хмыкнул.

– Как ты можешь дамские папиросы курить, вашбродь?! Слабые ведь, не то, что самосад китайский, ох и свиреп, до нутра все щеткой продирает. Его по чуток тянуть нужно, пока в привычку войдет. Может, отведаешь нашего угощения?

– Нет! – отчаянно взвыл Родион, имевший на этом деле самый печальный опыт, и даже утер рукавом губы под неодобрительный взгляд. Желание покурить у него напрочь отшибло, будто никогда и не появлялось. Он поискал взглядом Пасюка. Тот стоял рядом с каким-то есаулом, и до него донеслись обрывки разговора.

«Что он несет? Какие чехи, какой эшелон? С чего это Саныч меня по дороге в Тунку встретил, будто только здесь со мною познакомился? Он что, с ума опять потихоньку сходить начал?»

Мысли прыгали одна за другой, он абсолютно не понимал, зачем Пасюк так нагло врет. Ни одного слова правды не сказал, да еще так странно в его сторону косится.

– Ты какой станицы, вашбродь?

Участливый голос прервал его лихорадочные размышления, и Артемов открыл было рот для ответа.

– Ми... Х-ка! Х-ка!

Родион закашлялся, подавившись ответом. И даже согнулся, будто его снова начало тошнить – вот только на этот раз приступ был сплошным обманом. Артемов внезапно понял, почему Пасюк отвечает так и никак не иначе, и смотрит в его сторону странным взглядом.

«Чуть было не ляпнул, что я из Иркутска. Они же всех своих великолепно знают, а тут на – радуйтесь люди, самозванец появился. Забьют, как мамонта! Или за подосланного чекиста примут! Так, иркутским казаком называться нельзя – они меня махом вычислят. А в каких войсках, кроме Забайкальского, еще желтые лампасы носят? А хрен его знает! Значит, дабы не залететь – казаком признавать себя вообще нельзя. А форма откуда – ведь такое обязательно спросят!»

– К-ха!

Родион продолжал притворно кашлять и сплевывать, а казак сунул ему в руку тряпицу, заботясь о нем, словно о своем родном сыне. А в мозгу плясала пьяным танцором только одна мысль, исконно русская, неизменная на протяжении веков.

«Что делать?!»

Бывший атаман Никольской станицы вахмистр Алексей Бобков

– Эх-ма, – огорченно вздохнул казак, подъезжая к Баировскому зимнику – земля до самого Аршана здесь была только бурятская, казачий пай был поуже, и главная его часть на той стороне Иркутта тянулась.

Крестьянские наделы широкой полосой к востоку дальше шли, до самого казачьего поселка Гужир, что в старину вместе с Тибельтинским караулом станицей Екатеринославской назывались. Отдельно они всегда от самой Тунки стояли во многих верстах, до караула аж сорок, и наособицу – бурятскими стойбищами и русскими поселениями отделенные, как и шимкинские казаки, что далеко на запад жили.

Но те в семнадцатом году свою станицу заново смогли организовать в день святого Георгия, оттого и именоваться так стали, хотя раньше она Ново-Троицкой называлась. А от нее к границе еще два небольших поселка растянулись, чуть ли не на сотню верст – Туранский караул да Монды. Так что исторически казаки в долине тремя группами жили, и самая большая, что две трети населения составляла в самом сердце казачьей станицы, что, как сама долина называлась.

Правда, в обиходе да казенных документах станицу иногда Никольской называли, ибо до революции местные власти именно так казачью волость именовали. Еще одна волость была в самом Иркутске и его окрестностях, где казаков большое количество проживало. И лишь после революции казаки добились переименования волостей в станицы, вернув их исконное название, дедами и прадедами за два с половиной века честно заслуженное еще со времен Якова Похабова, что этот далекий и благодатный край под руку московского царя подвел.

Бобков оглянулся – и, словно в юности, горячо забилося сердце в его груди. Он любил с детства всегда вот так взирать на свою станицу, что выпестовала его вместе с другими казаками.

– Тунка-матушка!

Далеко в пойме Иркутта раскинулась старинная и большая станица, тысячи на две с половиной жителей, а то чуток больше. А раньше острог стоял, со стенами из бревен. Старики в его детстве часто говорили, что мальцами по ним лазили, лихостью своей гордясь.

Велика Тунка, из трех поселков станица завсегда состояла, что рядышком друг с другом, и одной версты не будет, раскинулись, от часовенок по краям до большой каменной церкви в центре – Никольского, Затунки и собственно Тунки.

Утерев выступившую из глаз слезинку, вроде надутую ветерком, старый казак тряхнул вожжами и лошади резво припустили, громко цокая копытами по талому весеннему снежку.

– Смотрите, Андрей Иванович, – Пасюк откинул в сторону барабан револьвера и высыпал на руку пять коротких патронов с разноцветными головками. – Это секретное оружие, которое только что поступило на снаряжение английских шпионов. В патронах снаряжен газ, от слезоточивого до нервно-паралитического. Есть у них и другие, там отравы намного смертоноснее. Что способен натворить такой патрон в помещении, я вам продемонстрирую, у меня есть один запасной.

Александр расстегнул маленький кармашек на кобуре и достал кольцо обоймы с шестью снаряженными гильзами. Продемонстрировал их Шубину и тут же убрал обратно. Снова зарядил револьвер, дал его в руки есаулу. Тот внимательно повертел «газовик» в руках.

– Мне удалось раздобыть лишь один такой револьвер и образцы патронов, хотя это было очень нелегко. – Пасюк сказал таким тоном, что в словах проскочило – «да украл я их, всего делов-то».

Шубин это понял и в ответ только одобрительно кивнул, соглашаясь со столь нехитрой формулировкой.

– Три баллончика газа увез другой офицер, он раньше меня выехал из Омска. Я задержался, подхватил болезнь в дороге. Теперь собираюсь уйти через Монголию в Китай. Если со мной что-либо случится, вы должны будете найти возможность доставить этот револьвер и патроны начальнику штаба Вооруженных сил Юга России генерал-лейтенанту Романовскому. Или лично в управление генерал-квартирмейстера...

– Хорошо, – есаул кивнул головой, – я немедленно переправлю вас в Монголию, дам вам надежную охрану и проводника. Они помогут вам добраться до станции Даурия, там стоит Конно-азиатская дивизия барона Унгерна. Оттуда вас отправят поездом в Маньчжурию.

– Благодарю вас, Андрей Иванович. Только это дело нужно держать в строжайшей тайне, на такое секретное оружие всегда найдутся желающие, – Пасюк заговорщицки улыбнулся и взял в ладони свой портсигар, отщелкнул крышку.

– Угощайтесь, американские сигареты, только что начали их производить. С фильтром, дабы табачный дым лучше очищался, и крупинки мелкие на губы не попадали.

Есаул Шубин с некоторым удивлением в глазах посмотрел на содержимое портсигара, вытянул одну сигарету и самым внимательным образом рассмотрел ее, споткнувшись глазами на непонятном названии. Понюхал табак, поднес к носу.

– Пахнет приятно, Александр Александрович, недурственный табачок, благодарствую.

– Не за что, – Пасюк щелкнул зажигалкой, в которую есаул буквально впился глазами. Еще бы – Китай начнет их производить через три четверти века, никак не раньше. Да и пластмасса, как он знал, еще в обыденном обиходе не появилась, как и бытовой газ.

– Возьмите от меня в подарок, Андрей Иванович, у меня еще одна есть, – Пасюк показал на портсигар, в котором действительно имелось место для массивной металлической зажигалки.

– Благодарю, Александр Александрович, – Шубин коротко кивнул. – А теперь позвольте мне заняться своими обязанностями. Мы должны немедленно уходить отсюда, хотя в Тибельти вряд ли раньше утра разведку вышлют. Боятся они нас!

Пасюк дрожащими пальцами размял сигарету и закурил – перед глазами поплыло, то напряжение последних дней постоянно давало о себе знать. Он присел на сани и стал наблюдать за атаманом, который подошел к группе пленных красноармейцев – степенных бородачей в суконных папах, что добровольно воткнули в снег винтовки, сдаваясь в плен.

– Идите пока в юрту, у бурят до утра посидите. А там в Тибельти, и по домам расходитесь,

служивые.

Семеро солдат вразнобой стали благодарить атамана, а тот только махнул рукою, прогоняя их прочь. А сам подошел к милиционеру в серой шинели и красной повязкой на руке, что стоял чуть в стороне со связанными руками и под охраной двух казаков.

– Ну что, Митрохин, попался, сукин сын! – Голос Шубина зазвенел от едва сдерживаемой ярости. – В милицию пошел, свою собачью власть устанавливать?!

– Ты сам сучий сын, атаман. Все равно наша возьмет – и тебя к стенке поставят!

Лицо у милиционера было бледным, без кровинки и отрешенным, будто тот уже простился с жизнью. Но говорил горячо, смотрел на Шубина со жгучей ненавистью.

– На этом самом месте кончат тебя и твою банду, есаул. Ты здесь моего брата убил два года назад. Порубили нещадно сотню душ – отрыгнется вам их смерть, казачки, ох отрыгнется. Кровавыми слезами рыдать будете, но поздно!

– Было дело, брата твоего здесь я располосовал. И весь отряд красногвардейцев из Слюдянки порубили, кишки с веток свисали, – Шубин положил ладонь на рукоять шашки. – А тока ты не помнишь, друг ситцевый, что брат твой с ними допреж тут трех офицеров умучили, ноги в костре жгли. Легкой смерти вы им не дали! И трех казаков здесь же расстреляли! А мы вас тогда и пальцем еще не тронули! Было ли это дело, я тебя спрашиваю?!

Милиционер молчал, видно, крыть в ответ ему было нечем, но смотрел с ненавистью на раскрасневшегося от гнева есаула.

– Молчишь? Когда вы сами на распыл пускаете, то это вы не помните! А когда вам отместку вершат, враз орете. Это наша земля, и нашу правду на ней вершить будем!

Пасюк не успел даже заметить, как атаман сделал шаг назад, а в воздухе сверкнул серебристой молнией клинок...

Родион Артемов

Тело еще стояло на ногах, хлеща кровью из перерубленной шеи, а голова уже катилась по снегу, оставляя за собой алый след. Убийца, словно не замечая этого, встряхнул шашкой, сбрасывая с нее красные капли, затем спокойно вытер сталь тряпкой и бросил шашку в ножны.

«Они тут все сбрендили, все. Это сдвинутые маньяки, алчущие смерти, – что красные, что казаки. Какое-то коллективное сумасшествие», – Родион кое-как сглотнул, ошеломленный зрелищем, и согнулся в три погиба, почувствовав тошноту. И тут же его снова вырвало, но уже какой-то уже желчью, желтой, тягучей и вонючей.

Так плохо ему никогда не было. Артемов чувствовал невероятную слабость, колени снова подогнулись, и он рухнул на сани. Казак едва успел поддержать его, как заботливая нянька, и сразу захлопотал, напомнив квочку, заботящуюся о цыплятах.

– Ты, вашбродь совсем плох. Видно, потроха тебе красные отбили. Ничего, к монголам уйдем, полечим тебя травкою. Там и доктор есть, настоящий, и ламы в этом деле тоже малость кумекают. Ты уж не сомневайся, вылечим. Эко тебя как, станичник...

– Не казак я, – хрипло, с трудом произнес Родион – считать себя казаком, после всего увиденного, он счел безнравственным.

– А лампасы как же? Шинель-то с погонами?

– Чекисты мои штаны порвали, а эти надели, когда в Иркутск повезли, – мгновенно нашелся Артемов. – Шинельку с погонами мне подхорунжий один дал в Красноярске – сильно у печки сгорела, когда ее сушил. Дюже промокла шинель-то...

– Подхорунжий? – казак натурально удивился. – Откуда он шинель офицерскую раздобыл, да еще погоны пришил? Заранее, что ли, свое производство в офицеры ожидал? И отдал?! Это

при их крохоборстве? Дела невероятные происходят! Ну, енисейцы, они всегда горазды что-нибудь отчебучить, ох и бедовые казаки!

«Чуть под монастырь реестровый чин меня не подвел, хоть бы господа атаманы подумали вначале, да в старинные табеля чинопроизводства заглянули!»

Родион мысленно выругался, поминая нехорошими словами современное казачье чинопроизводство.

Прав был тот историк, что доказывал им, что подхорунжий не являлся офицером, а был равен армейскому подпрапорщику. А оба этих чина давались только в случае войны, а на своих погонах носили широкий продольный галун, как современные старшины, коих в казачестве переименовали в вахмистры.

А прапорщик, хотя и был первичным офицерским званием, но давался тоже только в военное время для тех, кто имел определенный образовательный ценз, и окончил специальную школу. Или за боевые заслуги тем же подпрапорщикам, что и без того в фельдфебельском чине имели немалую выслугу и знали военную службу до тонкостей. Вот так-то – либо щенки мокрогубые, типа его, все достоинство которых заключается в некоторой образованности, или матерые вояки.

– Вижу, вам плохо, Родион Эдуардович!

Голос Пасюка раздался совсем рядом, и Артемов приподнял подбородок. Александр протягивал ему раскрытый портсигар и говорил исключительно нейтральным тоном, словно они познакомились первый раз в этом сарае, во время бурана, куда перенеслись неведомыми путями.

– Закурите моих, они послабее будут, тоже вроде дамских, – подьесаул протянул сигареты и казаку. Однако тот отказался, мотнув головою – «благодарствую, вашбродь, у меня свой табачок», но отошел лишь на пару шагов, продолжая стоять возле саней.

«А ведь казак этот ко мне специально приставлен, следить», – Родион прикусил губу от внезапной догадки. Так вот почему Пасюк держится с ним так отстраненно, словно намекает, что они не должны демонстрировать свое давнее знакомство.

«Типа – каждый будет выбираться в одиночку».

– Благодарю, Александр Александрович!

Родион с наслаждением закурил «Винстон», с удовольствием затянувшись и выпуская дым ноздрями. В глазах слегка помутилось, тело расслабилось.

Пасюк показал рукою на поросшие тайгой склоны, усмехнулся и негромко произнес:

– У нас с вами, прапорщик, прямо какой-то «таежный роман» получается в последние дни. Помните, как в этой книге у Васютина «жгутом» лейтенантство накрылось?! А вы морские рассказы Станюковича любите читать, юноша?

– Как-то не случалось, господин есаул, – от этих слов Пасюк почему-то чуть поморщился, но казак не мог увидеть этой мимолетной гримасы, так как офицер стоял к нему спиной.

– О, у вас тут на саях карабин лежит, позвольте свой трофей забрать. Я же этого красноармейца застрелил.

К недоумению Родиона, старший товарищ взял оружие в руки – ту же «мосинку», но изрядно укороченную, и потянул на себя какой-то кругляш со скобою на конце затвора, поставив прямо. Затем открыл затвор, громко лязгнув, и достав из патронташа обойму патронов, сноровисто ее вставил.

– Советую собраться в дорогу, юноша. И возьмите лучше карабин – с нашими ушибами и повреждениями организма винтовка будет тяжеловата. А на плечах и спине и так сплошные синяки. Желаю приятного пути, но заранее сочувствую – верховая езда для казаков привычна, а вам придется плохо. Это не на гармони играть, романсы распевая, как в консерватории. И не

палочкой дирижировать в дивизионном оркестре!

Пасюк развернулся и отошел к своим саням. Крепкий казак с одинокой полоской на погоне сразу подвел к нему оседланного коня. Подъесаул немедленно накинул на себя шашечный ремень, затем нацепил на бекешу патронташ. Забросив на спину трофейный карабин, офицер лихо, словно всю жизнь этим делом занимался, а не раз в неделю на ипподроме, вскочил в седло, разобрал поводья.

«На что же мне Сан Саныч намекал-то?! Ведь явно о чем-то предупреждал, что с фильмом «Таежный роман» связано! Однако при чем тут Станюкович?!»

Бывший атаман Никольской станицы вахмистр Алексей Бобков

Зимник был заброшен два года назад, когда в буран у бурят половина здешней отары полегла. Да и строили его на тят-ляп, в отличие от юрт. Так и гляди набок скоро завалиться.

Бобков прыгнул с саней, внимательно осмотрел истоптанный копытами и сапогами снег, даже потрогал пальцами следы и в задумчивости прикусил длинный седой ус.

Все верно – верховых красноармейцев было пятеро, обложили они сарай по всем правилам. А вот офицеров там находилось всего двое, в унтах и сапогах, шаги у обоих неровные, рваные – судя по всему сильно выпивши, трезвые так не ходят.

Потому оружия не достали, тут то их и повязали. Только с молоденьким прапорщиком, судя по обилию натоптанных следов от сапог и каплям крови, повозились немного, но все же скрутили.

– Что ж они их так близко подпустили? – задумчиво произнес казак и нашел ответ. – Сумрак утренний да глаза самогоном залитые – какие с них караульщики. Самих охранять нужно.

Пожав плечами, Бобков вошел в полутемное помещение. Коней сюда явно не заводили много месяцев, а значит, офицеры пришли сюда пешими – такой вывод напрашивался сам собой.

Однако, несмотря на все старания, нашел он немного. Кусок странного прозрачного материала, отдаленно похожего на бумагу с мясным запахом – видимо, в него заворачивали копченое мясо. И крохотную мягкую палочку, с фалангу мизинца. Алексей Иванович ее тщательно обнюхал и, как все некурящие люди, сделал однозначный вывод – сие есть иноземная папироса незнакомой ему марки. Да и крохотные букровки латиницей были на них хорошо видны – «Winston».

Бобков вышел из зимника немного расстроенным – находок оказалось слишком мало, чтобы сделать какие-либо выводы. Ясно одно – офицеры укрылись под крышей во время бурана, при этом не имели с собою какой-либо клади. А это невозможно, ибо без припасов от Иркутска до Тунки не дойти никак.

Красные не могли найти, следовательно...

Вахмистр вышел наружу и посмотрел на солнце – до заката оставалось часа полтора, можно было поискать в округе. Не могли они не спрятать свои вещи, вот только где?

В поле, в снегу? Там и сам не найдешь!

Сарай красные на сто рядов проверили, весь снег вокруг разворошили и шашками истыкали. Тогда где искать – до леса идти далеко. Кругом только степь да торчит потухший вулкан, склоны которого поросли соснами и кустарником. Немного подумав, Алексей Иванович уселся в сани и погнал лошадей к этой одиноко возвышающейся сопке – именно там он решил поискать в первую очередь.

– Тпру!

Не отъехав и сотни шагов от зимника, Бобков заметил что-то красное, торчащее краешком из сугроба. Старик соскочил с саней и быстро подошел, чуть утопая подошвами в слежавшемся снегу.

– А это что за диковина?!

Потянул и обомлел – в его руках оказался мешочек из странного плотного материала, вроде воощеной бумаги. Примерно таким же, но гораздо более тонким и прозрачным был найденный в сарае обрывок.

Старик посмотрел вовнутрь – четыре книги, бумажник и моток тонкого черного шнура с какой-то странной коробочкой со штырьками. Он достал одну из книг и посмотрел на обложку.

– Боже милостивый!

Старик выронил находку из рук и истово перекрестился. Минутку постоял, собираясь с духом. Затем наклонился, взял книжку дрожащими пальцами и снова впился в нее цепким взглядом, испытывая жгучее желание протереть глаза рукой, ибо поверить в такое было совершенно невозможно: на обложке золотыми буквами шла надпись – «Создание и гибель Иркутского казачьего войска. 1917–1922 гг.»

– Боже ты мой! Что же это такое?!

– Вы как себя чувствуете, Александр Александрович? Как ваша нога? Я видел, что она у вас была сильно поранена. С такими повреждениями в седле сидеть весьма затруднительно.

– Не совсем комильфо, Андрей Иванович, признаюсь честно, – Пасюк отвечал Шубину как можно беззаботнее, хотя внутри напрягся. Вот уже двое суток, как отряд пробирался сквозь заснеженные горы одним только казакам ведомыми тропами.

Каких это трудов ему стоило, Александр даже раньше предположить не мог – даже отлупцевавшие его прикладами красноармейцы не истязали его столь чудовищно, как это добровольное бегство с казачьим отрядом в близкую, как виделось, но очень далекую Монголию, как оказалось.

Промежность горела от потертостей, и без того побитая задница превратилась в тугой комок боли от постоянного ерзанья в седле. Одно дело в охотку часок на ипподроме поскакать за триста рублей, да на праздниках в седле покрасоваться, а другое вот так – через горы и перевалы, по еле набитым скользким тропам, да с подорванным здоровьем.

Но он-то еще ничего, привычный, а вот Артемов беспокоил изрядно. Парень не выдержал пути, и болтался в седле кулем с навозом, ходил раскорякой, чем вызывал смешки казаков в свой адрес. Да и сидел он на коне, как собака на заборе – наглядный пример современных «асфальтовых» казаков, большинство из которых категорически отказывается учиться хорошо забытому старому.

Ну, ладно, был бы только смех, перетерпеть можно – взгляды у станичников стали нехорошие, словно говорили, а «казачок-то засланный». И не только – теперь возле них постоянно терлись по два казака, и днем, и ночью, вроде как в помощь, но на самом деле, а это Пасюк просчитал сразу, несли ненавязчивую охрану.

Станным было еще одно – ни Шубин, ни второй офицер, сотник Скуратов, за эти дни не перемолвились с ним не словечком, даже на глаза ухитрились не попадать, пропадая то во главе отряда, то в арьергарде. И вот сам подъехал, и явно на разговор вызывает, от которого отказаться нельзя – не в том они положении.

– Ногу-то мне в юности конь копытами переломал, доктора кое-как ее заново собрали. Оттого на действительную не взяли, пластуном на такой не шибко походишь. Землицы у нас в Баталпашинском отделе маловато, оттого 1-й Хоперский полк выставляли, да еще 6-й пластунский батальон, в котором и отец, и дед мой службу завсегда несли.

Пасюк говорил с нарочитой открытостью, дружелюбно, с искренностью, без всякой опаски быть уличенным. Знал эту тему немного – и батя подробно рассказывал, и книг много прочитал, стараясь покопаться в родовом прошлом.

Да и понимал – чем больше деталей выпллет он сейчас, тем для него будет лучше, меньше настороженности у атамана вызовет.

– Гимназию в Невинке окончил, так нашу станицу Невинномысскую называют. Служил при войсковом правлении, по лесной части – зверье всякое охранял, да квоты на вырубку давал – леса-то у нас в горах маловато, да черкесы с карачаевцами рубят его безмерно. Ну и мастерил вещицы разные – слесарем хорошим стал, и по ружейной части ремонту и стрельбе наловчился. У тебя ведь, Андрей Иванович, тоже ладони не их благородия, а пахаря – вон какие натруженные!

Последнее было сказано с умыслом – Александр старался разговорить есаула, глядишь, что-нибудь и прояснится, уж больно скрытен офицер. А таким любой атаман будет – иначе и казаков, и себя от доверчивости излишней погубить можно запросто.

– Я с германцами воевал, до прапорщика дослужился, два «География» получил и «клюкву», – есаул усмехнулся и демонстративно положил ладонь на рукоять шашки с красным темляком. – При Сашке Керенском сотником стал. В восемнадцатом на Байкале с красными бился, подъесаула войсковой Круг дал, ну а в прошлом декабре войсковой атаман генерал Оглоблин приказ на следующий чин подписал. А руки... А что руки – я же с детства на хозяйстве, скотина, земля. До войны постоянно отары и стада гонял из Монголии к Иркутску – город большой, мясца всем хочется. И табуны иной раз приводил. Да ту же облепиху возами – у нас в Шимках она каждый год хорошо урождается.

– А я с коллежского регистратора начал, к революции уже титулярным советником был. А как с красными на Кубани воевать стали, так меня заведующим оружейных мастерских в нашем отделе поставили. Переаттестовали в подъесаулы с учетом прежнего гражданского чина. Так и служил – делал то же самое, над чем раньше трудился. У тебя если ружья поломанные есть, или снаряжение какое, то поправить попробую, если верстак и инструменты нужные найдутся. Из двух негодных ружей одно целое завсегда собрать можно – там подточить, там выточить, где выправить, а то и срезать. Легко сделать, если руки есть.

Пасюк не бахвалился, слесарный и токарный опыт у него имелся изрядный. В тайге целую мастерскую сделал, для души работал – сколько всяких стволов через руки прошло, и не упомнишь. И у начальства всегда на хорошем счету был, потому что заказы им всякие исполнял и для их нужных людей старался.

Вот это жизнь была, уважаемая. И угораздило за жениной юбкой в Иркутск потянуться, любовь, понимаете ли. Или она, или тайга – выбор встал только так, и не иначе...

– Найдутся и ружья, и снаряжение всякое. Сегодня на заимку приедем, там у меня и кузница есть с печью, и инструмент всякий. Монголам ведь тоже многое ковать и чинить приходилось, казак Гульков у меня там работает – тоже, как у тебя, с детства нога у него порвана, к строю совсем негоден. И молчун такой же, весь в тебя.

Шубин дал коню шенкелей, и тот резво припустил по начавшейся сужаться тропе, что теперь из ущелья снова поползла вверх, на присыпанные снегом камни.

Пасюк победно улыбнулся только самыми краешками губ. Такая нарочитая откровенность была правильно понята казачьим атаманом – секретничает перед ним кубанец, ни одним словом не обмолвился, каким же ветром его в Сибирь занесло.

А еще, на смену бравурной усмешке, в душе заныла горькая струна: постоянно, когда он отмечал взглядом Шубина, не говоря уже о беседе с ним, перед глазами Пасюка стоял поклонный крест в Шимках и та, пресловутая погасшая январским вечером лампадка...

Родион Артемов

Заимка впечатляла – на первый взгляд Родиону показалось, что перед ним раскинулось небольшое таежное село. Да и не скажешь, что здесь Монголия – вроде те же горы, тайга по склонам зеленеет, в небольшой долине серым, но рваным, в черных дырах покрывалом лежит снег.

Может, только дыхание весны здесь, на южных отрогах Саянских гор, ощущалось заметнее, из-за более теплого ветра, что шел со степей и пустыни. По крайней мере, на склонах снега уже не было, и весело журчали ручьи, да играло ласково греющее солнышко своими отблесками на мелких льдинках, будто неведомые богатеи с превеликого перепоя рассыпали везде горсти бриллиантов.

Крест на высокой часовенке бросился в глаза издалека. Вокруг расположились три больших и ладных дома, с резными ставнями и высокими крылечками, рядом с каждым несколько

больших строений: то ли конюшни или стойки для скота, то ли амбары – Родион не разбирался в сельской жизни настолько, чтобы определять специфику строений с первого взгляда.

На отшибе стояла парочка домишек поплотнее, с маленькими окошками, труба в одном веселой струйкой выпускала белые клубы дыма, тут же подхватываемые ветерком. Было похоже, что это именно то, что он жаждал.

Вот тут-то у Артемова, в предвкушении чего-то радостного, весело заколотилось сердечко и заняло тело, покрытое толстой коркой грязи, замешенной на едком мужском поте. За все семь дней пребывания в этом новом для себя мире он не смог ни разу помыться, ибо о ваннах здесь сном-духом не ведали, так как разговоров о сем не вели, а в баню сходить чекисты не предлагали.

Тем более в таежных горах он их и не видел: только одну ночь им позволили переночевать в каком-то маленьком зимовье, хотя почти все казаки вповалку дремали у костров, укладываясь на груды нарубленного лапника, с накинутыми поверху попонами.

По селению радостно сновали детишки и женщины в накинутых на голову платках. Видно, заметив казачий отряд, все бросились организовывать торжественную встречу.

– В баньке попаримся, вашбродь, – степенный Кузьма Трофимович Лифантьев, с которым он почти сдружился во время этой дальней дороги, радостно оскалился в свою густую бороду.

– А после в чистом исподнем за столом скобленным варева горячего похлебаем, пельмешек мороженных наверняка мешок достанут. Или поз на пару сделают – то ж много нужно, нас чуть ли не целый взвод. Ну, полвзвода точно. Чайку вдосталь позже попьем, с вареньем, шаньгами, заедками сладкими. Тут мастерица одна есть – такие пироги печет! А бабы нам одежду постирают, зашьют, что порвано, поправят.

– Ага, – с затаенным предвкушением неслыханного удовольствия отозвался Родион – ему уже не терпелось раздеться и войти в горячую баньку. А там лечь на полоч, разомлеть хорошенько в пару – и веником себя наявлять, чтоб вся грязь ломтями отслаивалась.

И кваса душистого, домашнего, на раскаленный камелек плеснуть, а не с пластиковой бутылки, что содержит секреты химического производства. А уж с ковшика деревянного напиться, так вообще счастье для него великое будет – всю свою жизнь мечтал в старинный уклад попасть. Вот только даже в здешних местах квас вряд ли есть – ранней весной окрошку не трескают, зелени-то еще нет.

– Щас, седло неси, – одернул себя Родион и пробормотал под нос, так, чтобы сопровождавший его повсеместно казак ничего из шепота не расслышал. – Раскатал ты губу, господин прапорщик, машинку для закатывания покупай. Вот и сбылась твоя мечта полного идиота, которого взаперти держать нужно, от людей подальше. В героя поиграть захотелось?! Захотел старинную жизнь посмотреть, вот и взирай на нее во все глаза, хоть всей задницей есть можно. Пока не подавишься...

Выдав столь длинную руладу, пусть и без матерного уклона, для облегчения своей мятущейся души, Родион, как ни странно, испытал чувство удивительного облегчения.

Он только сейчас стал принимать настоящее за действительную жизнь, а не за тот бесконечный кошмарный сон, которым она показалась поначалу. Душа продолжала невыносимо страдать от ощущения, что никогда больше не увидит прежнего мира, не обнимет маму и отца. Да и деда с бабушкой тоже не обнимет, ибо не родились они еще – а прадедушки не только фотографий не видел, но даже отчество запомнил – убили его на Великой Отечественной войне.

Жалко, что не растянется на диване перед телевизором, не погоняет всяких стрелялок на компьютере, коими увлекался. Да пивка с друзьями не тяпнет под чипсы и веселые разговоры про жизнь бедовую да развлечения разные. Одно только хорошо – хоть женских задниц,

извивающихся на шесте, больше видеть не будет – за год работы в стриптиз-баре они ему до тошноты приелись.

Обрыдло до тошноты!

Вот только одна пустота его ждет впереди, без денег и дома. И если положить руку на сердце, то и без просвета...

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

Никогда еще в жизни комвзвода не чувствовал себя так омерзительно. Его везли несколько дней как бурдюк, положив поперек седла и связав руки с ногами под животом лошади.

Первые часы он старался приподнимать голову, запоминая дорогу. Но все эти сопки, покрытые лесами, да высокие горы, что с ними иногда чередовались, покрытые играющей солнечными бликами ледяной коростой, вскоре стали казаться ему на одно лицо, будто казачий отряд начал ходить по замкнутому кругу.

Не сбежишь никак, даже если сильно захочешь – к концу первого дня пути все тело одеревенело, и на ночном привале Пахом просто рухнул в черную пучину беспамятного сна.

А на второй день ни сил, ни любопытства уже не осталось – Ермолаев в полном оцепении смотрел на проплывающие под брюхом лошади снег и камни и слушал редкие людские голоса да цокот копыт. Слушал, но уже не слышал – все звуки слились в одну сплошную череду, сопровождаемые дуновениями ветра.

Третий и четвертый день показались ему нескончаемым, тяжким и чрезвычайно болезненным сном, в котором его подвергли всем мыслимым физическим страданиям – и если бы через каждые два часа не делали остановку для краткого отдыха и отправления физиологических потребностей, то он бы сошел с ума.

Впрочем, казаки голодом его не морили, кормили тем же кулешом, что варили себе ночью – так что утром и вечером хлебали горячего, а днем перекусывали в седле хлебом и мясом, давая и ему кусок.

Пахом не отказывался, знал, что силы могут понадобиться в любую минуту, надеясь или на побег, или на то, что казачья попадет в засаду, и ему, опять же, удастся сбежать в суматохе. Но только теперь все его жгучие желания покрылись пеплом...

– Приехали, ваше красное благородие!

Руки под брюхом лошади развязали и спихнули его из седла – тело упало как куль, но боли он не почувствовал, настолько оно уже стало нечувствительным. Он только смог поднять голову и осмотреться кругом, с пронзительной тоской ощущая безнадежность.

Действительно, приехали!

«Так вот где их главное стойбище, с которого в набеги уходят!» – Пахом видел перед собой небольшое таежное сельцо, в два десятка строений. Хорошо казачья устроилась, с бабами и детишками, скотины много. И дома крепкие с амбарами поставили, всерьез и надолго поселились, даже небольшая часовенка имелась.

Хорошо устроилась, сволота белая!

Глава восьмая. Александр Пасюк

Короткоствольный револьвер чуть дернулся в руке, но вот сам выстрел негромко грохнул, выплюнув струю газа. Пасюк тут же отпрыгнул за дверь и ее за ним немедленно захлопнули.

Внутри старого маленького зимовья остались двое казаков добровольцев с есаулом Шубиным во главе – атаман хотел на личном опыте убедиться в зловредности этой гадости, не поверив, что маленький снаряженный патрон способен причинить многие неприятности. Мол, на германской войне сотни громоздких баллонов вдоль фронта устанавливали, попутного ветра дожидались, да разом целые облака газа пускали на врага, а тут какая-то совсем махонькая фигурка.

– Сейчас станичники выскочат наружу, долго не высидают, эта дрянь глаза проедает! – голосом знатока произнес Александр, когда-то по ошибке выстреливший из этого револьвера у себя в подъезде. Жильцы потом долго обижались, в милицию затаскали, даже в суд хотели обращаться. Хорошо, что летом дело было, окна быстро раскрыли и проветрили.

Хрясь!

Дверь отлетела в сторону, выбитая могучим богатырским пинком. Затем наружу вывалилась вся троица волонтеров-естествоиспытателей, в слезах и соплях, с матами в его адрес, с воплями и криками, очень сильно недовольных ходом эксперимента.

– Раскудыть!

– Глаза не трите, глаза!

Вовремя спохватился Пасюк и начал громко командовать, желая спасти здоровье жертвам отечественной химии. Которая, в отличие от зарубежной, часто увеличивала концентрацию всякой гадости: начиная с патронов и бытовой химией и заканчивая продуктами питания. В последних, кстати, чаще всего – прибыль на выхлопе больше.

– Да не трите вы, еще хуже вам будет. Под ветерок лица подставляйте, пусть обдувает.

Горе-экспериментаторы сидели с красными, как у кролей, глазами, утирая бороды, усы и щеки от слез и соплей. Добровольные помощники, старавшиеся им помочь, сами в свою очередь морщили носы – от одежды пострадавших немного пованивало. Но это так, остаточные явления, «злой» лук и то больше неприятностей и слез вызывает.

– Зверская гадость!

Однако произнесенные слова не соответствовали интонации. Несмотря на свой плачевный вид, атаман выглядел более чем удовлетворенным ходом пробных стрельб.

Да и сам Пасюк не менее его обрадовался, хотя прятал свои эмоции тщательно – теперь, как ни крути, Шубин начнет ему больше доверять, ведь он ему тогда правду сказал о технических характеристиках оружия и маркировки патронов.

А тут голимая психология идет – если тебе раз и два истину не просто сказали, но и доказали, то в третье и четвертое, что производными от первых двух происходят, уже верят автоматически.

– Ну и дрянь!

Один из казаков прямо с детской обидой в глазах, посмотрел на Пасюка, а тот только ухмыльнулся в ответ, мол, сами запросились, а теперь страдайте.

– И из чего ее только делают...

– Это хлорпикрин, иначе его называют слезоточивым газом. Он почти безвреден...

От этих слов Александра чуть не подбросило на месте, и он мысленно обложил Артемова разными нехорошими словами: «Разве тебя, идиот молодой, спрашивали? Помолчать не можешь, ученость свою показать норовишь! Тебя научили пиликать, вот и играй, а сюда не лезь,

придунок. Теперь проблем не оберешься!»

– А откуда вы это знаете, прапорщик?

Голос Шубина стал настолько вкрадчив, что Пасюк внутренне съежился – вот они, проблемы, звать не нужно, сами разом последовали. А Родион смешался, затянул молчание, явно пойманный вопросом. Но опомнился парень, показал на него рукою.

– Так Александр Александрович мне про него рассказал, когда в скотнике буран пережидали...

– А ведь верно!

Пасюк с улыбкой хлопнул себя ладонью по лбу, вроде как только сейчас припомнил.

– Выпили мы с ним изрядно, буран ведь накрыл, да еще мороз ударил. Почитай литр спиртовой настойки на кедровых орешках выдули. Вот и расхвастался спьяну, есть за мной грешок такой!

– Любим мы, казаки, выпить, что есть, то есть.

Шубин уже отошел от слез и спрятал в карман платок, которым вытирал щеки, а затем подошел к Артемову вплотную, глядя тому прямо в глаза. Пасюк заметил, что тот явно занервничал, но вмешаться никак не мог, и только ломал голову над тем, что атаману придет на ум.

И это тут же последовал, прямо убийственный вопрос, как удар кувалдой в лоб, что вышибает последние мозги!

– Сколько шашек в сотне по штату, господин прапорщик?

И по тому, как замялся Родион и оскалился победной улыбкой атаман, Пасюк понял, что для них все кончено – как говорится, есть картина Репина под названием «приплыли».

Родион Артемов

– Так сколько в сотне шашек по штату, господин прапорщик?

Шубин повторил вопрос чутьочку звенящим голосом, и Родион понял, что самые скверные его предположения начинают сбываться. Первый же вопрос оказался, как говаривали раньше нерадивые студенты, из категории «не берущихся». Но если в консерватории можно было пересдать, то тут последствия могут быть весьма чреватými.

И он, как пловец, что намерился прыгнуть в ледяную воду, очертя голову бухнул, предполагая, что название и численность должны примерно соответствовать, раз уж такое придумано, типа десятка или тысячи. Да у тех же монголов Чингисхана, как он помнил.

– Чуть больше ста, господин есаул!

– Однако, – атаман закрутил носом и тихим голосом произнес, уточняя: – чуть меньше полутора сотен казаков, господин мой хороший. А сколько взводов в сотне, два или три?

Артемов бросил вороватый взгляд в сторону, но Пасюка уже заслонили собою казаки, бросавшие на него весьма выразительные взгляды, от которых по спине пробежали мурашки.

И он решился ответить, припомнив одну из прочитанных книг о войне, где говорилось о какой-то троичной системе. Он ее так и не прочитал, скукожившись на второй странице, но перелистывал, а потому случайно и запомнил. Родион бодро ответил на поставленный перед ним вопрос, хотя уверенности абсолютно не чувствовал.

– Три, господин есаул!

Нехорошие смешки, прокатившиеся среди казаков, напугали его больше, чем гнев, что прорвался в глазах есаула. А внутри подленький голосок произнес – «Ой, че будет, че будет, сейчас такое начнется!»

– Четыре, пра-порщик!

Шубин так издевательски протянул его новый чин, что тут Родиону окончательно поплохело – «бить будут, и сильно». Но, взглянув в глаза атамана, понял со всей пронзительностью, что битьем дело не окончится – будут убивать, и мучительно.

– А казачок то засланный, станичники! – как-то нарочито буднично произнес атаман Шубин, и его бородатые отрядники еще теснее сгрудились – их жаркое дыхание опаляло Артемову лицо жуткой смесью жареного лука и чеснока.

– Кто же ты такой, извольте поведать, господин хороший? Или прикажете себя товарищем величать?!

Стало страшно до жути, зубы застучали кастаньетами, а тело затрясло от ледяного холода. Говорить правду бесполезно, не поверят, еще хуже будет, хотя куда ж еще. Но молчать еще страшнее, он чувствовал, что еще десять-двадцать секунд, и его начнут рвать в клочья.

– Ты на его пальцы глянь, Андрей Иванович. Хорошо взгляни! Там все ясно написано!

Голос Пасюка раздался совсем рядом, хотя Родион его не видел, так как глаза заслонила серая пелена, похожая на дымку, наверное, от волнения и страха, не иначе.

– Длинные пальчики, господские. Холеные, – задумчиво произнес Шубин. – У «товарищей» они намного грубее. Да и не стали бы они подсылать... Такого...

Напряжение от этих слов чуть спало, на самую малость. И тут же мозг лихорадочно заработал в поисках спасения. Родион вспомнил странные слова Пасюка в тот час, когда их отбили у красных казаки – подъесаул явно на что-то намекал в толстую оглоблю, а он, в полной эйфории, пропустил его слова мимо ушей. И тут его осенило.

«Васютин из «Таежного романа» всеми за дурачка принимался, потому Жгут ему фальшивый приказ на лейтенанта смастрячил, а солдаты подыграли! Да про дирижерство в военном оркестре Сан Саныч не просто так же намекнул. И если я таким же тихеньким идиотом прикинусь, а интеллигенция всегда не от мира всего, с придурью, то смех надо мною смягчит их гнев. Главное, чтоб натурально вышло, тогда поверят!».

Мысли лихорадочно летели одна за другой, он понимал, что играть новую для себя роль нужно убедительней, но самое плохое – ведь придется с «чистого листа». Тянуть время для размышлений было поздно, и он решил не выходить из образа киногероя.

– Я консерваторию окончил, по сольфеджио у меня на курсе самая лучшая успеваемость. В прошлом сентябре приказали эвакуироваться, а в Красноярске, это еще до эсеровского выступления было, меня с другими на воинскую службу призвали капельмейстером в военный оркестр. Дали направление в войсковой склад енисейских казаков и цейхгауз, чтобы там срочно выдали обмундирование и снаряжение. Там я все и получил – мне казак выдал, он подхорунжий по чину. У него широкая продольная полоса на погонах, ему офицер приказал все выписать.

– Галун, если правильно именовать, – довольно резким голосом поправил его Шубин и оскалился поощрительной улыбкой.

– Ты дальше продолжай, не молчи, сердешный! Жутко интересные вещи рассказываешь.

– Так мне все обмундирование, что на мне сейчас, подхорунжий этот выдал, и шашку настоящую. Сказал, что самый лучший клинок, что я им всех красных порублю. Вот как! Я только бумагу с приказом этим забыл в старой одежде своей. Уже в поезде только понял об утрате, когда в карманах все проверил.

– И погоны он эти тебе выдал?!

– Да, даже звездочки сам приколот. Сказал, что все строго по уставу, и я настоящим казаком теперь стану, раз в казачью дивизию, что в Чите, направление получил. И даже пай земли получу! Офицер от себя добавил, что форма у казаков теперь единая, и мне в такой предстоит и дальше служить. И чин мой прапорщику соответствует, как и погоны офицерские, ибо нынче от титулярных наименований отказались...

Родион зачастил громко и как можно убедительней, глядя самыми честными глазами, однако стараясь при этом не выглядеть полным идиотом – кто знает, может, учуют, что он переигрывает.

– И револьвер мне подхорунжий выдал, новенький, в смазке еще – я его даже вычистить не успел. Только его чехи взяли за проезд, и золото все, что папа дал – он у меня профессор университета по русской словесности. Хорошо, что шашку оставили – капитан Прхала сказал, что ее казачьему офицеру достаточно будет.

– Лифантьев, дай-ка мне шашку господина «прапорщика»!

Шубин бросил приказ и поморщился, будто целый лимон сжевал. Тут ему сунули в руки шашку, и он потянул клинок из ножен, попробовав сталь пальцем. И устало, с великой тоскою и отчаянной безгливостью в глазах, как показалось, посмотрел на Родиона.

– Колун и тот острее. А это шашкой назвать нельзя, хотя похожа, особенно рукоять. Так ведь и грабли на винтовку смахивают, ежели с перепоею на них глянуть. Таковую и я бы сразу отдал, при первом удобном случае – тут и полицейская «селедка» настоящим дамасским булатом казаться будет. Нет, вряд ли – дюже риск немалый. Ведь за такой «подарок» больно побить могут, если не прибить!

– Ей даже курицу не зарежешь, вашбродь. Как заточку сделать, ума никак не приложу. Лезвие с половину ногтя толщиной будет, если его с ребра плашмя повернуть! Ей-ей, какая отличная шашка, даже можно бриться, ежели щетину, как у дикого кабана отрастить. Соскоблить, может, ее и удастся, но только с мясом!

С самой едкой иронией напевно произнес навязанный Родиону «ординарец» Лифантьев, и столпившиеся вокруг станичники разразились взрывом гомерического хохота...

Секретарь Особого отдела 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Полина Шверницкая, по мужу Бычкова

– Необходимо как можно быстрее уничтожить активно действующее во вверенном мне районе бандформирование под командованием есаула упраздненного ныне Иркутского казачьего войска Андрея Шубина. Имеющимся в нашем распоряжении одним стрелковым и караульным батальонами неполного состава выполнить эту задачу невозможно. Противник, имея на каждую активную шашку по две заводных лошади, постоянно маневрирует, совершая протяженные марши, уходя из-под наших ударов и избегая открытых боестолкновений...

Начальник Особого отдела Либерман быстро диктовал текст, нервно прохаживаясь по кабинету и часто потирая потные ладони друг от друга – печь была сильно натоплена, кирпичная стенка даже обжигала кожу, стоило к ней прикоснуться.

– Местное казачье население настроено к Советской власти враждебно. Иностранцы находятся под сильным воздействием собственной кулацкой среды и всячески уклоняются от оказания помощи ревкомам. Местное крестьянство, в большей массе зажиточное, ведет себя крайне пассивно и уклоняется от добровольного призыва. В милицию удалось вовлечь чуть больше сорока бойцов, из бедняцких и новосельческих хозяйств, трое из которых уже убито бандитами, что на остальных произвело самое угнетающее впечатление. Растет дезертирство...

Молодая женщина быстро стучала пальцами по клавишам старой пишущей машинки, набивая текст, а своими мыслями была очень далеко. Три дня назад она чуть прикоснулась к будущему, словно открыла покрывало времени и посмотрела, что будет там.

Ничего хорошего она там не разглядела, как ни пыталась настроиться – кровь и страдания народов некогда великой империи, и в итоге запустевшие души потомков, грязь и самые животные инстинкты, если судить по той иллюстрированной газетенки, которую не то, что

прочитать с интересом, в руках держать срамно.

Было омерзительно просто до жути, но она ее внимательно прочитала, от первой страницы до последней, рассматривая столь откровенные фотографии, перед которыми самые циничные рассказы ее подружек из гимназии и разглядывание французских «пикантных карточек», просто невинное и целомудренное занятие.

Это был какой-то чудовищный гимн самым темным человеческим похотям, идущим от главного Врага рода людского! Отрицающим долг, любовь, семью, детей – все, что свято, и сводя жизнь к самым похотливым желаниям, которые провозглашались главными, основным инстинктом, так сказать. Весьма логическое завершение романа Арцыбашева, который она прочитала в гимназии, и где во всеуслышание провозглашалось, что «человек звучит подло».

Что ж, потомки стали именно такими, за редким исключением, которые она видела на фотографиях в книгах.

Полина не спала всю ночь, лихорадочно скользя по страницам первых двух монографий – было страшно смотреть на собственный портрет в застенках ЧК, истерзанной, но несломленной.

И прочитать о расстреле вместе с другими заложниками – стариками и женщинами, взятыми с казачьих селений для вящей мести атаману Шубину и запугивания казаков.

Что ж – своей цели красные добились – станичники сложили оружие и были истреблены, хотя им обещали помилование. Потом было «рассказывание», и все – исчез целый народ, верой и правдой служивший России. И что осталось в долине, так это поминальные кресты, на одном из которых есть и ее имя, что установили благодарные потомки, оставшиеся верными казачьему долгу.

Пусть немного их, но они есть – и двух она видела здесь, истерзанных и несломленных, уже в этом времени взявших в руки оружие и вступивших без страха в бой. Как она сейчас жалела, что не поговорила с ними, но всей душой надеялась, что судьба предоставит ей такую возможность, а потом и умереть нестрашно, раз так на роду написано.

Женщине казалось, что ночь летит быстро, но она все листала и листала страницы, рассматривая фотографии из будущего. Они ее потрясли до глубины души, и Полина ощутила те же мечтания, что много лет тому назад, когда подружка дала ей почитать захватывающие романы Герберта Уэллса и Жюль Верна, где описывалось будущее.

Тут не романы, а живые люди, сотканые из плоти и крови. Жаль, конечно, что не прочитала книги внимательно, сильно она торопилась – старик Бобков утром должен был увезти их в Зактуй, а потом через горы в Монголию, где их отдать лично в руки атаману Шубину.

И успел выехать – через два часа с Тибельти примчался в Тунку нарочный, сообщивший об уничтожении всего отряда и похищении атаманом столь ценных офицеров, про которых никто, кроме нее, не знал, что они из будущего.

Как она тогда горячо молилась за их спасение!

Внезапно сердечко заколотилось горячо и яростно – а ведь еще ничего не определено. Неужто, имея знания из будущего, вместе с теми, кто ими обладает, нельзя ничего сделать?!

– ...Требуется немедленно ввести подвижные части, не менее двух эскадронов кавалерии, дабы иметь возможность для преследования и уничтожения мятежного казачьего отряда есаула Шубина!

Безжалостный голос Либермана вывел ее из размышлений, хотя и так все время пальцы помимо сознания сами печатали текст.

– Еще раз настоятельно требую немедленно принять самые неотложные меры...

Внутреннее напряжение не схлынуло, наоборот, застыло в тугой комок, что мешал дышать. Нет, он всегда отдавал должное изворотливости Родиона, который мог, если его прижали к стене, ужом наизнанку вывернуться, но избежать наказания.

Сейчас Родион изворачивался как мог и лгал просто натурально. Да что там – великолепно. В какую-то секунду Пасюк сам поверил этим честнейшим глазам типичного интеллигента.

Немножко циничным, но по-детски наивным. Отнесся с пониманием и к его словам с помыслами, столь хорошо ему знакомыми по тем временам заката перестройки и начала строительства светлого капиталистического будущего, с их сакраментальным: «Мы же хотели как лучше, и не наша вина в том, что получилось, как всегда!»

«Вот бедняга, развели его ушлые енисейцы как последнего лоха, а он типа до сих пор не понимает, как это случилось, хотя казаки уже ржут взахлеб, как лошади! А ведь поверили ему, паршивцы этикие, и их есаул тоже, вон даже руку с рукояти шашки убрал...»

На сердце полегчало чуток, ослабило натянутую внутри струны. Родион его намек на тему Васютина и понял правильно, и осуществил верно, найдя нужные слова, взгляды и жесты. И откровенно повезло с этой шашкой, на которую даже несведущие милиционеры в свое время взирали с нездоровым смехом. Что же говорить о настоящих казаках с их любовью, привитой в детстве, к хорошим клинкам.

– Вы знаете, «пра-порщик», что полагается за самозванное ношение офицерских погон теми, кто на них не имеет права? Особенно в военное время и теми, кто на воинскую службу принят?

Жесткий голос Шубина ушатым ледяной воды окатил веселящихся, и все разом смолкли. Атаман же, не дождавшись ответа от растерянно хлопавшего ресницами Родиона, сам так ответил на поставленный вопрос, что Пасюка опять заколотило.

– Неминуемо ждет военно-полевой суд, господин «пра-порщик». Надеюсь, вы догадываетесь, какое решение он примет, если я вас под него отдам?! Или немедленно направлю на станцию Даурия к барону Унгерну, что вот таких лже-офицеров или расстреливает, или чинов лишает, ташуром собственноручно избивая до полусмерти? Это палка такая есть, крепкая, скот монголы подгоняют – любого верблюда переупрямить может!

Родион продолжал непонимающе хлопать ресницами, а Пасюку стало худо, ибо начал догадываться, что сейчас произойдет. Ничего хорошего, конечно, не будет, но всяко намного лучше военно-полевого суда, что действует быстро и безжалостно.

– Благодарите судьбу, что на лжи вас не поймали и не уличили. Если бы вы сказали, что направлены не в дивизионный оркестр, а полковой, то пеняли бы сами на себя, ибо в казачьих полках есть только трубачи. Мы не стрелки, у которых такие оркестры имеются по штату. И то, что вы не казак, то правду сказали.

Есаул при этих словах бросил короткий взгляд на Лифантьева, и Александр понял, что именно тот сдал Родиона с потрохами, но именно к лучшему, как это ни странно.

– Но раз казачью форму по приказу надели, то приписным стали, а потому мы сами можем по своему укладу судить. Верно, станичники, как вы считаете?!

Казаки моментально ответили своему командиру звонкой разноголосицей, всячески демонстрируя свое полное согласие.

– Правильно, господин есаул!

– Верно, вашбродь!

– Любо, батька!

– Правильно атаман наш говорит!

– Вернее быть не может!

Родион продолжал пребывать в растерянности, не понимая пока, куда клонит Шубин, а Пасюк скривился, как от зубной боли, и сделал нерешительный шаг вперед.

– Андрей Иванович, он одного красноармейца на штык...

– Я знаю! Иначе бы не по нашему укладу судил, собственноручно расстрелял бы к такой-то матери!

Шубин ответил настолько резко, что Пасюк сразу от него отшатнулся, костеря себя за неудачное адвокатство. Действительно – это был самый наилучший выход в сложившейся ситуации.

Атаман тем временем неспешно подошел к побледневшему Родиону и с видимой суровостью в лице, с хрустом сорвал с его плеч погоны, протянув их Лифантьеву со словами:

– Подрежь по краям, чтоб узкими стали, и подшей желтой каймой, иначе по нитям расплзутся – а то некоторые не смогут, руки у них из одного места растут. Хоть голова...

Есаул не договорил, а Родион принялся молча разевать рот как рыба, вытащенная на берег. Видимо, до парня только сейчас начало доходить, что вокруг него происходит нечто нехорошее.

– Двадцать плетей! Приказной Лифантьев, раз вы «крестник» их благородия, выполнять приказ!

– Есть, двадцать плетей!

Казак насупился, спрятал погоны в карман и вытянул из сапога нагайку, грозно помахав ею в воздухе.

Пасюк только сочувственно прикрыл глаза, ибо Родиону сейчас предстояло познакомиться с одним самым ярким воспитательным моментом в казачьей жизни...

Родион Артемов

Пороть?!

Родион прямо задохнулся от обиды. Как так можно решить выпороть совершенно невинного человека?! И хотя сказать правду нельзя, но он никакой не самозванец, ибо офицерский чин ему от государства дан за то, что в реестре состоять стал.

Да еще два десятка плетей так запросто выписать, словно микстуру по рецепту, будто капли валерианы в стакан отсчитать, для поправки расшатанной нервной системы?!

– Не, батя, круто берешь!

Рослый бородатый казак закрутил голову, показывая свое неудовольствие, и гаркнул:

– Не любо!

– Парень все ж красного заколол, чекистами измордован!

– Двадцать много, он же болезный!

Казачи загорланили разом, показывая свое неудовольствие принятым атаманом решением. Тот посмотрел на Лифантьева, словно призывая: «Тебе пороть, а потому и решать!»

Приказной, к великому удивлению Родиона, выступил против атаманского приказа:

– Не любо и мне это! Он хоть и горожанин балованный, – в устах казака послышалась иное слово, похожее на «убогий», – парень отважный, в схватке труса не праздновал, в застенке не ломался. И били его знатно, за что же так строго за дурость по незнанию судить. Енисейцы над ним поглумились, и мы туда же?! Нехорошо, станичники, над болезным так измываться. А три можно выдать, чтоб урок впрок пошел. Живее казачьими ухватками овладеет, и в седле сидеть не помешает!

– Любо!

Дружно заорали казаки, и атаман только махнул рукою, поддержав решение стихийного

«круга». Родион все стоял, моргая глазами, и пытаясь понять суть процесса, что вынес ему наказание. Вот только домыслить никак не мог, окаменев от страха предстоящей порки.

Однако пока он в полной растерянности моргал глазами, с него сноровисто содрали шинель и аккуратно спустили шаровары с желтыми казачьими лампасами и тут же положили на неизвестно откуда появившуюся лавку, крепко держа на ней мозолистыми ладонями.

«Может, шутят или пугают?» – в первое мгновение подумал Артемов, и тут же по коже жаром хлестанули, потом другой и третий. Боли почти не было, по крайней мере, предварительный страх был намного ужаснее. Зато обида прямо распирала Родиона, когда казаки отняли ладони от его рук.

И он в горячке, не осознавая, что делает от застилавшего глаза гнева, отчаянно буркнул:

– Волки позорные!

Казаки на секунду опешили от столь дерзкого вызова, а потом взорвался тот здоровяк, что первым выступил против атаманского решения, вытянув из своего сапога нагайку.

– Кузьма тебя как бабу нежно погладил! А ты свой нос от казачьей науки воротишь, вашбродь? Ну, так я тебя поучу маненько! Чтоб на всю жизнь к казакам уважением пропитался!

– Любо!

– Всыпь ему, Кеха, по первое число!

Родиона мгновенно уложили на лавку, но на этот раз держали крепко и больно, обжигая горячим дыханием.

Вжик.

– Уй-я!

Боль в заднице была невыносима жгучей, как будто раскаленной арматурой приложили – Артемову показалось, что от его многострадального «основания», будто крутым кипятком ошпаренного, повалил горячий пар вперемешку с кровавыми брызгами.

И в эту секунду он вспомнил давний детский кошмар, когда летом у бабушки его уговорила деревенская ребятня залезть в сад к дядьке Ивану – суровому не улыбчивому мужику.

Груш они нарвали много, Артемов себе полную рубашку набил, по своей городской жадности до сельского изобилия. Но вот когда мужик вылетел в сад, шустрые пацаны сбежали, а Родя попался по нерасторопности и от новизны дела.

Дядька худых слов не говорил, выломал прут и, положив его на коленку, спустил штанишки. И стеганул так, что он сразу обмочился от жгучей боли, ибо незнаком был с поркой, так как его отец, большой поклонник Сухомлинского, считал, что телесные наказания не являются действенным воспитательным фактором.

Этот урок маленький Родя запомнил на всю жизнь, но Артемов никак не предполагал, что давнее событие может вьестся в него безусловным рефлексом.

Вжик!

– Уй-я-я!!

От невыносимой боли Родион уже заорал паровой сиреной, память услужливо перелистала страницы, аккуратно сбросив ему добрую дюжину лет. И он снова стал мальцом в руках огромного дядьки, что стал его потчевать «березовой кашей». И память живо припомнила произнесенные когда-то слова, а голос выдал требуемые интонации. Их сразу же поддержал мочевой пузырь, избавив организм от лишней жидкости.

– Дяденька, не бей! Больно! А-а! Я больше не буду!

И тут же накатил жгучий стыд – он никак не ожидал от себя подобных выкрутасов, словно ученая собачка академика Павлова. Выручил его громкий голос есаула, ударивший в самое сердце.

– Казак Тюменцев, отставить! Ты что же творишь, станичник?! Раненого офицера, от

красных пострадавшего, в горячке слова необдуманные бросившего, насмерть нагайкой сечь?!

Казаки, что держали Артемова на лавке, смотрели сочувственно, никто не смеялся, и в позор пальцами не указывали, что расплывался на лавке небольшой лужицей, наоборот, вперились нехорошими взглядами в здоровяка, будто отлупить его хотели.

Тот, осознав страшную угрозу уже для себя, покраснел, смущенно потупился, в растерянности затоптался на месте, и пробасил, старательно отводя глаза от сотворенного дела.

– Да я так, на волка позорного обиделся, вашбродь!

– Мы учим, а не лютуем, казак. В том наша правда! – в голосе Шубина звякнула сталь.

– Лавку сам вытрешь! И смотри у меня – еще раз такое сотворишь, и не посмотрим, что ты казак добрый. Сам сюда ляжешь, а господин прапорщик тебя сечь почнет!

Артемова подняли, и он тут живо вспомнил прочитанный когда-то казачий роман и без смущения поклонился. И слова сами нашлись, проникновенные, от души идущие, что на защиту задницы направлены были, и нотки теплые в голосе, благодарственные:

– Благодарствую вам, господа казаки, что вы меня, грешника великого, уму-разуму научили!

Странно, но стыда он никак не чувствовал, одно невыносимое облегчение, особенно для горящего в шароварах зада, что категорически не хотел снова расплачиваться за язык.

Казаки словно поняли его состояние и дружно выдохнули с немалым облегчением в голосах, словно и самим было тягостно от внедрения в его голову самого элементарного:

– Любо!

Идиллию нарушил громкий голос атамана Шубина, снова вступившего в свои командирские права:

– В холодную его, пусть посидит немного, подумает!

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

Молодого офицера казаки просто впихнули в нутро зимовья, что служило Пахому узилищем. Можно не гадать, почему у парня красные глаза, и чистые дорожки на грязных щеках – порка любого до слез доведет. Да еще за подштанники ладонями держался, морщился от боли. На его плоском заду отчетливо виднелись две окровавленные полосы.

– Познакомились с казачьим гостеприимством, вашбродь? – участливо спросил комвзвода. Странное дело, но на этого молокососа он зла не держал, хотя тот бойца штыком приколот.

– Не твое дело!

Огрызнулся тот, но Пахом не обратил на то внимание – в горячке парень, вот на язык и не сдерживается, и продолжил говорить прежним, спокойным голосом, еле сдерживая горечь.

– Они завсегда такие. Лютуют страсть, вся Россия с их нагайками знакома. В пятом году я вьюношей совсем был, у нас в селе помещику «красного петуха» запустили. Губернатор, чтоб его на сковороде на том свете жарили, две сотни казаков послал, якобы на усмирение, бунт, мол, начали. Все село перепороли, от мала да велика, не щадя ни седины ни деток. Старики, кто в годах и здоровьем слабый, душу Богу отдали, остальные стонали и охали целый месяц, маслицем лампадным рубцы смазывая. Другое хуже – баб и девок нахально избидели, ссильничали, да так, что две молодки сами на себя руки наложили. Позор ведь на всю жизнь – кто ж порченную замуж-то возьмет. Вот такие пироги...

Ермолаев звякнул кандалами, что нацепили ему на ноги и руки, и сел на чурку, что тут стул заменяла. Мысли о побеге он не оставил, хотя понимал, что в железе сбежать не удастся, а открыть четыре тяжелых замка, что висели на широких кольцах, без ключа или отмычкидохлое

дело. И спросил о наблевшем, что его давно мучило.

– Ты на меня зла не держи, вашбродь, что я тебе шею тогда сдавил. Зол был за Гришку, коего ты, как жука булавкой, на штык нанизал...

– Да не хотел я его колоть!

Снова огрызнулся парень в ответ и тоже присел на соседнюю чурку, но тут же, чертыхаясь, соскочил с нее, держась за поротое место.

– Говорил же тебе, что толкнул меня сильно солдат, что сбоку набежал, я с винтовкой на стену падать стал. Не моя здесь вина!

Он скрестил руки на груди и положил ладони на плечи, там еще торчали нитки от оборванных погон, и съежился, будто замерз, но тут же заговорил снова, словно оправдываясь:

– Да и стрелять я не умею. С ружья только раз палил, сосед по даче дал, да промазал в стенку сарая.

– Эх-ма, это надо же!

Пахом огорченно всплеснул руками и с надеждой спросил, хотя в отрицательном ответе не сомневался.

– Покурить бы, вашбродь! Три дня не куривши, уши опухли!

– Курить? Это можно. – Парень хлопнул себя по карману гимнастерки, и Пахом увидел, как на его губы напозла улыбка. Через секунду он извлек мятую папиросу, уже знакомую Ермолаеву – видел их у Либермана, и зажигалку. Быстро закурил сам, пару раз затянулся и с видимым сожалением протянул взводному. У того даже пальцы задрожали от яростного вожделения, и от первой же затяжки закружилась голова.

– А что это казаки тюрьму капитальную здесь устроили? Кандалы прямо из музея!

– Централ на Ангаре был каторжный, в семнадцатом году распустили. А казаки тот еще народ, охулки на руку не кладут. Это в станицах они не воруют, а тут все, что под руку попало, тащат без раздумья. Добычей своей считают. Сперли, знамо, лежали они ржавые все, не знали, как их в хозяйстве приспособить. Но как меня сюда засадили, так живо их повесили, вот только браслеты не заклепали, а на замки закрыли! – с охоткою пояснил Пахом и с тоскою добавил, настолько он не сомневался в своем будущем.

– Ненадолго это, казнят меня люто. В ручей ледяной посадят да заморозят до смерти. Любят они это...

– Будто красные этим делом не пробавляются!

– Так партизаны мстят. А у нас сейчас с этим делом строго, под трибунал подвести могут. Было дело. А вот раньше той же монетою платили, – Пахом говорил честно, чего уж скрывать.

Молодешенек офицер, молоко на губах не обсохла и душа еще не зачерствела – вряд ли такое видел.

– Тебя они за что выпороли, вашбродь? За погоны?

– За прапорщика, – тот неожиданно улыбнулся, пусть и натянуто ему в ответ. – Самозванцем назвали и с плеч содрали. А меня самого как лоха развели – подхорунжим будешь, подхорунжим!

– Это они могут!

С охотою согласился с молодым человеком Пахом, и хотя не знал, что означает «развели, как лоха», но по интонации догадался о некой постыдности, вроде как обман злостный.

– Но ведь на погоны ты, вашбродь, имел право? Али нет?

– Даже тут имел, – как-то странно ответил ему офицер. – Я же музыкант, мне иные погоны, как эти сказали, должны были выдать. В Иркутске повесили, а здесь за них же и выпороли.

– Так ты чиновником был? – обрадованно потянул Ермолаев, теперь для него все стало на свои места.

– Так они погоны узкие носят, и чины по-иному называются. У нас в полку лекарь коллежским асессором был, капитаном то бишь, а делопроизводитель вообще титулярным советником именовался, хотя чин у него пожиже будет. Ох, и пакостно над тобою казаки изымались. Ты же, не во гнев будь сказано, в воинском деле не понимаешь, я это сразу понял. Мобилизовали тебя силою при Колчаке, да в оркестр определили. Ведь так, вашбродь?

– Так, – согласился с ним Родион. Хотя эти домыслы его позабавили, но они великолепно укладывались в ту версию, что он изложил ранее казакам. А потому начал ее строго придерживаться, потому что любая оплошность или забывчивость могли дурно сказаться на и без того болящей заднице, на которую присесть невозможно.

– Они, собаки поганые, изгалялись над тобою запросто, вашбродь, под монастырь специально подводили. Казачья она такая – им смех один, а нам токмо слезы остаются!

– Меня Родионом зовут!

Парень протянул ему ладонь, и взводный крепко пожал ее, звякнув кандалами.

– Пахом Ермолаев. Человечный ты, вашбродь, и добрый. А мамка твоя с отцом где?

– Не увижу я их больше! Нет их здесь!

Его лицо исказила яростная гримаса, тут же сменившаяся плаксивым выражением. Парень даже всхлипнул, совсем как ребенок, тут же снова вспыхнув яростью, как сухая солома пламенем.

– И все из-за казачества этого!

Он не видел Шубина с вечера, хотя тот находился на заимке, запершись у себя в комнате. Что там делал есаул в гордом одиночестве, никто не знал, хотя казаки гадали, высказывая разные предположения. Одно все знали точно – бурят, прибывший связником из Тунки, привез какие-то важные известия, раз атаман так на них прореагировал.

И вот сейчас это неожиданное то ли настойчивое приглашение, то ли категорический приказ – и они вдвоем с Артемовым, что продолжал машинально почесывать подживающие ссадины на своей поротой заднице, явились на зов есаула.

Вот только музыканта не пустили вовнутрь, усадили на лавочку и взяли под ненавязчивый караул – с ним заговорил его «дядька» Лифантьев, а рядом делали вид, что отдыхают и абсолютно ничем не интересуются, два вооруженных казака.

Весьма неприятный симптом!

В горнице Шубин был один, но вооружен – при шашке и револьвере. И указал на лавку, что стояла за массивным столом, у самой стены. Вроде как уважение выказал, но и возможность нападения на себя до минимума свел – пока из-за стола выберешься, семь потов сойдет, а за это время шашку выхватить из ножен или револьвер из кобуры даже самый медлительный успеет, что твоя черепаха.

– Александр Александрович, я хочу поговорить с вами начистоту, и так, чтобы между нами не осталось недоразумений!

Шубин находился один в маленькой горнице, если не считать его самого. Атаман жестом пригласил усесться за стол, к стене, так что их теперь разделяла тяжелая столешница, а сам устроился на противоположной лавке, внимательно сверля взглядом.

– Кто вы такой, господин Пасюк? Может, вы скажете, наконец, правду, Александр Александрович?

– Андрей Иванович, я же вам говорил, с какой миссией меня отправили, – Пасюку сильно не понравился голос и взгляд есаула – жесткий, требовательный, горящий.

– Оставьте сказки про секретное оружие. – Шубин усмехнулся. – Сей револьвер принести пользу может лишь в окопной войне, по врагу, что укрылся в блиндажах, стрелять сквозь щели. Либо в полицейских акциях, когда из дома али комнаты тата выкурить нужно. И все – бесполезен он для войны. Любой ветерок газовый клубок моментально развеет, без пользы стрелять. А заряд ядовитой дряни слишком мал. Слабоват он, чтобы устойчивое облако создать, тут сотни баллонов нужно выпустить или тысячи снарядов химических. Разве не так? Так что перестаньте сказки говаривать – я войну видел и знаю, в отличие от вас, господин Пасюк!

Александр почувствовал себя крайне скверно – все его хитрости лопнули в одно мгновение как мыльный пузырь. Он настолько свыкся с изложенной им ранее версией, что времени на придумывание новой не тратил. Теперь было поздно – отвечать требовалось немедленно, а что-нибудь толковое просто в голову не приходило.

И Шубин совершенно правильно понял суть этой затянувшейся паузы. Есаул хмыкнул, постучал костяшками пальцев по столешнице, и, наклонившись, заговорил резким голосом, в котором хорошо слышалась еле сдерживаемая ярость, от которой душа затрепетала и попыталась, объятая страхом, удрать в пятки.

– Гадаете, что мне придумать в ответ? Что бы такое интересное, чему поверить можно? Стреляете вы, конечно, отлично, но знавал я стрелков и получше вашего. Вот только палить и воевать есть две большие разницы, господин «подъесаул». Или как вас там – «титულлярный советник»?! Что-нибудь получше не придумали?!

Пасюк внутри заледенел – на его чине атаман остановился особо, произнеся таким протяженным тоном, что стало ясно, что в изложенную им версию Шубин не поверил ни на йоту. А это было скверно, очень скверно...

– Так кто вы такой – «казачок засланный»?

– Почему вы так считаете, Андрей Иванович?

Он спросил единственное, что пришло на ум. А сам подобрался, понимая, что выхода не остается. Вот только что делать прикажете в такой ситуации?! Даже если ему удастся обезоружить Шубина, то вырваться им с Артемовым из заимки нет шансов, ни единого.

– Ну не «прапорщика» им мне считать?! Как вы думаете? Или этот придурок, совершенно далекий от воинской службы, может быть для нас опасен? Не смешите! Знавал я такую породу, интеллигенция, мать ее за ногу. Царь-батюшка им был неугоден, потому пропаганду и устроили, не думая, что революция сама их вышвырнет на помойку. Или вы думаете иначе?

– Да нет, вы правы!

Пасюк старался говорить как можно беззаботнее, хотя внутри все напряглось натянутой до звона струной. Прелюдия заканчивалась, сейчас последуют очень серьезные вопросы, на которые он не сможет ответить. А в то, что они из будущего вышвырнуты, Шубин не поверит. Посчитает сказкой и будет прав.

Остается только одно. Если взять атамана в заложники и поговорить с ним с позиции силы, а потом освободить – то может что-нибудь и выйти. А вот чтобы с ним отсюда удрать, на такое невозможно надеяться. Не то сейчас время, чтобы игры в заложники устраивать, да и не поймут их казаки, шлепнут вместе с атаманом, не задумываясь.

– Я вам сейчас все расскажу...

Пасюк положил свои ладони на стол, намереваясь толкнуть его на Шубина, потом одним прыжком перепрыгнуть и навалиться на атамана сверху. И тихо мирно переговорить о возникших между ними «непонятках»...

– Ой!

Только Пасюк решился провести эту акцию, как страшный удар в грудь тем же столом прижал его к стене почище колодки, и услышал нехороший шубинский смешок.

– Ты бы не баловал больше, «товарищ»! Ни к чему это, да и не поможет! Мы хоть люди серые, скотине всю жизнь хвосты крутили, но ведь не пальцем деланные!

Родион Артемов

Напряжение внутри росло – Родион всем естеством чувствовал, что происходит что-то нехорошее. Лица столпившихся возле атаманского дома казаков были хмурыми, ожесточившимися, не выражали ничего доброго, одну только злобу.

Несколько станичников живо таскали воду из колодца, наполняя ею огромное корыто, предназначенное для поения скота. Но сейчас оно было пустым – ледяной водой скот не потчуют.

– Ты, вашбродь, не кипишись, ради бога, а то худо будет. Доброе сердечко у тебя. Помалкивай, да не дергайся!

Родион вздрогнул от тихо произнесенных прямо в ухо слов – Кузьма Лифантьев стоял у него за спиной, и он хорошо слышал, как скрипят у приказного зубы, будто раздирает внутри еле сдерживаемый гнев.

– Что случилось? – столь же тихо спросил Артемов.

– Двух стариков в Шимках красные расстреляли, за то нападение у Тибельти. Сейчас месть вершить будем, благо командир ихний у нас есть. Купать будем их красное благородие, пока не

окочурится!

«Фашисты какие-то, что генерала Карбышева в лед превратили». – Родиона затрясло – весна только начала вступать в свои права, но сегодня ударил легкий морозец, и вода в лохани быстро стыла, замерзая большими каплями на деревянных стенках.

И тут он увидел Ермолаева – голого, но в грязных подштанниках, окровавленного, сильно избитого. Лицо красного командира было превращено в кровавую маску. Его гнали тычками три казака, но своими плетями почему-то не стегали по незащитному телу. И только Артемов подумал про это, как Кузьма тихо пояснил:

– Раненый в воде кровью быстро исходит, а потому замерзает быстро. А эта сука красная пусть подольше помучается. Потому и подштанники оставили, чтоб раньше времени не подохла гадюка красная!

«И этот – зверь, а я думал нормальный человек. Ермолаева за что казнить-то? Не он ведь стариков расстреливал!» – мысль пронеслась галопом, и тут же одна сменилась другой.

«Как же они без приказа самого Шубина казнят?! И где Пасюк? Почему атаман безобразие это не пресечет?»

– Давай, краснюк, покупайся!

– А то грязноват ты, сволочь!

– Хоть кровь казачью на лапах обмой!

– Сволота большевицкая!

Ермолаев смотрел на гомонящих казаков глазами затравленного зверя, ничего им не отвечал на оскорбления, только кривил окровавленные губы. Но, подойдя к огромной лохани, все понял и со сгустком крови выплюнул изо рта злые слова:

– Пулю пожалели, казаки?! Помучить, изгаляться жаждете?! Ничего, и за это вы заплатите, юшкой своей умоетесь!

– Хватай его, станичники!

– Пасть заткните, пусть словами своими подавится, тварь!

Казаки навалились на Ермолаева, и через десяток секунд связанный по рукам и ногам краском, подняв тысячи брызг, ухнул в корыто. Глаза Ермолаева чуть не вылезли из орбит – наверное, ледяная ванна ошпарила тело почище кипятка.

Он еле слышно замычал, не в силах сказать хоть одно слово. Но и эти звуки были слишком выразительны. Может быть, стало легче, если бы Пахом закричал или обложил бы матами казаков, вот только во рту кровавилась толстая деревяшка, обвитая шнуром, концы которого были связаны на затылке беспомощной жертвы.

– А вот еще один гад, станичники!

Все обернулись на громкий выкрик атамана Шубина и тут же радостно взревели. Повернулся и Родион и тут же заледенел от ужаса – два дюжих казака крепко держали в руках избитого и окровавленного Пасюка, что злобно посматривал на собравшихся правым, не заплывшим от удара оком. Зато левый глаз, уже пострадавший в Шимках, снова заплыл и отсвечивал всеми переливами радуги.

Впрочем, Артемову даже показалось, что Пасюк смотрит на галдящих казаков несколько растерянно, будто не понимает, что происходит вокруг и не догадывается об уготованной ему участи.

– Макаем их вместе, пусть поплавают!

Предложение атамана вызвало радостный гул и молниеносные действия казаков. Пасюк только успел раз глухо выругаться, как был раздет до исподнего, крепко связан, и получил такую же изгрызенную деревяшку в рот в качестве кляпа. Именно эти видимые следы зубов говорили о том, что ею часто пользовались, а это и надавило на нервы Артемова, и без того

раздерганные событиями недавнего прошлого.

Плюх!

Брызги полетели в разные стороны, попав и в лицо Родиона. Ледяная вода должна была остудить закипающее бешенство, но произошло наоборот. Вид Пасюка, без звука извивающегося в этой холодной купели, что твой налим, окончательно толкнул на безумный шаг, хотя краешек мозга прямо вопил о чрезвычайной глупости задуманного.

– Что вы делаете...

Договорить Родион не смог – мозолистая ладонь Лифантьева зажала ему рот, а в ухо зашипели разъяренным тигром:

– Молчи, безумец, не юродствуй. Краснюков не спасешь, а вот себя погубишь, дурак! Ай, сукин сын!!!

Артемов в ярости чуть ли не откусил казаку палец своими крепкими зубами, и тот, забыв про уговоры, возопил от боли мартовским котом, которому прищемили «хозяйство».

– Ты же творишь, убогий?

Артемов не обратил никакого внимания на вопли Лифантьева и встал в самую обличительную позу, которую мог когда-либо видеть, властно вытянув указательный палец.

– Вы что творите, волки позорные?! Кровищи еще не напились, козлы похотли...

Договорить он не смог – Лифантьев снова заткнул ему рот и так ударил по затылку, что у Родиона искры из глаз посыпались.

– Макните и юродивого, братцы! Пусть остынет маленько, может, в разум и войдет и другие песни петь начнет!

Крепкие руки в одно мгновение сорвали с Артемова всю одежду, оставив только нательное белье. И тут же он почувствовал, как вознесся в небо, и отправился в короткий полет.

– Ой-я!

В первый раз Родиону показалось, что его макнули в кипяток, настолько вода обожгла тело. Но спустя мгновение все тело парализовал такой холод, что парню показалось, будто кровь начала замерзать в жилах. И навалился жуткий страх – ему показалось, что еще вот-вот и он умрет страшной смертью, не в силах произнести ни одного слова, ибо все мышцы свело, а язык начал отказывать.

Играть героя, попавшего в лапы изуверов, и тем паче разделить судьбу Ермолаева и Пасюка ему категорически не захотелось, и он что было сил заголосил, надрывая охрипшее горло.

– Братушки, казаки! Пожалейте сиротку горемычную! Топите вы этих большевиков, вражины они проклятые, а я-то при чем?

Мошонку свело холодом так, что Артемову показалось, что она у него отвалилась напрочь. Это осознание испугало его да такой степени, что на мгновение зубы перестали выбивать чечетку.

– По дурости я сказал! По дурости, не подумавши! Помилосердствуйте! Я больше не буду!

Нукер Хубсугульского дацана Булат-батыр

В небольшой комнате, покрытой коврами и священными полотнищами на стенах, кроме Панчен-ламы никого не было. Старик сидел перед ним на корточках, его испещренное морщинами лицо было, как всегда, бесстрастно. Казалось, что его совершенно не интересовало содержимое свертка, что Булат положил на пол перед собою.

– Я нашел удивительные вещи, хамбо-эсэг! Все они были на черном камне, что на...

– Я знаю! – тихо произнес старик. Глаза его были закрыты, но Булат не сомневался, что он видит принесенные вещи намного лучше, чем он сам, и не просто их оболочку, а настоящую

внутреннюю сущность.

– На Талька Хухы Хангай большой обо, сила там великая...

Воин отвернул ткань и аккуратно поставил стеклянную бутылку с яркой этикеткой, рядом два невесомых беленьких стаканчика и пустую картонную пачку с иностранными буквами (Булат был не просто грамотен, он мог читать и писать на русском языке, знал латиницу), пахнувшая табаком, и довольно приятно.

– Они добровольно, эсэг, пили эту жидкость!

Тонкие блеклые губы Панчен-ламы на секунду разжались. Булат чуть усмехнулся – как все буддисты, он не понимал, зачем добровольно сходить с ума и пить эту жуткую «воду», от которой утром просто разламывается голова. Не понимал, но и не осуждал открыто – каждый имеет свою карму и идет по своей дороге к познанию. Так что лучше полагаться на провидение.

– Интересные вещи ты мне принес!

Старик прикрыл глаза. Булат терпеливо склонил голову:

«Странные дела! Очень странные! Еще прошлым летом на обоной тахилга у Талька Хухы Хангай я выиграл и скачки, и в турнире по бухе барилдан... И-ей! Учитель тогда еще мне сказал: «Булат! Ты – самый сильный борец, ты силен как баабгай, но сила ничего не значит сейчас! Смутные времена идут! Но будет еще хуже...» Куда же еще хуже? И так, кругом мир начинает рушиться...»

– Хотошо нохой!

Булат встрепенулся, когда Панчен-эсэг окликнул его. Когда они находились наедине, учитель часто называл его так, хотошо нохой или просто хорёши, так его соплеменники называли огромного волкодава особой, бурято-монгольской породы.

Булат даже внешне был похож на волкодава – огромная косматая голова, могучий и широкоплечий, он сильно отличался от своих коренастых небольших ростом соплеменников, настолько, что Панчин-лама сразу и прозвал его с иронией хотошо нохоем. Однако потом его прозвище обрело иной смысл – преданный, верный, непреклонный и неуязвимый, как огромный черный «четырёхглазый» волкодав Тункинских гор и необъятных монгольских степей.

– Хорёши...

– Да, эсэг!

– Помнишь, когда ты был бандием, я учил тебя многому?

– Да, эсэг!

– Я уже стар... Не всему я успел тебя научить да я и не знал, что такие знания пригодятся тебе... Я еще успею увидеть страшное...

Кончики морщинистых губ дрогнули, и старик произнес:

– То, что ты принес, изменит многое, может быть, все...

– Как же это... – Булат осторожно, с недоверием, тронул хрупкий стаканчик. – Как же это может изменить все? И что это в с ё, эсэг?

– Нет! – Панчен-лама чуть склонил голову. – Ты еще не хотошо банхар, ты пока щенок, подросший, с клыками, но без хватки, сильный, но глупый... То, что есть, но его могло бы и не быть, но оно есть, потому что так стало!

Старик посмотрел на собеседника, что дернул кадыком и опустил глаза:

– Не расстраивайся! Я помню тебя с тех пор, когда ты стал хуварак-учеником, и-ей, много лет прошло! Ты выбрал свою дорогу, которая тебя и привела на Талька Хухы Хангай...

– Но, эсэг, разве не ты меня туда отправил?

– Даже Великая Мать Лхамо не знает, что будет! – он покачал головой. – Я только исполнял свою карму... Наша карма – ждать и ожидать...

– Чего ждать, эсэг? И чего ожидать?

Ответа не последовало. Старый лама вновь закрыл глаза и погрузился в созерцание. Булат последовал его примеру, однако через мгновение старик тихо проговорил:

– Сам будда Шакьямуни предсказал, что Искрящийся Цветок Лотоса – Свет Истины, расцветет в далеком снежном диком царстве, это он говорил о нашем крае, который населен злокозненными духами и демонами и который не смог еще обратить в веру ни один будда прежних трех времен! Слушай и внимай мне!

Панчен-лама повторил то, что повторял каждый раз перед тем, как сказать очень важное, и Булат напряг слух, чтобы не пропустить ничего, здесь даже интонация была важна.

– Я лицезрю, что грядут перемены! Мы будем смиренно ждать, когда придет еще и еще больше этих странных людей, которые отринули Бога...

– Эсэг! – Булат вскочил. – Ты говоришь о красных комиссарах? Это страшные люди! Они даже не люди, они – псы поганые, отринувшие Бога, Родину, матерей, которые их породили...

– Хотошо нохой! – в голосе старика звякнул металл. – Это – не люди, это – докшиты, великие бохдисаттвы в людском обличье! Как Великая Лхамо, вся увешанная украшениями из черепов и костей скачет через море крови на муле, покрытом попоной из кожи ее сына, убитого ею за измену буддизму, так и комиссары, – старый лама с трудом произнес незнакомое слово, – грозные хранители Веры, сами того не желая! Они явились к тем, кто попирает своих богов, неся им отмщение! Это – их карма, отрицая Бога, они, тем самым, несут Бога, выжигают неверных и только сильнее наполняют Светом уста, очи и сердца Других, которые жаждут! Будут закрывать дацаны, а братьев повезут в тюрьмы, где многие сгинут! Будут сжигать священные свитки и разбивать статуи Будды... Многие, очень многие еще это не поняли, но я тебе скажу, мой хуварак, они это осознают через много лет, шесть Великих циклов сменится, и все вернется обновленным...

– Так это же больше семидесяти лет пройдет! Неужели они так надолго пришли?

– Что такое семьдесят лет в Великом круговращении бытия – Великом колесе жизни? – старик склонил голову.

– Чего же тогда нам ожидать? – еле слышно проговорил потрясенный Булат. – Почему у нас такая карма?

– Это! – он указал на разложенные перед Булатом вещи. – Не прикасайся к нечистому, а то мне придется провести для тебя хурал Даши Чарбеб сан, чтобы очистить тебя воскуриванием от той скверны, что несут с собой эти предметы! Тебе незачем знать...

Панчен-лама тяжело вздохнул и с усилием поднял ладонь, как бы останавливая вопрос открывшего уже рот Булата.

– Незачем знать, откуда они! Найди тех, что принесли это с собой...

– Разве простой человек сможет остановить комиссаров? Вон, казаки, их много, они прекрасные воины, и то... – Булат яростно сжал кулаки. – Ты, эсэг, мудр, но не понимаешь, что наша карма – ждать, только не лучшего, а смерти!

– Если проблема имеет решение – то волноваться незачем, если решения нет – то волноваться бессмысленно! Карма – это ведь не только воздаяние, это еще и труд! Карма создается, помни это! Намерения могут быть или хорошими, или плохими, тогда и последствия будут разными! Хорошая карма дает хорошие последствия! Те, кого ты будешь искать, необычные люди!

– Если они так важны, то казаки так просто их не отдадут!

– Тогда сделай так, чтобы отдали! – старик улыбнулся, что потрясло Булата: старый лама говорил страшные вещи, а теперь спокойно улыбается – значит, он наперед знает, что все будет хорошо.

– Береги себя от участи пролить чужую кровь, когда будешь вершить свое дело. За них не

бойся, им еще рано умирать: один из них думает, что он еще жив, но он – мертв, другой думает, что он уже мертв, но он – жив!

Старый лама снова прикрыл глаза, говоря все тише и тише:

– Найди их и выполни то, чего они пожелают! Они еще не понимают, что лучше плохо исполнить свою карму, чем хорошо чужую! Как безжалостная стрела, выпущенная из твоего могучего лука, эти люди устремятся с твоей помощью вслед добрым намерениям, и, возможно, мы поможем свершиться тому, что мы называем кусала, хорошая карма! Раздвоенной иглой ничего не сошьешь: отбрось сомнения и твердо встань на предначертанный тебе путь, и тебе с него уже не уйти – куда бы ты ни пошел, везде будет твой путь! Но помни, выбирая путь, что истина одна, как вершина горы, но дорог к ней ведет множество...

– Я сделаю все, хамбо-эсэг Панчен-лама!

Булат-батыр склонился до пола, коснувшись лбом ковра, и прикусил губу, понимая, что выполнить задание ему будет очень трудно. Связываться с казаками очень не хотелось, но он мог и пойти на открытую стычку. Вот только как победить в ней, если категорически приказано не проливать кровь и не отнимать жизней?!

– Ох, полегче, ох... Ох!

Никогда в жизни еще так Александр не чувствовал себя так хорошо. С того света вернулся, не иначе.

Лютый холод, что, казалось, заполонил все тело, превратив нутро в сплошной ледяной ком, стал потихоньку его покидать, отступив перед натиском распаренных веников в руках дюжих казаков, затянутой клубами пара бани с раскаленной печью, да стакана китайского вонючего спирта, что силком влили в него вовнутрь.

Последнее снадобье он принял как лекарство, не чувствуя вкуса и запаха. Сознание он потерял в ледяной купели, когда совершенно неожиданно лютый холод прошел, и по всему телу стала разливаться непонятная, но приятная теплота.

Очнулся Пасюк уже в бане, чувствуя, что его бешено колотит от холода. Так на полке подбрасывало, что дюжий банщик с трудом удерживал, а тело совершенно не чувствовало распаренной листвы березовых веников. Да зубы норовили раскрошиться, настолько они ударяли друг о друга, выбивая замысловатую барабанную дробь.

– Ох, полегче...

– Не стони, парю тебя жалеючи, как хворого!

Теперь он не чувствовал холода, наоборот, внутри все превратилось в жаркое, только что вынутое из духовки. Да и сил никаких не имелось – нельзя было поднять не то что руку, даже пальцем шевельнуть, настолько его высосало пребывание в ледяной купели. Каких-то четверть часа, и достаточно было еще пяти минут, как его страдания в этом безумном двадцатом году были бы закончены.

– Ничего, вашбродь! Крепче попарим, хвори не будет. Сейчас пожалеет, от лихomanки загнешься!

И тут же по спине ударил горячий до жути веник – Александру показалось, что кожа не выдержала продолжения пытки, но уже жаром, и он сомлел, безвольно вытянувшись на полке...

– Ты, вашбродь, не пугай! Давай, давай!

– Ой-я!

Сознание вернулось мгновенно – в первое мгновение ему даже показалось, что от тела пошли клубы пара. Однако ведро ледяной воды было опрокинуто на него вовремя, и на память пришел эпизод одного фильма, где Боярский играет роль французского шпиона. Того тоже запарили в бане и так же привели в сознание ушатом колодезной водички.

– Хорошо-то как, вашбродь! Правда?

Крепкие руки подхватили его как младенца, хотя веса в нем имелось на пять пудов. Однако здоровенный казак, исполнявший роль банщика, словно пушинку вынес его в обширный предбанник и бережно положил на широкую лавку. Рядом лежал плененный казаками командир, распаренный до жуткого багрового румянца, и тоже в полном бессилии.

А вот Родиона уже не было – парень пролежал в холодной ванне совсем немного и быстро оправился. Судя по бутылки с мутной жидкостью, знакомым китайским ханшином, в парня влили стакан, не больше. Вполне достаточная доза, способная свалить с ног после такой нервной встряски.

«Повел он себя достойно, не ожидал от него такой отваги и заступничества. Может быть, поэтому атаман Шубин нашу казнь отменил? Либо решил, что такой демонстрации вполне достаточно? Сейчас я ему все бы тайны генштаба выдал, если бы знал – второго раза я просто не перенесу, и им не герой, тельняшку на груди рвать не стану. Да и зачем все это – я же казакам

не враг, а они со мною так! Почему?»

Мысли текли медленно, его клонило в сон. Вот только два станичника спать не дали – одели их двоих в четыре руки в чистые исподники, затем усадили на лавках.

– Так, вашбродь! Как предками заповедано – после бани последнюю рубаху продай, но водки выпей!

В ладонь насильно вложили стакан со спиртом – от жидкости омерзительно несло сивухой. Александр сморщился, пить эту дрянь он не хотел категорически. Но не тут-то было.

– Нет, господин подъесаул, ты уж пей, а то силою зальем, нос зажав. Атаман сказал влить стакан, не меньше, дабы хворь от купания не приключилась. Так что будь добр! Ну, ты же казак!

Метод кнута и пряника сработал – Пасюк понял, что ему не дадут уснуть, пока эту гадость не выпьет. Тут никак не открутиться – да и когда казак от хлявной выпивки отказывался, тем паче если кровь хохляцкая, истового запорожца, в жилах колобродит.

Он задержал дыхание и приставил стакан к губам, еле держа его в ладони. Обжигающая жидкость хлынула потоком по пищеводу, Александр содрогнулся всем нутром, но через силу, давясь, кое-как допил. И стакан тут же выхватили из ослабевших пальцев.

– Атаман с тобою завтра с утра переговорит, вашбродь. А сейчас отдыхай – постель тебе царскую отвели, перина пуховая!

Пасюк уснул бы и на лавке в бане, до того он вымотался. А тут еще стакан спирта, выпитый им до доньшка, начал действовать, словно нанеся по мозгам удар дубиной. Окунаясь в желанное забытие сна, Александр все же расслышал слова казака, обращенные к Ермолаеву:

– Ну, ты и здоров, ваше красное благородие. Сегодня в тепле переночуешь, а завтра мы тебя обратно переместим. Но кандалы сейчас наденем – заложником у нас побудешь...

Родион Артемов

Родион затравленным волчонком взирал на Шубина. Тот, словно не замечая этого взгляда, молча сидел на лавке перед ними с Пасюком, положив корявые натруженные ладони на стол. Они были в горнице одни – то ли есаул их не опасался, то ли хотел поговорить о таких вещах, о которых другим знать не нужно.

И, скорее всего, здесь было второе – сидящий рядом Александр уже огребся от атамана по полной программе, а сам Родион на Шубина даже не думал нападать – теперь он его намного больше боялся, чем Либермана. Тот хоть и злой, но добрый, человечно отнесся.

«Злой, но добрый. Странное словосочетание, но ведь тут у всех мозги набекрень давно съехали. Обезумели от крови, режут почем попадя. Не такой я гражданскую войну видел, когда читал. Никогда не думал, что она настолько страшная!»

Родион скосил глазом в сторону Пасюка – тот, как всегда, соблюдал внешне полнейшее хладнокровие, взирая на Шубина совершенно невозмутимо, будто не тот вчера засадил его в ледяную воду на погибель. Однако ведь почему-то приказал не доводить казнь до конца.

«Вот что непонятно?»

Вопросы вставали один за другим, и ответа на них Артемов пока не находил. Почему есаул отошел в сторону, будто его кто-то отозвал? И буквально через десять минут вернулся опрометью, приказав всех немедленно отнести в баню и хорошо пропарить.

Что заставило его отдать такой приказ? Передумал или отсоветовали? Тогда кто явился их таинственным спасителем? И что следует ожидать в дальнейшем?

– Вы, видно, гадаете, почему я вчера распорядился прекратить ваши мучения, господа?

Родион вздрогнул от удивления – ведь есаул прочитал его мысли. Удивился и Пасюк, дернувшись всем телом. Тоже, видно, ломал голову над вчерашними событиями.

– Я посчитал вас красным агентом, Александр Александрович, а все произошедшее в Шимках инсценировкой. Вначале грешил на господина подхорунжего...

Родион вздрогнул от направленного на него острого взгляда атамана, будто алмазом резанувшего. И тут оцепенел – Шубин всегда именовал его прапорщиком, а тут зачем-то произнес реестровый чин Артемова, о котором знать просто не мог.

– Но так играть невозможно, это настоящий облик. А вот вы, Александр Александрович, хоть изображали из себя убедительно, но не настолько, чтобы вам поверить. Так что, господа, вам придется рассказать мне всю правду, как на исповеди!

– А иначе вы нас снова в лохань засунете и заморозите там в одну далеко не прекрасную ночь?

Артемова чуть ли не заколотило от еле сдерживаемого страха – опять Пасюк свои игрища начал, нарываясь своей грубостью! Да в его нынешнем положении нужно сидеть тише мыши под веником, кое-как вчера в чувство привели, да отпарили!

К его удивлению, Шубин не вспылал, даже взгляд не потемнел от гнева. Атаман только усмехнулся и негромко произнес:

– Теперь я точно знаю, что вы не враги и не тайные от красных подсылы, а офицеры. Есть весьма надежные доказательства этому убеждению. Вот так-то, господа!

– Позволено мне будет осведомиться о сих доказательствах?

«Ну что он на «обратку» нарываяется! Лез бы один в бутылку, но он меня же губит! Хохол упрямый!»

Артемов не выдержал и пнул своего товарища по голени, как бы говоря – «да помолчи ты». Но тот не обратил на дружеский удар никакого внимания, продолжая сверлить взглядом улыбавшегося Шубина, который всем видом демонстрировал знание им какой-то важной тайны. И не просто показывал, а сказал, да то, отчего Родион поперхнулся.

– Я видел вас двоих, – Шубин нарочито медленно заговорил, не спуская глаз с Пасюка, – на фотографической карточке! Это происходило в Шимках, когда вы устанавливали там крест в память расстрелянных красными казаков, в том числе и меня. – Он помолчал, но, собравшись, продолжил: – А потому хватит тебе валять ваныку, Александр Александрович! Я теперь знаю многое, но отнюдь не все.

Атаман откинул с лавки дерюжку и под ней оказался до боли знакомый пластиковый пакет, совершенно неуместный в этом мире. Шубин усмехнулся и молча выложил на стол четыре книги, бумажник с документами, а потом, двумя пальцами, как мышь дохлую, и с видимым омерзением, журнальчик, что по скверной привычке был прихвачен Родионом в поездку. Не удержался он от соблазна, будто ежедневное лицезрение стриптизерш в охотку вошло, а не надоело до омерзения. Машинально прихватил, как Шура Балаганов кошелек в трамвае...

– Так я жду от вас ответов, господа!

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Я его гирькой по башке огрел, в отрубе лежит. Тебя завтра казнить собрались, вот я и решил! – офицер ковырялся в замке какой-то железкой, и вскоре дужка поддалась его усилиям. Пахом быстро снял браслет, цепь предательски зазвенела.

– Да тихо ты...

Голос Родиона дрогнул, и Ермолаев испугался. Не за себя, а за этого парня, что на смерть пошел, его из узилища освобождая. Хорошим человеком этот Родион Артемов оказался, запутался, конечно, малость, а родители, как понял комвзвода, казаками были умучены.

А, значит, как ни крути, свой он человек, только на путь истинный поставить нужно.

– Белые войну уже проиграли, это теперь ежу понятно. Сейчас это так, трепыхания последние. Крым они еще удержат за собою, барон Врангель с вас крови попьет. Но ненадолго...

– Какой такой барон? – удивление было искренним, Пахом подумал, что офицер ошибся, а потому уточнил: – Белыми на юге генерал Деникин командует.

– Пока командует, его Врангель скоро сменит. За ним англичане крейсер в Константинополь отправят, да в Крым привезут.

– Откуда ты знаешь, Родион?

– Офицер, что со мною, не белый, а так, маскируется он, Пахом. Шпион патентованный, на англичан работает. Отмычку от замков я у него стащил. А еще записи у этого липового подъесаула интересные есть, я их прочитал. Беда большая будет, командир – поляки в конце апреля в наступление перейдут, нашей войной междоусобной решили воспользоваться. В начале мая Киевом хотят овладеть, и границу по Днепру устроить.

Офицер говорил, но отмычкой в замках ковырялся, и вскоре еще открыл один. Пахом сидел как пришибленный, он хотел верить Родиону, но не мог. Хотя сигареты и револьвер с иностранными буквами были, английские, и, если то, что сказали ему сейчас, подтвердится, то да, верно, шпион он и есть, и не из маленьких, раз о таких делах в известность ставят.

– Держи бумаги, корпел над ними целый час, срисовывал! – Родион сунул в руки Пахома несколько листов. – Тут все по польской армии, структура, как собираются нападать, сколько дивизий на это дело отвели и кто командует. Тут все, что успел написать впопыхах. У него бумаг много, целый чемодан, и все секретные до ужаса. А я сей саквояж сейчас охраняю. Доверяет мне этот шпион – я ему жизнь недавно спас, как и тебе.

– Если это верно, то ты такое для революции сделал, такое... – Пахом задохнулся, он не знал что и сказать, чувство искренней благодарности переполняло его душу.

– Коня я тебе оседлал, а потому уходи сразу. Скачи на запад, к Хубсугулу – там застав нет. У озера кооператоры из Иркутска есть, он помогут тебе до Монд добраться. Через перевалы не ходите, там казаки охранение поставили, в засаду попадете. Цепи свои у того борова брось, они будут думать, что ты ими его огрел, и винтовку забрал.

– Уходи со мною, Родя. Тебя наши больше не тронут даже пальцем, перед ЧК лично поручусь. Ведь я орденом Боевого Красного Знамени награжден, мне поверят...

– Поздно, Пахом, да и не хочу я. За границу уеду, буду джаз играть, мои песни по миру разойдутся, о них еще не ведают. А Пасюк обещал меня хоть в Англию, хоть в Америку привезти. Моя дорога лежит в Читу, а оттуда в Китай. Думаю, что к концу лета там буду, а пока руку набью, в читинских ресторанах для беляков поиграю.

– Придадим Семенова...

– Не, пока за ним японцы стоят, ничего не получится. Но это до осени, а там вам карты в руки. И вот еще что, Пахомий, не вздумай стрелять, иначе Шубин меня насмерть заперет. А так только этому хмырю достанется, что на посту уснул. Он меня, гадюка этакая, тогда насмерть порол!

– Хорошо, уйду тихо, обещаю. Ты здорово удумал за себя таким образом отомстить, – Пахом хмыкнул – молодой офицер ему нравился все больше и больше. Жаль, что бежать с ним не решился.

– Только ты мне сейчас нос хорошо разбей, чтоб кровь брызнула – якобы за стеной на меня напал. А я ведь безоружный – ни револьвера, ни винтовки мне не дали, не доверяют пока. Сказали, чтобы тебя с одной шашкой охранял. Только это – зубы не выбей, где я их тут вставлю! И чтоб больно не было.

– Не будет...

Ермолаев резко ударил прямо в переносицу, Родион упал от неожиданности, но через несколько секунд, вытерев разбитый нос ладонью, удивленно произнес:

– Кровь пошла, ну ты и молодец, я ничего не почувствовал. Скачи, давай, но листы смотри не потеряй – они для нашей республики сейчас драгоценней любого золота...

Глава первая. Александр Пасюк

– Сейчас стойбище Баяна будет. Тайша местный, род небольшой, но богатый. Ух и красива у него басаган, дочка, значит, был бы не женат, окрестил бы ее разом да под венец поволок. Красавица и разумница. Ничего, я племяша на ней своего оженю, рад будет!

Приказной Кузьма Лифантьев мечтательно прищурил глаза и после недолгой паузы добавил:

– Богат тятка ее, не обижает свою дочку. Сам увидишь, каков он хозяин! А тварешка его просто чудо!

Это слово Александр уже хорошо знал, тут все дело, оказывается, было в интонации. Если «тварь» произносилась обиходно, то под ней подразумевался бурят, как Божие творение. Именно так, без всякой обидности и говорилось. Так же казаки именовали и других инородцев – тунгусов, якутов и прочих.

Иногда говорилось «тварешка» – то либо красивая девка, дочь там, племянница, или ласковое прозвание самого бурята, с коим не зазорно дела вершить и который обманывать не станет – ибо обмануть пришлого некоторые буряты честью считают.

Даже на подарок только малый отдарок делают, показывая, что, мол, все – «хома угэ». Уже все, поздно. Или – не вернуть. Проще говоря, обманул, ну и ладно, прошло же ведь...

Злобное, сквозь зубы, «тварь» – это уже обида на инородцев, также и на крестьян. Но чаще доставалось последним, особенно пришлым – «расейская тварь». Беспутным станичникам казаки говорили «гунявые» или презрительное «гужеед», но последнее в Забайкалье чаще было в ходу.

И еще понял Пасюк из разговоров с казаками, что межнациональные отношения в Приангарье те еще – он в свою бытность над этим не задумывался, и зря. А в этом времени крестьяне с бурятами, в отличие от казаков, откровенно враждуют, что на Ангаре, Селенге или Иркуте. Оскорбляли друг друга открыто, всерьез.

Селяне презрительно окликали бурят «хабами», а те с ненавистью цедили в ответ – «мангусы вы, однахо». Но чаще пришлые крестьяне от бурят слышали одно – «ойе – гже, гже, гже». И чем больше этих самых «гже», тем презрительней была насмешка.

Дело тут было в земле, вернее, в лютой зависти новоселов и даже обедневших старожилов. С крестьянского надела в 10–15 десятин бурятские угодья в 70, а то и 100 десятин вызывали жадность у всего «мира», с известным требованием Шарикова «взять все да и поделить» поровну.

Вроде справедливо, а на самом деле отнюдь не так. В своей алчности и стремлении к уравнительному переделу крестьяне могли обречь инородцев на постепенное вымирание, ведь для скота нужны обширные пастбища, а земледелием буряты испокон веков не занимались.

И на казачьи наделы, пусть они и были немногим больше, новоселы тоже зарились. Даже в старожильческих селениях, где казаки проживали, как он знал из книг, станичников откровенно ущемляли «равенством» и облагали мирскими поборами.

Что же говорить о пришлых «новоселах»?!

А ведь казаку нужно за свой счет на службу готовиться, коня и обмундирование покупать. А налоги и сборы станичники никогда не платили – у них государство брало службой и кровью на ратном поле.

Из слов разговорчивого Лифантьева он понял, что повсеместно на Ангаре и Селенге казаки и буряты объединялись в противостоянии крестьянским притязаниям, и там, где их было много, новоселам приходилось умерять свой пыл, ниже травы становились. Но из большинства

крестьянских селений казакам и бурятским семьям приходилось или убираться подальше к своим более многочисленным соплеменникам и станичникам, или, плюнув на все, приписываться к крестьянским обществам.

Сейчас противостояние зашло слишком далеко, революцию с ее декларацией «равенства» крестьяне приняли прямо на «ура». Взаимное озлобление вылилось в большую кровь. И сейчас победители вовсю начали пользоваться плодами своего успеха.

«Ничего, потом их в колхозы загонят да покажут им, за что боролись!» – зло усмехнулся Пасюк, припоминая историю. Потом оглядел с высоты седла начавшую зеленеть степь.

Весна медленно входила в свои права, хотя пять дней назад на проклянувшуюся молодую травку выпал снег. Растаял, правда, очень быстро, вот только ехать через всю Монголию месить грязь, как-то не улыбалось, а потому по приказу Шубина поездку в Даурию перенесли на неделю, дабы вокруг все подсохло да и подножный корм хоть чуть подрос.

– Здесь кочевья щелбановского рода идут, что в семнадцатом сюда откочевали. Нутром почувствовали, что революция грядет, вот и перебрались. Да и нам хорошо – все же свои, с Тунки. Заимки тут у нас, а с мунгалами тяжело общаться, лучше уж с хонгодорами.

– Так просто через границу перебрались? – удивился Пасюк, знакомый не понаслышке с пограничным режимом.

– Так все через нее ходят, торгуют помаленьку, скот сюда завсегда гоняют. Своих людишек обижать незачем, да и китайцы свой товар через Мондинский перевал гонят, без чая и табака было бы жить совсем худо. А плохо то, что красные границу перекрывать начали, теперь контрабанда реже появляться будет. Цены на товары повсюду уже возросли, и берут не бумажками, а золотом, али серебром...

– Так что ж худого-то? – хмыкнул Пасюк. – Народ на красных озлобится, да казакам помощь окажет.

– Бесполезна борьба наша, – Лифантьев сокрушенно мотнул головой и с тоскою произнес: – Всерьез пришли большевики и надолго. Всю Россию с Сибирью они уже под себя подмяли. Нас, казаков, горсть малая, мужиков же цельный ворох – так что воевать с ними бесполезно, задавят. Сила солому завсегда ломает!

Родион Артемов

Родион был обрадован этой поездке, время от времени вертясь в седле угрем. Таежное заточение для них окончилось, и вот теперь ждет их дальняя дорога до Китая, а там двери в большой мир будут распахнуты. А уж там его знания и музыкальные таланты произведут фурор, и жить он станет так, что будущим временам завидовать перестанет...

– Баян этот мне «крестничек» давний!

Сквозь розовый туман будущей счастливой и беспечной жизни донесся голос Лифантьева, и Родион мотнул головою, отгоняя навязчивые видения с золотым блеском.

– За три года до войны запил он в одно лето вчерную, аж дым столбом. Самогону в Еловке ему выменяют у крестьян, и пьет беспросыпно.

– А вы что ж не смотрели-то? – удивился Пасюк, что ехал рядом с ними, чуть покачиваясь в седле.

– Ведь сам же говорил, что до революции было запрещено в Тунку водку возить или китайский ханшин, в Тибельтях для чего караул стоял?! Крестьянам запрещено было бурятам спирт давать с водкою! Или одной рукою запреты вводили, да сквозь пальцы на них смотрели?!

– Никто в долину и не возил, ты на караульских казаков не греси. Отучили таких давно, это они в революцию зашевелились. А крестьяне ушлыми всегда были, и зачастую притянуть их

к ответу труднового. Они к бурятам не ездили и не продавали им самогонку, что в своих домах гнали. Это сейчас революция, мать ее за ногу, разрешила.

– Не понимаю я тебя, паря!

– Они у себя в селах мену устраивали – самогон на сено или кожи. Или еще что-нибудь выменивают. Закон тут был не нарушен, придраться не к чему. Выпороть бы не помешало, но тогда власти супротив такой меры сразу запреты свои ввели. Так и сказали нам – не замайте!

– А много ли самогонщиков в Тунке обитало?

Артемову стало интересно взглянуть на революцию именно с этой стороны. Однажды он прочитал, что царские власти нахлебались вдоволь с изготовителями этого зелья, которые наводнили Иркутскую губернию в неимоверно пугающем количестве. И спрос был жуткий – за годы «сухого закона», что на время войны ввели, «изголодался» народ по гадкому пойлу так, что гнали брагу в каждом третьем доме, если не считать два первых.

– Есть тут несколько семеек, сутяжники. Ладно бы гнали для себя, как мы делаем из облепихи, так они спаивали хонгодоров на дармовщинку, а потом коней норовили увести и до нитки обобрать.

– Ну и что такого, казаков с какой стороны это колыхало?

– Да ты что?! – взвился Лифантьев. – Если казак в станице начал хозяйство пропивать, как он на службу снарядится?! С кого спрос будет?

– Его выпорют, но вторым. Первым атамана пригладят плетью! – уверенно ответил Родион, уже познакомившийся с казачьими традициями на собственной заднице.

– Потому-то мы до революции в станицах только по праздникам и пили, ну или в семье что-то радостное, свадьба там. А в будни ни-ни, атаман строго глядит, у него не забалуешь. Это на службе можно, и с оглядкой, ума не пропивая. И то залетаешь – я на «губе» месяц просидел, с полицейским подрался да мужиков погонял по пьяной лавочке. Хорошо хоть в дисциплинарную роту не забрабастали. А так отсидел свое, лычку приказного с погон спороли, зато цел остался. Хорошее было времечко!

Лифантьев довольно прищурил глаза и потянулся как кот, который добрался до вожделенной крынки сметаны, но отвлекся от приятных воспоминаний, заговорил снова.

– Мы к Баяну тогда приехали, а он пьяный плашмя лежит. Ну и поучили его маленько. А то буряты, если вовремя не остановить, махом спиваются. Нет у них к водке привычки, тарасун ведь только пьют, а он слабенький, не забирает. А запил – все, хана хозяйству. Ясак пьянице платить нечем, все ж пропивает. А жить-то надо, вот и попрошайничает или того хуже – воровать начинает. Да и дурные они от водки становятся – всех убить хотят, ругаются, бабы воют. Вот мы за ними и приглядывали издревле, чтоб, знаясь, ущерба для казны не было. Поучим немного, они пить прекращают. Ясак и подати снова платить начинают, власть потому нас, казаков, здесь и держала. Лепота сплошная ведь для нее тогда становилась, платят ведь, доход государю-императору постоянно идет!

– Как крестьян? Пороли? – с некоторым знанием предмета спросил Артемов, почитавший исторической литературы. Подкован был теоретически, а теперь и с практикой ознакомлен. Еще бы не знать – пороли без затей, полируя задницы, недаром во всех книгах речь о казачьих нагайках шла.

– Зачем? – искренне удивился Лифантьев. – Мы с инородцами поступали иначе. В чан с водой макали и там держали, чтоб нахлебался до дури. А водица-то холодная еще, колодезная – враз трезвели. А потом в глотку гусиные перья засовывали – бурят все нутро норовил выблевать. И так несколько раз – махом отучивали водку жрать. И на тарасун такой страдалец потом целый год смотреть не мог!

– И ты его...

– Я его в чан макнул, а он на меня ругаться стал, – и Кузьма великолепно скопировал говор пьяного бурята. – У шорт, одна... хо. У ты... гх...ын... ха... Билять, ха... р... Ойе-е-е, ех, да!

– И что ему сказал?

– Ах, ты еще и лаяться посмел, зараза. Спутал его, как в старину наши казаки аманатов вязали, к седлу аркан привязал, да погнал коня по бережку, а он по Иркуту за мной стелется, бьется в воде, как налим. Мы в седьмом году из крестьян всю блажь тем же способом вышибали, но они, как щуки, извиваются, или ногами, как ленки хвостами, по воде бьют.

– То-то я смотрю, мужики бурят налимками обзывают, а те их щуками или ленками. Так вот откуда обзывалки идут! – теперь и Пасюк, к удивлению Родиона, задумчиво покачал головой.

– Не знал, что тому причиной.

– Со старины идет, только вот позабыли давно эту «науку», оттого и напоминать изредка приходилось. А сейчас все, хана. Сопьются теперь буряты в черную. Раз иркутское казачество своим декретом Советская власть отменила, то сопьются. Видит бог, вся долина теперь сивушным духом пропитается, на века, и не выветрится...

Начальник Полевого штаба РККА Борис Шапошников

– Что вы можете сказать мне по поводу этой записки, товарищ Шапошников?

Создатель и главнокомандующий Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как любили его часто именовать в советских газетах, пребывал в крайне возбужденном состоянии, если не сказать больше. Черные, чуть навывкате глаза за толстыми стеклами очков гневно сверкали, козлиная бородка, лелеемая со всей тщательностью, сейчас тряслась, новая кожаная куртка угрожающе поскрипывала.

Троцкий разъяренным зверем, вприпрыжку, как сбежавший с занятий гимназист, прошелся по кабинету, лихорадочно потирая руки, словно пораженный чесоткой в самой последней стадии болезни. На выдающемся хрящеватом носу застыли мелкие капельки пота.

Таким знаменитого на весь мир «льва революции» начальник Полевого Штаба РККА, бывший полковник Российской императорской армии и выпускник Николаевской академии Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников видел впервые. Но ответил честно, с недоумением пожав плечами, как бы демонстрируя свое настоящее отношение к большому листу бумаги с неровно наклеенными телеграфными строчками.

– Сведения по польской армии приведены верные, товарищ Троцкий, и им можно верить, так как подтверждаются полученными разведданными и показаниями пленных. Могу сказать только, что информация, изложенная в этой записке, устарела – поляки вчера взяли Киев...

– Устарела?!!!

Борису Михайловичу показалось, что наркома по военным делам словно ткнули в тощий зад острой шпилькой. Троцкий подскочил на месте, побагровев от ярости, которую он уже не смог сдерживать, и громко зачастил, срываясь на крик и брызгая слюнями на отглаженный френч бывшего полковника, который со стоицизмом спартанца не обратил ни малейшего внимания на столь неподобающий для «маршала революции» моветон.

Ничего не поделаешь – партийные товарищи хоть и управляют министерствами, но зачастую ведут себя как совершенно невоспитанные люди, хотя некоторые из них вроде в университетах учились.

– Устарела?! Таки вы считаете?!

Шапошников хладнокровно смотрел на взбесившегося Троцкого, не понимая, в чем причина столь неадекватного поведения начальства, всегда рассудительного и весьма энергичного.

Но чтобы вести себя вот так?! Это просто не укладывалось в голову! Из-за двух десятков телеграфных строчек с информацией, пусть и верной, но сейчас совершенно не имеющей никакой ценности.

– Эту телеграмму мне передал сегодня Дзержинский, сам!

Троцкий заскрежетал зубами от гнева. Шапошников мысленно усмехнулся – ни для кого не было секретом, что между предреввоенсовета республики и главой всемогущей ВЧК, как говорится, «собака пробежала».

– А он ее получил из Иркутска еще в апреле, за две недели до польского вторжения!

– Что?! За две недели?!!!

Шапошников на секунду потерял присущую всем генштабистам выдержку, но тут же опомнился, моментально став предельно осторожным. Однако, собравшись с духом, твердым голосом все же произнес:

– Товарищ Троцкий, но этого быть не может!

Глава вторая. Александр Пасюк

– Буряты, вообще-то, Иркут боятся, если ребенок тонет, вытаскивать не станут. Судьба, мол, Бурхан забрал! Вообще... они редко моются!

– Почему?

– Счастье смыть бояться! – хмыкнул Лифантьев. – Как лама хэчик делает, то есть... обряд специальный для зазывания счастья в дом, они вообще мыться перестают. Бани у них редко встретишь, и те по-черному топятся. И заводят их оседлые только, что с нами долго общались... да рядом жили. Но мало таких в Тунке, хонгодоры больше особняком живут.

– Но ведь и не кочуют теперь?

– А где им там кочевать прикажешь? Это ведь не здешние степи. Они к своим участкам привязаны. Совсем небольшим, если честно говорить. Избы теплые там строят, для зимы, рядом летние юрты ставят, о восьми углах. В них до морозов и живут. Потом в тепло перебираются, а как снег сходить начинается, снова в юрту заселяются. Рядом ставят юрты для поварни и амбара, если надо, то складывают из бревнышек ледничок на лето – молоко в холоде хорошо хранится.

– А где ставят-то? На равнине, к воде поближе?

– У склонов гор или сопок, с тайгой рядышком. Зимы холодные, топить много надо. А потому дрова возить ленься, селятся так, чтоб лес под рукой всегда был. Мы вокруг Тунки все давно вырубili, теперь издалека возим или покупаем. Это шимкинским казакам хорошо, у них леса много, под рукой тайга. А нам посреди степи трудновато.

– Так что, буряты здесь не кочуют?

У Пасюка в голове все перепуталось так, что без бутылки не разберешься: то Шубин говорил, что оседлых хонгодоров мало, а теперь Лифантьев чуть ли не обратное утверждает.

– Так богатые буряты на одном и том же месте завсегда живут, но в селения не селятся, а, значит, оседлыми считаться не могут. Скот они летом на пастбища гоняют, там круглый год с ними пастухи только. А вокруг стойбища сенокос определяют, стожки на зиму ставят, чтоб под рукой постоянно сено было, животине задавать. Здесь же и огороды корчуют, но овощей сажают мало, так только, для близиру – картошку кое-где, лук, чеснок, да морковку. И все.

– А кого богатыми считают?

– А ты что, не знаешь? – удивленно переспросил Лифантьев.

– Так откуда мне знать-то, – возразил Пасюк и пояснил: – У нас на Кубани мерило богатства одно, а у вас другое. Это как красота – у горянок одна, у здешних, я уверен, другая. Только сравнить нужно.

– Тут ты прав, глаза у наших басаганок больно выразительные! У нас богатых в Тунке по запашке определяют. Если больше дюжины десятин на двор вспахал, то зажиточным хозяином считают. Меньше запахал, но больше, чем полдюжины десятин, то справным называют. Ну а всех остальных бедняками именуют. И коней считают – у нас с братом шесть рабочих, а этого достаточно. Плюс две кобылы жеребые да еще два строевика, – он загибал пальцы. – У отца еще пять, включая кобылу и Петрова строевика. Мы хозяева зажиточные, хотя есть и побогаче нас. Ну, у кого одна или две, то бедняк, значит. А безлошадников у нас нет. Хотя вру! Кузнец коней не держит и не пашет, но доход такой имеет, всем на зависть.

– Так оно и есть – добрый кузнец богато живет! – согласился Пасюк.

– А здесь токмо по одному скоту буряты считают. Меньше десяти голов на душу, то нищета полная. Три десятка есть – справен, ну а полсотни голов и более – богатым сочтут.

– А этот Баян богат?

– Щелбанов-то? Таких казаков у нас нет – справные все, зажиточных много, а вот

некоторые буряты и в Тунке и здесь бо-га-тые! – казак по слогам произнес последнее слово, с завистью нескрываемой и дрожанием в голосе. Потом добавил:

– Потому исправник сразу и схватился, казаков вытребовал – хонгодор этот податей много платит! Тайша, глава рода целого! Табун у него в полтысячи голов, стадо в тысячу, а в отаре тысяч десять овец. Два десятка пастухов одних только. Беда у него случилась – сын единственный в Иркуте утонул, вот и запил. Еще мальчика он усыновил, но тот когда подрастет-то? Старшую дочь, кривовата на бок девка, ногу подволакивает, за примака отдал, а потому калым не требовал. Тот на него батрачит – обычай таков! Да две женки, вдовица, ее девок малых две, старшая дочь девку родила тоже, да выводок из трех младших дочерей. Одни бабы на стойбище, десяток добрый – тут волком взвоешь, а не то, что запьешь!

– А землицы у него сколько?

– Как сюда перебрался, то хозяйство вдвое богаче стало. Имя свое оправдывает – «богатство», значит. Земли им мунгалы не пожалели, всех наших беглых хонгодоров щедро наделили – братьями считают, но младшими. За тем леском его пастбища тянутся, вон до той горушки, да почти в полторы версты в поперечнике.

– Так до нее верст шесть будет, а то и больше?! – потрясенно вымолвил Пасюк, прищурив глаза. Размер владений его впечатлил, это тебе не шесть соток, что щедро отмеривали для дачных участков. Пусть даже на небольшой род дано – но столько?

– Почти семь, – завистливо, в тон, отозвался Александру Лифантьев. – Тысяч пятнадцать десятин, никак не меньше. А то и двадцать. Да еще тайга с горами примыкает, кто там будет считать?!

– Оно так, – произнес Пасюк и еще раз оглядел окрестности. Сам бы так жил, всю жизнь мечтал. Но спросил о другом: – Слушай, ты говорил что-то про бурятских женок?

Родион Артемов

– Так он, как мусульмане, жен может иметь сколько сможет?

Разговор о женщинах привлек внимание Родиона, который в последнее время стал тосковать по отсутствию слабого пола. Нет, с казачками, замужними и девками, он разговаривал на заимке часто, но свое обаяние в ход не пускал, сразу всей шкурой поняв, что здесь с этим делом строго – за шашни утопят махом, и не в колодце – выгребной яме. Поневоле затоскуешь о свободных нравах будущего века.

– Не, это у басурман жен много, а у бурят и монголов только две. Ну, если очень богатый или князек местный, нойон или тайша бурятский, то три женки. Но то редко встречается. Старший сын у богатея тоже двух жен иметь может, но мало кто из хозяев это позволяет. Калым большой платить нужно, да содержать женок, золото-серебро на шею вешать.

– А большой выкуп за жену просят?

– Полсотни золотых, да не мелких, в пять рублей, а покрупнее, в империал или полтора десятка целковых. И то это малый калым. Иной раз вдвое больше платят да другие подарки делают родителям жены будущей, скотом, к примеру.

– Бедняк и не женится, где он такие деньги найдет?! – Пасюк рассудительно поморщил лоб.

– Так способы разные они выдумали. Бедняка могут в примачи взять, тот вместо калыма на тестя всю жизнь батрачить будет, и слова поперек не скажет. Еще сговаривают адляй – у кого по сыну и дочке есть. Брачехами меняются. У сыновей по жене есть, и калыма платить не нужно. Иной раз младший брат вдовицу старшего в жены берет, опять же дело семейное, да второй раз калыма платить не нужно.

– Девки, видать, в большой цене?

– Да нет. Охотно берут с нагуленным дитем – хороша, опытна, как женка, значит, и не бесплодна. Часто, если рабочих рук не хватает, сына женят чуть ли не младенцем, лишь десять лет исполнится. А женке все двадцать, а то и больше. Я одного бурята знаю – ему шестнадцать лет, женке тридцать с лишком, четверо деток от семи лет до грудничка.

– Что?! – поразился Родион, и подавился смехом. – Хм. Так как он мог детишек в восемь лет настругать?!

– То дело семейное, тятя, видать, помогает, или кто другой. У бурят это дело обычное, когда жена много старше. Она и нянька для мужа, и работница по хозяйству. Я же говорю – не дурни они темные, а люди расчетливые и выгоду свою понимают.

– У нас муж намного старше! – Пасюк с достоинством погладил усы. – Он и хозяин, и на своих ногах стоит крепко. Да и дури у зрелого казака уже нет, службу казачью оттянул, теперь на домашних делах может много заботы проявить.

– Оно и верно, – Лифантьев чуть хихикнул, – токмо молодая женка в постели намного слаще старой!

– Да ну тебя, – отмахнулся Пасюк, – глазки масляными стали. Ты лучше скажи мне, почему здесь казаки охотно буряток в женки берут?

– А что их не брать-то?! – изумился приказной. – Это у вас на Кубани инородцы сплошь мусульмане, а здесь с этим делом просто. У нас казаков больше, чем девок, рождается. Казачек нехватка постоянная, кого брать прикажешь? Селяне за своих держатся, девок своих неохотно отдают. А с ясырками проще простого – присмотрел себе красивую басаган, по сердцу пришлась, и умыкивай.

– И калым платят?

– Дурни мы, что ли?! Сами за нас охотно бегут. Вот у атамана прабабка, ох и красивая была брачеха в девках, многие говорят. Умыкнула она его прадеда, таких казаков лихих ему нарожала, любо, дорого посмотреть. Да сама казачкой домовитой стала – огород у Шубиных всем пример. Каких гусей развела?! Ведь в улусе ни единой птицы не было. Всему разом научилась. А по Селенге и Джиде такое сплошь и рядом – все казаки там гураны, а то и чистокровные буряты, даже по-нашенски не говорят. Там все перемешалось давным-давно.

– Умыкнула деда?!

Родион отвесил челюсть в изумлении – по простоте душевной он почему-то считал, что только казаки могли быть инициаторами этого дела. Но вот такое и в голову прийти не могло.

– Да ты пойми, паря – ясачной за служивого выйти в старину честью великой было. Разом положение меняла, а вместо тягла почет и слава. А это в их глазах ох как много. Да и суеверие к тому же.

– Это какое?

– В шорта они верят. И постоянно поминают. А так она вроде от черноты этой разом отрекается. По-новому девка жизнь начинает, окрестят ведь ее. И все – крещеная душа шорту не подвластна, эрлик ихний, с мангусами вкупе, душе христианской ничего сделать не могут, да и клинок казачий надежной преградой будет. Да кого силком умыкнешь-то?! Долина малая, всем про все известно. Перероднились на сто рядов.

– А за бурятов девки выходят?

– Не припомню такого, – сразу ответил казак, – да и зачем им, если своих женихов достаточно. Даже курицы и то сор лапой долго гребут, что ж говорить про девок. А потому ясырки дюже привлекательные. А наши... У Шубина сестра молодшая честь девичью не соблюла, так атаман ее силком за бурята с Туранского караула замуж отдал – теперь в Босхоловых еще одна казачья кровь в жилах потечет. А так больше и припомнить нельзя!

– Это верно. Что ни попадетсЯ, а казак наберетсЯ, – Родион осексЯ, больно поговорка была

подходящей. Что-то было в этом – не по тяткиной воле жениться, как в старину, или дружить по полгода в одной постели, как он делал, а вот так взять и умыкнуть запросто женку, которая тебя во всем слушаться будет и права свои не качать – об эмансипации здесь ни сном ни духом не ведают.

– Ты не думай, вашбродь, отдохнем знатно, если нас приветят. Сейчас все своими глазами увидишь. Приехали мы к Баяну, сейчас посмотрим, как он гостей служивых привечать будет.

Начальник Полевого Штаба РККА Борис Шапошников

– Записи были переданы командованию нашей 5-й армии в Иркутске, но им, судя по всему, не придали должного внимания, сочтя фальшивкой или дезинформацией! Понимаете ли вы это?! И я вынужден узнавать о том спустя три недели, причем меня проинформировал сам Дзержинский!

Шапошников даже не поморщился, услышав гневную тираду Троцкого, так как сам пребывал в точно таком же возбужденном состоянии, чувствуя, как его ладони покрылись противной влажной липкостью и последними словами мысленно проклиная головотяпство, а другого термина тут не подберешь, иркутских товарищей.

Да любой офицер генерального штаба старой российской армии, получив столь серьезные данные касательно вооруженных сил враждебного соседнего государства, что планирует развязать войну и заканчивает все свои военные приготовления, немедленно отправил бы сообщение хоть в генштаб, хоть военному министру. А в такой ситуации и лично доложил бы, презрев возможную немилость, государю-императору.

«Учить еще и учить, «товарищей». Да имей я эту информацию заблаговременно, можно было предпринять ряд мер!» – Шапошников до хруста сжал кулаки, прекрасно понимая, что утерянного времени не вернешь, а война с поляками приняла крайне неудачный ход.

– И вот еще какое дело, Борис Михайлович...

Троцкий совершенно успокоился, полностью взял себя в руки, потому обратился к военному уже по имени-отчеству, что было немаловажным для того знаком.

– Чекисты почти ничего не сообщили об этом деле, сохраняют молчание. Но они передали мне копию записки, оригинал которой находится в штабе 5-й армии. Как и неизвестные нам пока материалы, которые, я не сомневаюсь, могут иметь определенную ценность. Потому сами немедленно разберитесь с этим вопросом и сообщите мне имена виновных в сей вопиющей халатности. Таких бездельников нужно немедленно предавать военному трибуналу и беспощадно расстреливать!

Потребовалось все хладнокровие, чтобы не вздрогнуть при таких словах, которые в устах Троцкого являлись отнюдь не пустой угрозой. «Лев революции» железной рукою навел порядок в Красной армии, карательными акциями и экзекуциями, демонстративными для вящего убеждения, приведя к полному послушанию даже самую упертую вольницу, наведя на нее жуткий страх. А уж про поезда самого наркомвоенмора, сопровождаемые всегда бронепоездами, говорили с нескрываемым страхом в голосе.

Но именно так и надлежало действовать – Шапошников был ярым противником «революционной» армии образца 1917 года, когда ошавевшая от вседозволенности солдатня всячески издевалась над офицерами и даже убивала их самыми зверскими способами.

Борис Михайлович тогда прошел свой круг ада, оставшись единственным «их благородием», коего не умертвили пьяные солдаты. Но это не оттолкнуло его от сделанного выбора – служить русскому народу. А менять свои убеждения он и не умел, и не хотел...

– Надеюсь на вас, Борис Михайлович! С этим вопросом нужно разобраться как можно

быстрее!

Шапошников вытянулся по всей форме – раз приказ получен, его нужно немедленно выполнять.

– Так точно, товарищ Троцкий! Я незамедлительно отдам все нужные распоряжения!

Глава третья. Александр Пасюк

Пасюк испытал жгучее желание протереть себе глаза, которым он не мог поверить, или ущипнуть. То, что сейчас Александр увидел, напрочь крушило все его представления о жизни бурят.

Какое на хрен стойбище!

Да еще эти дурни, считающие бурят грязными оборванцами, а себя пупами земли. У самих избушки на бок заваливаются, в обносках ходят и соломку с крыш весной поедают, гунявые.

И туда же – мы, расейские!

Перед глазами Пасюка стояла самая настоящая заимка, похожая на шубинскую, или, скорее даже, кулацкий хутор, с поправкой на сибирский размах. Виденное им зажиточное, как ему тогда показалось, бурятское стойбище у Тибельтях, теперь выглядело типично бедняцким хозяйством.

Какие там дырявые юрты, что он считал типичным жилищем степняков?!

Три добротных дома с кирпичными печными трубами, с наличниками, украшенные затейливой резьбой, что даже у небедных крестьян редко встречается. Умелый столяр делал, не иначе.

Рядом стоял сруб возводимого дома, кучей возвышались бревна и сложенные штабелем доски. За ними банька, топящаяся по-черному – уж больно много копоти над притолокой. Пяток добрых и обширных стоек из бревнышек, вместо ожидаемых в деревнях сараев. А поодаль десяток навесов, обшитых новыми досками, с большими огороженными выгонами, где громко мычало множество коров и ржали лошади.

Да еще уймище стожков сена, сложенных поодаль, оставшихся после зимовки. Там же несколько «П»-образных загонов для овец, длинная, уходящая вдаль, поскотина. Все крепкое, добротное, сделано с тщанием и немалой любовью.

Куда там новоселам до этого, да и многие старожилы, отнюдь не бедные, такого просто не строят. А так, поплоше.

А что это именно бурятское стойбище, а не выселок богатых крестьян, было понятным от ставленных в стороне от домов пяти больших юрт. Еще одно бросилось в глаза: около юрт на шестах колыхались маленькие яркие шелковые ленточки.

– Что это? Никак, сполохи?

– Не-а! – Лифантьев устало потянулся в седле. – Буряты, они налимые и есть, ленивые до ужаса рыбы! На этих тряпицах их ламы начертали молитвы: ветер их полощет, вот молитвы и читает за хозяина, и духов злых отпугивает заодно!

– Да! – только и оставалось протянуть Пасюку, оглядывающему юрты. Именно здесь кипела жизнь – с двух юрт шел дым, сновали девки и бабы в длиннополых халатах, маленький бурятик лет шести задавал коням сено,нося его охалочками, умело орудуя маленькими вилами.

– Ого, такой малой?!

– Они с пяти лет помогают, – знающе пояснил Лифантьев, – пастухами или сено скотине задают. В десять всю косит, в двенадцать сбрую сделает, или с кожи сам сошьет, а в четырнадцать полноценный работник. Вот тогда и женят его.

– Дом новый строят?

– Ага. Вообще-то они не любят в старых или ветхих домах жить – махом сносят. Потолки всегда моют, скребут. Лес-то рядом, и бесплатный. Бери не хочу – тайга ведь кругом. А степь сюда только узким клином проходит. Вот тут он и обосновался, место очень удобное. А вот монголы тайги да гор не любят, им простор нужен.

– Понятно. Потому-то он здесь и обосновался, раз место пустовало. А в Тунке куда дома свои дел? Продал?

– Бросил. После того как я его выпорол, он пить бросил и сюда подался, людей своих, имущество и скотину только взял, а дома бросили. Крестьяне, что победнее, обычно такие дома себе увозят. Так и кружат рядом, когда узнают, что богатый бурят харханай. Ждут, когда закопают хозяина, землю на тело сверху набросают, сани перевернут да коня рядом оставят. Он, конь-то, становится хуилган, и ни один бурят его не возьмет. А селяне это дело живо пронюхали и таких коней к себе уводят. Да еще сани прихватывают. Потом еще и разобранный дом уволакивают. Чего добру пропадать. Тьфу!

Две огромные косматые рыжие с подпалинами собаки лаяли не переставая, но близко подходить к казакам не осмелились. Умные нохои не сводили глаз с плетей, видно, псынам была хорошо знакома эта штука. Но тут молодая девка цыкнула на собак, и те быстренько убрались за юрту.

– Ну, вроде, хозяину достаточно дали времени для сборов, пора со старым знакомцем пообщаться.

– А может, он на тебя давнюю обиду показывает?

– Так это не обида нам будет, а оскорбление. С ним посыльный атамана заранее переговорил. А мы хоть и гости, но при винтовках и шашках, служивые. А он это понимает.

Лифантьев неторопливо спешил, взял коня под узды, но к бурятским юртам подходить не стал. Пасюк тоже спрыгнул с седла, уже умело, и с вопросом посмотрел на словоохотливого казака. Тот просто пожал широкими плечами в ответ.

– Правду говорят, что Баян где-то в горах на золотую россыпь в ручье нарвался. И намыл много – иначе бы за семь лет такую усадьбу не отгрохал. Тут на него не меньше трех десятков аратов, пастухов, работают – скот-то весь в степи, а это так, при себе на корм держат.

– Что?!

Пасюку поплохело – теперь он понял, что такое «очень богатый бурят». А его хозяйство именно такое впечатление производило.

– В Тунке побогаче тайши есть, у них даже обычные родовичи хонгодоры зажиточней любого казака, – Лифантьев словно прочел его мысли. – Вот здесь и отдохнете три дня, а там казаки подъедут, и отправитесь с конвоем до Даурии. Целых две недели в седле проведете – не шутка тысячу верст отмахать.

– Отдохнем? А ты как же?

– Семен Бобков к вечеру подъедет, меня сменит, если хозяин приветить меня откажется. Чаем напоит, и хорошо – пусть и в обиде он на меня за купание. На чай с молоком, что нужным гостям подают, не очень рассчитываю. Тем более на мясо, что важным гостям или родичам положено...

– А если он такую бяку нам сделает?

– Поедем обратно, только коней напоим – вода в степи общая. А вот закон гостеприимства нарушать нельзя, то уже нашему атаману оскорбление будет! Но вряд ли, это я краски сгущаю. Просто на два дня раньше прибыли, вот они и не подготовились. Андрей Иванович решил вам побольше отдыха дать, а потому ныне утром и отправил, не стал послезавтра ждать.

Всадники отвели коней в пустой выгон, ослабили подпруги, и ровным шагом пошли к большой юрте, поправив на ходу патронташи на груди и винтовки за спиной, ухватившись ладонями за рукояти шашек.

За эти три недели они с Родионом попали на самый натуральный «КМБ», который им Шубин устроил лично – гонял как сидоровых коз, обучая верховой езде, шашечному бою и долбя мозги обыденными здесь для офицера и казака вещами, начиная от уставов и кончая

различными житейскими сложностями.

Так что вчера Пасюк уже подумал, что до поездки в Читу не доживет – сильно болело все тело. Что же говорить о его молодом товарище, который даже после побоев в ЧК выглядел намного лучше. Так что отдых пал на них манной небесной...

На молоденькой степнячке Александр поневоле остановил взгляд – красивая девка, глаза как бездонные колодцы, стройная как березка. Но та почему-то посерела лицом, засунула кулачок в рот, оцепенев от накатившего ужаса, но опомнилась и порскнула за юрту.

– Чего это она?

– Галсан это, «счастье» по-ихнему. Хороша девка, о ней тебе и говорил. Чем-то ты ее напугал?

Тут из-за юрт высыпали бурятки в немалом числе – все принаряженные, и когда они успели, Пасюк так и не понял. Вроде крутились, и бац – на всех мониста богатые, из серебряных монет и украшений, а на одной даже золото поблескивает. Халаты чистые, у пожилой атласный, мехом оторочены. Шапочки с висюльками из серебра и золота, косы тоже украшены, но не у всех – только у девок.

Коня, а то и двух, на украшения одной брачехи купить можно, причем строевиков. А со всех снять – так полувзвод оконить на раз можно – тут оценить было легко, памятуя недавние шубинские уроки. Не бедные у хозяина бабы, хорошо их содержит.

Да, видно, прав Кузьма Лифантьев – золота в своем таинственном ручье Баян немало намыл, оттого монголы их так по-доброму приветили да устроиться на месте помогли...

Родион Артемов

Молодая женщина чертами своего лица походила на гуранку, с изрядной примесью русской крови: и кожей светлая, и волосами, нос прямой. Куда там юной буряточке, что юркнула в юрту от испуга. Девка несмышленная, угловатая, а здесь есть за что подержаться. У Родиона в зобу дыхание сперло от внезапно проснувшегося мужского желания, и он удивленно покосился на Лифантьева, требуя пояснений.

– Вдовица это. Эрдени звать, «драгоценность». Нагулена от наших.

– Как так?

– У них с этим делом просто. Даже пословица есть. Не важно, чей бычок огулял, телочка-то наша!

«А ведь выгорит дело, выгорит! Посмотрела-то на меня как, со значением и обещанием!»

Внутри у Родиона все закипело от страсти, что ударила его по голове и еще одному месту. Он повернулся к Лифантьеву, и тот, поняв, какие мысли обуревают молодого парня, озорно подмигнул:

– Ты не теряйся, она тебя одарит ласкою. Вона как посмотрела, меня даже завидки берут...

Приказной осекся – из юрты вышел дородный бурят, годами в самого Пасюка, чуток постарше, может быть, и направился прямо к ним. Одет был в атласный халат, но отороченный соболем, да шапка с тем же мехом, а пояс блестел – пряжка и та золотая.

Богатая одежда!

– Мендо – о! – радостным и звучным голосом произнес дородный хозяин и низко поклонился Пасюку, скользнув взглядом по погонам подъесаула, затем Родиону, и лишь потом поклонился Лифантьеву, но не так низко, хотя эта разница была еле заметна.

– Амор сайну соджи байну! – ответил приказной, Родион эту фразу следом повторил. Он ничего не понимал – «мендо» его ошарашило. Ведь буряты так приветствуют чуть ли не закадычных друзей.

Последовал короткий уважительный разговор на бурятском языке, который Родион, понятное дело, не понял. Зато интонации говорили ему о многом, а взгляд, любопытный, испытывающий и немного испуганный, что бросил на него и Пасюка Баян, только усилил недоумение Артемова. У него сложилось впечатление что его, именно его, здесь ожидали. Ну, может, и Пасюка, но никак не Лифантьева.

Сопровождаемые любезным хозяином, трое прибывших гостей вошли в юрту. У входа, на низкую лавочку, сложили винтовки и сняли патронташи, оставив кобуры с револьверами на ремнях. В стороне от входа стоял небольшой диванчик, сапа, на который казаки сразу и присели, поставив шашки между колен, чтоб не мешались, – Родион уже знал, что к шашке тут совершенно иное отношение.

Убранство большой юрты произвело на Артемова большое впечатление, он впервые находился в природном бурятском жилище, тем паче чуть ли не на век раньше.

На середине находился очаг, устроенный на кирпичной площадке, так называемой гулумте. В центре возвышались три камня, между которыми и разводили огонь. Увидев, что Родион смотрит на них, Лифантьев бросил одно слово – «дулей».

Весь пол внутри юрты, за исключением гулумты, был дощатым, чуточку приподнятым. Стена напротив входа была самым разукрашенным местом. Там стояли поставцы и шкафчики с множеством буддийских божков и фигурок, висели разноцветные куски ткани, на некоторых были нанесены письмена. На других внутренних стенах юрты были развешены цветастые занавески – «теки».

Сам диванчик, на котором сидели казаки, был удобен, буряты на него щедро накидали подушки из конских шкурок – «худаал». Другой мебели, кроме диванчика и сундуков, в юрте не имелось.

Весь дощатый пол был устлан ковриками-«хупсырами» из сшитых, выделанных с особенным тщанием шкур. Однако не охотой хвалился хозяин в отличие от русских или казаков, а своими большими стадами, если уж на коврики пошли жеребята, телята и ягнята с их мягкими и нежными шкурами. На коврах лежало множество подушек, и Родион сообразил, что пить чай придется, сидя на корточках.

Напротив диванчика стояло несколько сундуков, и самодельные, и узнаваемые русской работы, видно, покупные. Видать, в них хранится одежда или ткани. Сверху сундуки были тоже разукрашены и накрыты ковриками. Рядом с ними стояли шкафчики с множеством утвари – на полках теснились чарки и стаканы, жбаны и миски. Деревянная посуда чередовалась с металлической и стеклянной, на паре полок зимним светом отдавало серебро, а на одной полке тускло блеснуло золото.

На четырех резных столбах, держащих потолок, были развешаны полотнища с какими-то непонятными текстами и символами, фигурки и другие культовые предметы. Артемов покосился взглядом на Кузьму, так как Пасюк сам непонимающе щурил глаза.

– От ламы, – шепнул казак, и Родион кивнул, хотя, зачем такое вывесили, он мог только догадываться.

Хозяин все это время вел оживленный диалог с приказным, время от времени бросая испуганные, голову можно было дать на отсечение, взгляды на молчавшего Пасюка. А вот на самого Родиона посматривал с любопытством, с хитринкой, оценивающе.

Либо Баян не говорил по-русски, в чем Родион сильно сомневался, ибо глаза у буряты были очень смышленные, поблескивали умом и хваткой. Либо в этом была какая-то непонятная странность. И скорее всего именно второе, ибо чем дальше шел разговор, тем Лифантьев выглядел все более и более озадаченным.

В юрту одна за другойплыли три девчонки. Первая принесла и поставила на пол большое

блюдо вареного мяса, посыпанного какими-то сушеными травами. Вторая тщательно подсунула им под бока подушки, показывая и свое старание, и стройную фигурку, а потом положила у каждого гостя цветные бумажные полотенца. А третья девчушка тем временем шустро поставила чашки с солью и приправами.

«Да уж, грядет пир силен! Чаем тут не обойдемся, все будет намного круче и с истинно азиатским размахом», – подумал Родион и уже окончательно убедился, что их здесь ждали.

Готовое мясо об этом говорило! Но как, почему, кто предупредил, на это ответа у него пока не было. Но ждали именно сегодня, а не послезавтра, как утверждал сопровождавший их подручный атамана.

Стол, если можно назвать пространство на полу этим словом, все заставлялся и заставлялся едой и питием. Первая была бесхитростной – мясо в различных видах, какая-то молочная снедь и лепешки. О водке и самогоне и речи не было, даже малейшего запаха Родион не ощутил, хотя, как шутили в студенческую бытность, он спиртное за версту мог унюхать. Лишь кисловатый молочный запах перебродившего тарасуна. Но это неудивительно – буряты, как он знал, называют тарасун иден-архи, то есть питательная водка, и употребляют его как квас или простоквашу русские.

Саламата – из ржаной или пшеничной муки, сваренной с жиром и сметаной, не имелось, так же как и затурана – похлебки из муки, кислого молока, воды и всяких остатков – обычной для них пищи. А ведь буряты ее едят в будни, а это окончательно укрепило Родиона в мысли, что их ждали, давно и нетерпеливо.

Но ломать голову над этой загадкой парень не стал, он чувствовал, что рано или поздно ему все объяснят или сам догадается. Иначе просто быть не может. Голод уже полностью вступил в свои права над его телом и желаниями, и Родион отринул из головы все мысли – хозяин убедительно попросил отведать его хлебосольство...

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– И чего я здесь торчу головешкой ненужной?!

Ермолаев выругался сквозь зубы и почесал всей пятерней грудь. Вот уже вторую неделю он жил в Иркутске, спешно вызванный из Тунки. Нет, устроили его хорошо, грех жаловаться – в Политотделе 5-й армии, что занимал роскошный «Гранд-отель» в два этажа прямо в центре города, на Амурской улице – в нем раньше размещались эвакуированные из Омска министры колчаковского правительства.

Напротив, наискосок, выставило свои покарябанные пулями и осколками грязные стены здание бывшего Русско-Азиатского банка, бывшее место службы тех самых министров.

Жестокие следы гражданской войны, что бушевала в Иркутске два декабря, семнадцатого и девятнадцатого годов, бросались в глаза повсеместно – половина окон до сих пор была заделана фанерой и досками, так как стекла становились прекрасными мишенями...

– И что я здесь торчу?!

Ермолаев в который раз задал себе этот набивший оскомину вопрос и присел на свою кровать, по старой привычке, вбитой на длительной царской службе, аккуратно застеленной.

И было отчего задуматься – первые три дня его допрашивали только чекисты, въедливо и с пристрастием, а в штабе армии, куда он передал записи Артемова, лишь затребовали короткий рапорт, который он быстро написал.

И все, как отрезало: о нем словно забыли и в штабе, и в губчека! Пахом попытался определиться, попросил отпустить его в Тунку, ведь там остался его взвод, однако в ответ

получил категорический приказ – сидеть в Политотделе молчком и носа на улицу не высовывать, пока из Москвы не будет получен ответ на переданное из Иркутска по телеграфу сообщение РВС республики, или пока не получит перевода в ВЧК, согласно написанному под диктовку Либермана рапорту – начальник Особого отдела полка, вместе с ним прибывший в Иркутск, исчез в первый же день и ни разу не подал признаков жизни.

Вот и застрял Ермолаев капитально, хорошо хоть с ним в номере жил только один постоялец, свой «красный» чех по имени Ярослав и со смешной фамилией Гашек, служивший инструктором в политотделе. Вечерами, пока Пахом, терзаемый неизвестностью, молча лежал на кровати, уставившись в потолок, интернационалист сидел за столом и быстро строчил пером, исписывая груды бумаги.

Ермолаев заинтересовался, и не смог сдержать любопытства, которое, как известно, даже кошку сгубило. Два дня назад он дождался ухода Гашека на службу и воровато заглянул в бумаги. Прочитав десяток листов, медленно шевеля губами, Пахом понял, что чех пишет книжку про какого-то австрийского солдата Швейка, и сразу потерял интерес к записям. Ничего не попишешь – он хоть и умел читать и писать, вот только знаний и умений хватало на приказы, а не на какую-то беллетристику...

Громкий и уверенный грохот шагов, донесшийся из коридора, оторвал Пахома от терзаний – сердце в груди лихорадочно забилося: так могут ходить только вымуштрованные военные, торопящиеся по приказу – жестко и властно, чеканя каждый шаг.

Неужто к нему идут?! Наконец вспомнили?!

Он не успел подняться с кровати, как дверь открылась и в комнату, тесня друг друга широченными плечами, ввалились два командира в новом обмундировании, с красными звездами на фуражках и одинокими, как у него самого, «кубарями».

Вот только вооружены были эти матерые вояки чуть ли не до зубов, с наганами в кобурах и маузерами на ремне – глаза бешеные, словно желающие прожечь его насквозь.

– Товарищ Ермолаев! Вам приказано незамедлительно прибыть в штаб армии! Мы вас сопроводим!

– Ты это...

Кузьма выглядел смущенно, когда Пасюк поднял на него потяжелевший от сытости взор. Пиршество давно прервалось, хотя «стол» едва на четверть опустошили общими усилиями четверых здоровых мужиков. Больше есть никто уже не смог бы, даже под угрозой расстрела, и так последние полчаса давились кусками.

Беднягу Родиона, обожравшегося как удав и опустошившего чуть ли не бурдюк архи в одиночку, свалило с ног. Парень упал на подушки и принялся безобразничать, орошая их рвотой. Это был явный перебор, и Пасюк ожидал от хозяина если не грома с молниями, то укоризны. Но тот вроде даже обрадовался такому поведению, настолько Баян выразительно потер свои потные ладони друг о дружку.

Два вошедших с поклонами мордастых и кряжистых монгола бережно вынесли Артемова из юрты, так как парень снова устроился на опаскуженных подушках и начал выдавать такие рулады, что мешал степенным и уважаемым людям вести беседу. Заодно унесли и «орошенные» Родионом предметы быта. Сам Пасюк их бы отмывать не стал ни за что, только с пистолетом у виска, но тут восток, а оно дело тонкое.

В общем, расслабился «господин прапорщик» хорошо. Вначале парень пил молочное пойло, сморщив свое розовое детское личико, токмо через силу, давясь. Потом ничего, распробовал, покраснелся и стал неестественно оживленным. Хорошо в него пошло, только и делал, что все чаще и чаще прикладывался к вместительной серебряной чашке с черным узором чеканки. Так литра три жидкости понемногу одолел, хотя вперемешку. Сделал себе «молочный коктейль» – будет юноше поутру похмелье зверское, как проспится.

В своей молодости Пасюк однажды в гостях у хлебосольных казахов кумыса перебрал – мутило потом жестоко, в три погибели сводило, живот во все стороны света крутило.

Тарасун с архи то еще зелье!

Если их в больших количествах на «грудь» принять, на что способен лишь только русский человек в своем стремлении напиться, или «догнаться», что будет вернее, бьет просто наповал, как удар тяжелой кувалдой в лоб. Местным инородцам такой подвиг просто не под силу – привыкли-с.

– Я тут с Баяном пройдуся по окрестностям, а ты с нами не ходи, лучше отдохни в юрте... Устал ведь ты за последние дни, вашбродь! Мы скоренько, так что не беспокойся! Отдыхай, Сан Саныч!

Глаза Кузьма воровато отвел в сторону, и Пасюк понял – у казака с хозяином какое-то дело, требующее сохранности и отсутствия лишних ушей. Ибо говорить на бурятском, игнорируя офицера – невежливо, а секретничать в юрте на его глазах будет делом весьма подозрительным, вот и удаляются, прохиндеи, оставляя его в гордом одиночестве.

Однако дурных мыслей не было, коварства от хозяина ожидать не приходилось. Да и дурость это, а не коварство. Убить трех казаков можно, вот только на следующий день здесь все полыхать будет на сто рядов – такую тайну в степи не удержишь, как воду в решете.

Проводив взглядом вышедших, Александр в два приема и кряхтя, прилег на подушки, чувствуя, как по телу разливается теплота от съеденного. А употребил он сегодня немало – на душу пришлось фунтов восемь вареного мяса, телятины и чуть баранины, уж больно та жирная, сверху же пару литров архи залил – хоть и покрепче пива, зараза, но по мозгам бьет неплохо – перед глазами все очертания убранства немного расплывались.

В юрту проскользнула давешняя девчонка, Галсан, та, что его испугалась, тут же присела

на корточки напротив Пасюка, смотря прямо на него своими серыми внимательными глазами, и заговорила на русском, медленно произнося слова, немного их коверкая.

– Возьми меня своя жена! Здесь возьми, ребенка от твоя хочу! – девушка выразительно погладила себя по животу, как бы пояснив Пасюку, что от него требуется.

Но от слов юной буряточки Александра подбросило на подушках, кинув попеременно вначале в жар, потом в холод.

– Не понял тебя! Ты чего сказала, Галсан?! – прохрипел севшим голосом Пасюк, прекрасно все поняв. Вот только «жарить» девчонку в этой юрте, куда могли зайти в любую секунду, он не мог. Да и зазорно матерому мужику на отроковиц кидаться.

– Прости, я не так сказала! – на русском языке девочка говорила почти правильно, тщательно выговаривая слова. – Я хотела тебе сказать, как это... Возьми меня не женой. Просто возьми – эта ночь. Как жена возьми, на ложе! Бременеть хочу...

– Забеременеть, – машинально поправил ее Пасюк и осекся, но тут же спросил построжавшим голосом:

– Что у тебя за бзик, Галсан? С чего это ты?

– Лама вчера приходил. С отцом и мной говорил. У тебя вот здесь пятно большое, от рода унаследованное, – девочка коснулась пальцами левой руки правого предплечья мужчины.

– Как ты узнала?

От сказанных тихих слов Пасюка проняло до пяток. И он, вскочив на ноги, от волнения смог только прошипеть этот вопрос. Но девчонка правильно его поняла и обстоятельно ответила:

– Лама гадал по бараньей лопатке, тебя видал. Его другой лама посылай! Великий лама, Панчен-лама! Он тебя глядел, много лет вперед видел! – буряточка задумалась и показала ему пальцы на ладонях, потом сжала в кулачки, оставив по одному пальцу.

– Восемьдесят лет тому вперед?!

«Ох ты! Это что за Нострадамус местного разлива? Раз он меня видел, он должен знать, как мы сюда попали! А нет ли возможности вернуться обратно?»

От первых пришедших в голову мыслей Пасюка бросило в горячечный пот, и он молча рухнул обратно на подушки.

– Лама мне говорил – сына от тебя зачинай! Скоро делай! Беда грядет – на мой род, на твой голова. Всем худо будет!

– Какая такая беда? Что ты мелешь?

Пасюка снова пробрало до пяток плохое предчувствие, которое затем прокатилось по телу – и все от слов бурятки.

«Выходит, лама и последствия гражданской войны видел? Или только для Баянова рода напроорочил? Нет, скорее всем им тут хана будет! Нужно выбираться и поскорее...»

– Хараал на нас, лама сказал!

Буряточка потрясла его за рукав, выдернув из размышлений – глядела большими глазами, в которых плавился страх и собирался капельками слезинок в уголках блестящих бездонных серых очей.

– Харханай всем! Искупать нужно, кровь мешать нужно – одбэ рожать. У тебя отхон нет, хорошо... Рожать казака тебе буду! Один рожать, три рожать, пять рожать! Басаган рожать раз, казак много рожать...

Пасюк медленно охреневал – девочка знала, о чем говорила и с напором требовала. Что такое отхон он знал – младший сын. Только откуда она узнала, что у него детей нет, ни старших, ни младших?

Ох уж, поговорить бы с ламой, откуда у него такое ясновидение! Именно поговорить – он

уже понял, что судьба привела его не туда, куда нужно.

– Калым давай не надо! – по-своему поняла его молчание девчонка. – Отец рад будет – землю давай, много давай. Может, сто делянок давай. Скот давай, арат пасти будет. Я хорошая жена буду. Сапсем...

Торопливо сказанные слова добили Пасюка – это ж надо, за него самого богатейший калым дают, лишь бы женился, и не на уродине какой, а на красавице, чья кровь явно не только брачеховская кровь – личико у девки светленькое и носик чуточку прямой и тонкий!

Но смех смехом, а внутри душа была натянута струной. Буряты не дурни, они люди расчетливые, и если предлагается такое, все устои за раз единый опрокидывающее, то видно, сильно их допекло, и угроза грядет для них нешуточная!

Но вот так запросто пойти в примачи к богатому буряту он не мог, да и не привлекала его дальнейшая жизнь в глухом кочевье. Какая женитьба! В душе все вопило от осознания того, что есть, хоть и слабенькая, надежда выбраться!

– Не могу на тебе жениться, Галсан! Не могу!

– Я хороший жена буду...

– Не могу! – отрезал Александр стальным тоном, и увидел, что девчонка побледнела как полотно. Галсан всхлипнула и уцепила его пальчиками за рукав гимнастерки.

– Жениться не надо, дитя мне делай!

– А если я откажу...

– Отец меня харанхай!

Просто и печально ответила Галсан, и потому как лицо ее дрогнуло, Пасюк понял, что это не бред, а очень серьезно.

– А почему Баян со мной не говорит?

– Лама не велел! Сказал – басаган все решай!

– А зачем Лифантьева увел?

– Никто не мешай с тобой говори. А ему добрый морин дари, отец водка пить отучайся!

– Понятно, – крикнул Пасюк и досадливо подумал – куда ни кинь, везде клин. Вон, у них все продумано: даже Лифантьеву, даром что злобу бурят на него имел, сейчас ради такого дела хорошего коня подарили, лишь бы подольше его задержать снаружи!

Откажет он девчонке – ее в жертву принесут или просто убьют, чтоб от всего рода заклятие и возможную смерть отвести.

– Отец тебе сейчас тоже дари морин, хороший. За дитя дари, – девушка с трудом произнесла это слово, погладила себе живот и торопливо добавила: – Седло казачье дари, улус делал, с алтын узда. Там стоит, сегодня сам забирай, веди с собою!

Пасюк вздохнул – девчонка неправильно поняла его досаду: мол, казаку коня подарили, а ему нет, обидно ведь, и грубовато, но строго произнес то, на что решился:

– Отцу скажи – ничего давать не надо! Дите я тебе и так сделаю, раз оно вам требуется. Вот только как насчет благополучных дней для зачатия, а то вхолостую ночь с тобой пройдет? Понятно?!

Девчонка торопливо закивала головой, а из глаз покатались крупные слезы. Она не совсем понимала, что говорит казак: если замаскированный отказ, то для нее это станет...

– Как тебя, такую пигалицу...

Пасюк скривился, выбора у него не было. Победят моральные устои – погубит девчонку. Он решил, что некуда деваться, да и месяц воздержания свою роль сыграл, и то, что Галсан была не только красивой, но и крепенькой, как все степнячки. А, значит, и вытерпит процесс, и будущего ребенка выносит, раз лама так приказал.

– Ну что ж, будем делать тебе дитя! Понятно?!

– Зай! Зай!!! – радостно всхлипнула девчонка, мгновенно поняв, о чем идет речь, и мигом принялась раздеваться, словно заправский духобор.

– Зай, зай – банзай! Ложись давай и не болтай!

Родион Артемов

Это была не жизнь, а сказка! Афинская ночь, право слово!

Горячее женское тело обжигало, но уже не возбуждало. Приглянувшаяся ему поутру буряточка, та, которая «Драгоценность», оказалась прямо ненасытной нимфоманкой, испив его досуха, буквально до последней капли. Выжали как лимон и, судя по игривым касаниям, хотели продолжить сей увлекательный, но изрядно утомительный процесс.

– Нет, нет, Эрдени! – Родион искренне взмолился. – Хватит на сегодня, я уже больше не могу. Не надо... Да сколько можно! Я же человек, а не секс-машина какая-то, батарейки у меня разрядились! Спать, давай спать, вон рассвет уже наступает!

Небо в очаговом отверстии сделалось уже серым, звезды начали терять свою яркость. Он никак не ожидал, что прозанимается этим делом, да еще с похмелья, больше полусуток – вечер да почти всю ночь.

– Отхон будет! – довольно произнесла женщина, положив его ладонь на свой пышущий жаром живот. Потом переместила ее повыше, на тугой комок груди, крепкий и привлекательный до сих пор, несмотря на двойные роды.

В другое время Родион вспыхнул бы пламенем, как сухая охапка соломы, но не сейчас – пять подходов к «гимнастическому снаряду» совершенно вымотали «спортсмена». И он взмолился еще раз:

– Нет, нет, я пас! Давай спать!

– Отхон от тебя будет! – Эрдени словно не заметила его испуга, продолжая удерживать его ладонь на своей груди. – Добрая жена тебе я достанусь. Калым давай не нужно, отец сам калым за меня давай. Дом давай, скота сто голов давай, алтын дай. Доброй жена буду!

– Я не могу!

В диком ужасе возопила душа музыканта – такого он никак не ожидал. Ну, ладно бы, соблазненная девица, на которой принуждают жениться, но тут баба молодая и с двумя детьми в довесок. Нет, так мы не договаривались!

– Ехать мне нужно. Далеко, за океан!

Совершенно искренне зачастил Родион, вернув, наконец, себе свою руку. Он на самом деле хотел уехать в Америку, совершенно искренне полагая, что там его музыкальные новации произведут на всех впечатление, а ему принесут деньги, пусть даже тоненьким ручейком, и мировое признание.

«И чего ради я должен оставаться в этой дыре да еще насильно ожененный. Да я в этой глуши со скуки сдохну, крутя скотине хвосты. Щас! Надо делать ноги, пока папаша с дубьем и амбалами не пришел сюда на благословение со свадьбой!»

Мысли приняли практический характер, и он стал по миллиметру отодвигаться от женщины, готовый сорваться с низкого старта в любую секунду. Сонливость, что неудивительно, у парня разом прошла, словно ледяной водой облили.

– Меня жена ты брать не хочу! Так, однахо?!

В голосе Эрдени послышались тоскливые нотки понимания всей сути его судорожных движений. Женщина решительно подвинулась и заключила его в объятия, нежные, но крепкие, такие, что он не смог вырваться, хотя полагал себя сильным. А Эрдени еще раз спросила, требовательно и зло, с каким-то напором, что явно имел объяснение.

– Моя в жены берешь?!

– Нет, Эрдени, не могу я!

– Отец калым давай...

– Да медным тазом на семьдесят лет тут все скоро накроется! А вас обратно отправят, в колхозах за трудодни батрачить будете! – Родион, помимо воли, почувствовал злость и стал выдавать то, что знать этим бурятам не следовало. Но страх перед насильственной женитьбой уже сделал свое черное дело, и он ей выдал с едкой иронией – А батю твоего первым делом коммунисты в тридцатом году «раскулачат», впору будет самим по миру побираться.

– Моя в жены берешь?

Женщина словно не заметила его горячности и произнесла набивший оскомину вопрос.

– Куда брать-то?! Красные скоро сюда придут советскую власть устанавливать! Шлепнут меня к ядрене фене! Нет, я завтра отсюда уезжаю, ты уж прости, Эрдени, но жениться на тебе не хочу!

– А зря!

После некоторой паузы зло произнесла Эрдени, неожиданно сдавив его в объятиях, опутав руками и ногами, как тропическая лиана. Родион дернулся, но тут неизвестно откуда взявшиеся могучие лапищи, явно не женские, стиснули ему горло, словно продолжив ту незабываемую ночь в Особом отделе. Рефлекс незамедлительно сработал, опорожнив кишечник, и, теряя сознание, парень успел подумать:

«Задуют ведь на хрен! Надо было жениться, жизнь дороже!»

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Здравствуйте, товарищ Ермолаев!

Стоявший перед Пахомом коренастый мужчина с горделивой осанкой и широкими развернутыми плечами, с хорошей выправкой был ему смутно знаком – память на лица еще не подводила. Но даже с первого взгляда Ермолаев сразу опознал в нем бывшего офицера, причем кадрового и в немалых чинах в прошлом, никак не меньше подполковника или капитана, и кавалериста при этом, в инфантерии завсегда строевая подготовка была на высоте, это не конница с ее вальяжностью.

– Помощник начальника разведотдела армии Николаев! – бывший офицер оказался вежлив и не отмахнулся на доклад Пахома, как сделал бы в старое время, нет, он сам поступил четко по уставу, представившись в свою очередь густым бархатным голосом.

«Должность немаленькая, в прежнее время никак не меньше полковника», – машинально отметил Ермолаев, сделав зарубку в памяти. Но ненависти, как раньше, в семнадцатом, он к бывшим офицерам уже не испытывал – стараниями председателя РВС товарища Троцкого «военспецам» стали доверять, и правильно, ибо их стараниями Красная армия стала громить золотопогонников по всем статьям.

А этот Николаев служил Советской власти честно – об этом говорил орден Боевого Красного Знамени на алой розетке. Точно такой же Пахом мечтал увидеть и на своей груди, но сейчас мог только гадать, когда произойдет его награждение.

– У меня к вам будет долгий разговор, товарищ Ермолаев, – густой бархатный голос уверенного в себе человека заполнил комнату, и тут Пахома будто укололо – он мог поклясться, что слышал его раньше.

«Вот только где?!»

– А почему вы на меня так странно смотрите, товарищ?

«Военспец» перехватил задумчивый взгляд взводного и требовательно посмотрел прямо в глаза. И тут Пахом вспомнил, где он видел этого офицера, оживился, и, сунув руку в карман, достал массивные серебряные часы, отщелкнув крышку...

– Знакомая вещица! – после долгой паузы хмыкнул Николаев и задумчиво посмотрел на Пахома. – Где-то я ее видел, но вот когда...

– Поручика Золотарева часы, товарищ помощ...

– Оставьте чинопочитание, Пахомий Иванович, ни к чему. Меня зовите Василием Дмитриевичем, так нам будет проще общаться. Так выходит, мы в одной дивизии с вами служили, а вы и есть тот мариупольский гусар, что в пятнадцатом своего офицера спасли, моего бывшего друга?

– А вы тогда эскадром харьковских улан командовали, – усмехнулся Ермолаев и осторожно спросил: – А почему бывшего вашего друга?! Его что, на германской убили?

– Нет, в восемнадцатом у Казани – там мы с отрядом полковника Каппеля дрались. Белогвардейцев мы побили, и среди погибших я и опознал его. Так что зря вы тогда спасали Андрея Владимировича, вон как вышло!

Николаев тяжело вздохнул, и Пахом отчетливо осознал, что тот до сих пор жалеет погибшего друга, даже невольно горюет о том, что им пришлось драться друг против друга.

– Прошу простить...

– Не за что, – Николаев пожал плечами. – Я в шестнадцатом в академию поехал, на ускоренный курс, так что разошлись тогда наши пути-дорожки, и каждый сделал свой выбор. Да вы присаживайтесь, Пахомий Иванович, в ногах правды нет. Дело в том, что этой ночью я познакомился с записями, что дали вам в Монголии. Скажу более, я их немедленно передал по телеграфу в Москву.

– Так они что, не были туда отправлены раньше? Ведь три недели прошло. Оказались ложными?!

Новость шокировало Ермолаева – он так надеялся, что все изложенное окажется правдой и очень поможет Красной армии в отражении наступления польских панов.

– Дело в том, что вся изложенная информация оказалось удивительно точной. Прямо поразительно верной, товарищ Ермолаев! А это не может не вызвать у нас самого пристального внимания. А потому меня интересует буквально все, что связано с этими двумя офицерами, с которыми вы... хм, «познакомились», скажем так, в Тунке. Да-да, буквально все, даже любая мелочь, которую вы сможете припомнить!

Глава пятая. Александр Пасюк

«Это что ж такое получается! Все нас лупят – чекисты били, шубинцы еще и пороли, а с монголами вообще нужно молчать. Родиону за «косорылых» чуть ли не все зубы выбили!»

Мысли текли тягучие, как патока, и отнюдь не радостные. За эти две недели, проведенные исключительно в седле от рассвета до заката, его тело полностью одеревенело, промежность горела огнем и превратилась в сплошную кровоточивую мозоль.

Артемов же вообще стал напоминать вопящий сгусток боли, ходил по земле в короткие часы отдыха исключительно нараскоряку, словно впервые вставший на ноги младенец, и постоянно постанывал даже во сне.

Такого резкого поворота в своей судьбе Пасюк никак не ожидал – выдернули их от безумных женских ласок безжалостной рукою, грубо, надев на голову мешки, и связанными посадили в седла. Попробовали кричать – похитители сразу засунули им в глотки настолько вонючие тряпки, что чуть рвотой не захлебнулись.

Принимать такую лютую и позорную смерть оба не захотели, а потому за эти долгие дни друзья ухитрились перебраться, да и то шепотом, десятком слов, в основном разговаривая жестами, словно враз глухонемыми стали.

Монголы вообще молчали, как в рот воды набрали – пяток гортанных слов, сказанных предводителем, и все – сиди в седле да на весеннюю степь любуйся. Вот только не до обзора красот и получения эстетического удовольствия было – одна только скачка, долгая и нудная.

Какой там побег?

Уже через три дня такой сумасшедшей езды даже считавший себя двужилым Александр полностью выложился, а потом и отупел, совершенно не понимая смысла происходящего...

Шмяк!

– Ой!

– Ну, су...

Падение с высоты седла оказалось весьма болезненным. И хорошо бы сам упал, так нет – жестокая рука степняка его сбросила. Рядом стонал Артемов, с парнем обошлись совершенно так же.

«Неужто убивать будут?!»

Мысль о смерти уже не вызывала леденящего кровь ужаса, настолько он очумел от вечно ноющей боли во всем теле. Стало даже безразлично. Но, тем не менее, Пасюк сразу же ее отогнал: ведь не для того же монголы, презрев страх перед доброй дракой с казаками (а что Шубин будет мстить, это и ежу понятно), их везли за сотни верст, чтобы ритуально прирезать посередине степи, по которой высокими волнами, словно на бушующем море, шли невысокие холмики и балки.

– Саныч, что это они удумали?

Рядом чуть слышно пискнул Родион, страшившийся подать свой голос и сжавшийся в тугой комочек. Парень с собачьей тоскою в глазах взирал на пятерых неулыбчивых монголов, что продолжали сидеть в седлах каменными истуканами, какие встречаются иной раз в степи.

Старший из похитителей что-то гортанно произнес, абсолютно для них непонятное, при том, для лучшей убедительности, тыкая грязным пальцем в сторону поросшего ковылем бархана.

– Что вы говорите? – кое-как выдавил из себя Пасюк, в третий раз за долгое путешествие услышавший монгольскую речь. Неразговорчивы были с ними похитители и словоохотливых жертв приучили к молчанию – монгольская плеть оказалась ничем не лучше казачьей нагайки и

понимание в головы вбивала быстро и жестко. Да и не столько ум тут внимал, сколько поротая задница.

– Туда иди. Паровоз. Ту-ту! – монгол смешно изобразил сигнал, вот только Пасюку было не до смеха, ибо степняк закончил решительно, злобно сверкнув глазами. – Уезжай! Убьем!

С трудом, словно тяжело заученное, произнес монгол эти русские слова. Потом пошарился в седельной суме и неожиданно кинул Пасюку небольшой кожаный мешочек, звякнувший при ударе о землю. Затем небрежно бросил кинжал в потертых ножнах и что-то громко гыркнул своим спутникам, что продолжали на них взирать с высоты седел, положив поперек их короткие кавалерийские винтовки.

Степняки живо развернули коней, заодно прихватили лошадок как своих недавних жертв, так и заводных, и тут же пошли рысью, скрывшись через пять минут за холмами.

– Однахо...

Только и смог сказать Пасюк, еле шевеля языком, отвыкшим от работы за это время, и посмотрел на Родиона, пребывающего в точно таком же ошарашенном состоянии.

– Не было печали, купила баба порося! Это куда же нас окаянная судьбинушка-то забросила?!

Родион Артемов

– Ни хрена они нам поездку устроили! – Родион болтал, не умолкая ни на секунду, только и мечтал поговорить за все время вынужденного воздержания от вербального общения, которое, как оказалось, переживается намного острее, чем половое. – Знал бы, трижды подумал, чем отказ Эрдени давать. Ни хрена папаша ее отомстил...

– Не в Баяне дело! – усмехнулся Пасюк.

– А в ком же?!

Взвился Родион моментально, все эти дни строя планы отмщения коварному буряту, что вначале подложил им дочек. А как не вышло, то устроил им вместо медового месяца две недели мучений впроголодь, а вместо свадебного путешествия тягостный круиз по степному морю под палящим, будто и не майским солнцем.

– Мы там лишние, Родя, а потому нас тихо выпроводили, когда поняли, что не пожелаем прозябать в стойбище. Так что грех жаловаться, могли бы и прирезать.

– Так Шубин же Баяну этому отомстит...

– Ты что, Родя, бурята от монгола отличить не можешь? Они одеты как нукеры, воины то есть. Судя по всему, какой-то князь их послал – по наводке одного ламы, о котором мне Галсан говорила!

– При чем здесь ламы? Кто их всерьез воспринимает?! Они же умеют только в бубен бить...

– Поосторожнее на поворотах, Родя. А то самому бубен набьют вскорости. Ламы не камлают, они буддисты. Это шаманы делают, а то совсем иная опера. И учти на будущее мой добрый совет – если что-нибудь не понимаешь, то не суди опрометчиво, как говаривал кардинал Ришелье в свое время. Они намного умнее, чем тебе кажется, и, зачастую логику их поступков понять трудно. Но она есть...

Пасюк задумался, а Родион не стал противоречить, хотя и подмывало. Нашел кого ровнять – профессионального музыканта, консерваторию окончившего с отличием, и грязного скотовода, который в баню-то раз в месяц ходит, уж больно юрты потом пропахли, да еще вонью какой-то.

На этой мысли Артемов тихо выругался, поняв, что немного перегнул палку – от него самого сейчас разило намного круче – таким грязным до отвращения он никогда себя в жизни

не чувствовал.

– Да, одежда у нас сама-то! – Пасюк словно прочитал его мысли и сам разразился вычурной бранью, смачной и кудреватой.

Действительно, еще в юртах с них содрали абсолютно всю одежду, не оставив ничего, даже нательные крестики сняли. Артемов тогда подумал, что все – конец! Ведь перед казнью жертву всегда раздевают!

Однако их тут же переодели. К великому удивлению, в чистую и новую монгольскую одежду, в синие, отороченные дорогим шелком халаты. Дали хорошо стачанные кожаные сапоги и высокие островерхие шапки. Даже вышитое китайскими дракончиками нижнее белье напялили, куда круче застиранных подштанников из желтоватой дешевой бязи.

Щедро переодели, не жмотясь, круто и стильно по местным меркам – и перевоплотились два русских мужика в одно мгновение в монгольских нойонов, или бурятских тайшей, что скорее всего, ибо «раскулачили» явно Баяна, выгребли из его сундуков самое лучшее.

Но сейчас шикарная прежде одежда пришла в крайне непрезентабельное состояние – синий цвет от пыли превратился в серый, и пахло за версту едким конским потом и не менее вонючим мужским запашком.

Да и питались они в дороге скверно, два раза всего останавливаясь в бедноватых стойбищах. Остальное время грызли похожие на подошвы ломти вяленой конины, закусывая их твердокаменными лепешками, которые размачивали в воде.

Исхудали от этой принудительной диеты они невероятно, хотя жирком и раньше не хвалились, а тут высохли так, что тесноватая одежда Баяна стала Артемову в самый раз, а вот на Пасюке одеяние болталось, как на детских плечиках ватник золотаря.

Подумав про то, Родион осекся – в последнее время он стал опасаться своего старшего товарища: тот явно темнил, уходил от ответов, и вместе с Шубиным заставили его разыграть спектакль с побегом красному командиру, что измывался над ним в Шимках.

Этот краснопузый, по мнению Родиона, оказался на проверку вполне нормальным русским мужиком, и который был ему ближе по духу, чем то казачье, что полоскало его в ледяной воде и пороло нагайкой.

Но разве изложишь эти мысли Пасюку? Ведь враз придушит, как куренка, руки у него по локоть в крови стали. Народу целую прорву ухлопал и еще улыбается...

– Ножичек хороший, сгодится!

Родион отвлекся от мыслей и увидел, что Пасюк уже приспособливает к поясу длинный кинжал.

– А здесь что такое тяжелое? Никак монеты?

Завязки были сдернуты, и из кожаного мешочка буквально хлынул золотой водопад, в котором редкими вкраплениями белели серебряные кружочки, будто рыбные чешуйки.

– Однохо! – с трудом выдавил из себя Родион, зачерпнув горсть монет. Он старательно поморгал глазами, стремясь прогнать наваждение, но нет – золото никуда не делось, продолжая приятно оттягивать ладонь...

Командир комендантского взвода 269-го полка 90-й бригады 30-й стрелковой дивизии Пахом Ермолаев

– Здравствуй, товарищ Ермолаев. Давно не виделись!

От знакомого скрипучего голоса Либермана, раздавшегося за спиной, Пахом вздрогнул и обернулся.

Начальник Особого отдела словно не заметил такой реакции, держался просто, будто

встретил старого знакомого в дешевой харчевне и собирается выпить с ним шкалик водки, как в старое время. Вот только мнимое это было добродушие – глаза чекиста горели нехорошим огоньком.

Да и встретились они не за столом, а на Большой улице, что рассекала город пополам – от набережной Ангары, где еще высился памятник императору Александру III, до крутого бережка меленькой речушки Ушаковки, в устье которой пустили на «распыл» бывшего незадачливого Верховного правителя адмирала Колчака.

Дома стояли грязными и неприветливыми, стекла окон не мыты вечность. Пахом иногда удивлялся, почему так происходит, откуда берется такая убогость и грязь, стоит только утвердиться Советской власти, но одергивал себя постоянно, списывая все на войну и разруху, надеясь, что с наступлением мира и утверждением власти рабочих и крестьян все наладится и появится то самое светлое будущее, о котором постоянно вещали большевики. И он верил в это, не мог не верить! Ведь иначе зачем было затевать и делать революцию?!

– У меня для вас приятная новость, товарищ Ермолаев, рад вам ее сообщить!

Либерман улыбнулся, взяв короткую паузу. От мучительного ожидания у Пахома вся спина покрылась потом – ничего хорошего от такого начала разговора он не ожидал.

– Ваш рапорт удовлетворили, и вы переведены на службу в Особый отдел. Так что поздравляю!

– Но как же, – совершенно растерялся Пахом. – Я же...

– Мы знаем, что сейчас вы переведены в разведотдел армии, и то, к чему готовимся. Работайте дальше и хорошо трудитесь, честно, как надлежит бойцу революции. Это будет нам во благо. Но с этого дня вы служите в ЧК, так что никогда не забываете, какая сила стоит за вашей спиной. Карающий меч революции!

Пахом сник, внутри все разом заledenело. Надежда на то, что о нем забыли, погасла сразу, будто на едва-едва тлеющие угли разом обрушили ведро холодной воды. Пшик, и все!

Попала собака в колесо, так беги и пищи. Намек на карающий меч он понял сразу – стоит ему сейчас заартачиться, и чекисты под трибунал моментально сунут, благо есть за что, имеются грехи. Да и, в конечном счете, кто ему «военспец» Николаев – не сват и не брат!

– Мы не доверяем бывшим царским офицерам, товарищ Ермолаев! А потому во благо Советской власти теперь имеем над ним пригляд и с вашей стороны. Так что хорошо выполняйте свои обязанности и держите нас в курсе всего происходящего!

– Так точно! – уже чуть громче произнес Ермолаев, демонстрируя рвение. А что ему еще оставалось делать?

– Вот и хорошо. Да, я совсем забыл сказать вам про новость. Губчека отправила и свое ходатайство, совместно с представлением комбрига Грязнова, о представлении вас ко второму ордену Боевого Красного Знамени. Вы и в сибирском походе отличились, и в Тунке из лап белогвардейцев вырвались, в бою как настоящий лев сражались!

Ермолаев промолчал на эти славословия – в душе было как никогда пакостно. Он словно собака на цепи, которой кость бросили...

– Надо же – первый раз в жизни царский империял в руке держу!

Пасюк хмыкнул, рассматривая бородатый профиль расстрелянного в Екатеринбурге императора Николая II. Золотой кругляшок был чуть меньше единственного серебряного полтинника, но уже с изображением отца последнего российского самодержца, который вошел в историю под именем Александра III «Миротворца».

– За такие деньжищи можно еще раз такое путешествие проделать, а лучше обратно...

Рядом каким-то странным, глухим голосом произнес Родион и сглотнул. Александр видел, что парня начала обуревать «золотая лихорадка» в ее чистейшем виде – в широко открытых глазах заплясали желтые огоньки.

– Вот что внезапно свалившееся на голову богатство с мозгами делает, – Пасюк предупредительно сжал кулак, вроде как ни к чему не обязывающим жестом, но тот понял его правильно и помотал головою, прогоняя наваждение и постепенно успокаиваясь.

И было отчего голове закружиться – многие монеты Александр видел раньше только на фотографиях, ибо в исторических музеях в основном демонстрировали серебро. Или совсем золотая мелочь лежала под стеклом, не рассмотреть толком.

Тут самыми большими, весом в унцию или 31 грамм, были французские в сотню франков или американские 20-долларовые монеты, побольше советских юбилейных рублей, тяжелые и массивные.

А вот знаменитые английские гинеи не впечатлили – меньше империяла в 10 рублей, в четверть унции весом, но побольше золотого российского пятирублевика.

Были еще кругляшки с полтинник, щедрой рукой усыпанные плохо отчеканенными иероглифами. Как ни крути, но тут сразу и не скажешь, какую монету держишь в руках – китайскую или японскую.

– Сколько тут?!

– Если по весу судить, то чуть больше килограмма. – Пасюк осторожно ответил после короткой паузы. – Если принять полтора грамма за доллар, то на семь сотен «баксов» потянет... А в рублях будет без малого полторы тысячи золотом. Кругленькую сумму нам подарили, Родя!

– Однахо!

В очередной раз на чисто бурятский манер произнес Артемов приставучее слово и поскреб пальцами грязные волосы. Но тут его лицо прояснилось, а глаза радостно вспыхнули.

– Не, я больше о бурятах слово худого не скажу. Я Эрдени говорил, что денег нет на дорогу в Америку, а тут вона как – не было гроша, и сразу алтын, причем не три копейки, а именно золото. Молодец, Баян, расстарался. Недаром про золотишко дочка намекала.

– Святая наивность! – Александр звонко рассмеялся. – Баян к нам так отнесся, потому что лама настоял. Одежду бурят дал, это точно – вот только ее для нас спешно подобрали. А золото из дацана. Ты заметил, что они нас как липку обобрали, а потом отдарились более чем щедро?!

– И что?!

– А то, что Азия нас в рот взяла, на вкус попробовала да выплюнула непрошенных гостей из будущего!

– Да откуда они это знать могли?! Ты сбрендил, Сан Саныч!

– Знают, еще как ведают! Мне Галсан об этом так прямо и сказала! – теперь Пасюк нахмурился. – Потому что все наши вещи, что не из этого мира, забрали, даже крестики. И деньгами в ответ щедро отдарились, дабы убрать нас за границу подальше!

– Ты пургу замел! Такие деньжищи на ветер не выбрасывают. Нас было легче прирезать по-

тихому и все! – категорическим тоном произнес Родион, и это взбесило Пасюка.

– Да они не от нас откупались, а от будущих несчастий! Чтобы неминуемую беду в сторону отвести. Оттого и девок подложили, чтобы постарались от нас зачать. Тебе разве Эрдени не говорила?

– Сказала, – несколько растерянно произнес Родион, – даже радовалась, когда о будущем ребенке говорила...

– Вот-вот, и понесут от нас с первого же раза. Тут я на сто процентов уверен. Слишком много странностей...

Громкий паровозный гудок, раздавшийся где-то далеко за пологими холмами, подбросил друзей на месте. Они сразу опомнились и принялись лихорадочно ссыпать монеты в карманы, машинально поделив на две доли, ибо яйца никогда в одну корзину не складывают.

– Побежали, Родя! Там нас ждет цивилизация и, главное, есть вода. До ужаса пить хочется!

Родион Артемов

– Никак поляки это, Сан Саныч?!

Артемов с вождением рассматривал вытянувшийся на пути длиннющий состав, где всего было понемногу – разноцветных зеленых, желтых и синих пассажирских вагонов, обшарпанных красных «кирпичей» теплушек, приземистых платформ со стоявшей на них техникой, укутанной в брезент, низкобортных грязных «углярок».

И чуть ли не на каждом третьем виднелись узкие бело-красные полосы, хорошо знакомые Родиону по прошлой жизни. Он сошелся как-то с гордой паненкой, красивой гордячкой, род которой в Сибири чуть ли не двести лет провел.

Но ссыльные уроженцы Царства Польского так сибиряками и не стали, и ляшское хамство с надменностью так из них и перли, подобно дерьму, ведро с которым на горячую печь поставили, и дрожжей щедрой рукою туда сыпанули.

Ишь гонору сколько – морозы так и не остудили им кровь, хоть штаны в заплатках, а все едино – кланяйтесь, москалики, пред вами пан стоит, кацапы сиволапые!

– Не поляки это, Родя, чехи, – задумчиво произнес ему в ответ Пасюк, с унылой гримасой рассматривая эшелон.

– Флаги польские почто тогда нарисовали? – Артемов улыбнулся, радуясь, что ловко отбрил своего старшего товарища.

– Поляков они под Красноярском большевикам сдали, всю дивизию. Я мемуаров много прочитал. Так что нет здесь ляхов – это чешский эшелон. И думаю из последних, они во всю прыть улепетывают, наше имущество прихватив. Вон как вагоны у них забиты!

– Хорошо, пусть чехи, но флаги-то у них на вагонах польские, красно-белые полосы! – не сдавался Родион, продолжая весело шагать по молодой зеленой траве.

Мемуаров он никогда не читал, как и других книг, впрочем, а потому не стал вступать в научную дискуссию, но уверенно вернулся к тому предмету, с которого сделал свое обоснованное заключение, стараясь ненавязчиво посадить в лужу чересчур начитанного, на его взгляд (аж мысли из ушей лезут), Сан Саныча.

– У них флаги схожи, это так, – усмехнулся Пасюк и пояснил: – Синий угольник чехи скоро введут, дабы отличие в символике от своих исторических недругов иметь.

– А они разве не друзья? – искренне удивился Родион – все же Евросоюз, не разлей вода.

– А ты сам припомни, был ли хоть раз среди соседей поляков хоть один друг? Они же всем пакостили, а потом искренне удивлялись, чего это их так не любят!

– Ага, понятно, – мотнул головой Артемов, но больше по привычке – аргументация Пасюка

его не убедила. А тот, словно понял это, показал пальцем на какой-то рисунок, толково написанный на борту теплушки. Прищулив глаза, Родион его разглядел в подробностях.

– Вроде лев изображен! Или другая кошка на задние лапы встала? И что это такое?

– Герб Чехии. А у поляков что на гербе нарисовано?

– Белый орел, – грустно произнес Родион, с усмешкой вспомнив рекламу одной водки. Все как всегда – Пасюк прав и весь в белом, а он один в дерьме и обтекает.

– Обидно, однако!

– Родя, ты прям бурятом стал, все их словечками сыпешь!

Артемов закрутил голову – что-то с ним не так происходит в последнее время, все чаще и чаще начинает озвучивать свои мысли вслух. Как бы не огрестись! Не к добру, однако!

Друзья подходили все ближе и ближе к застывшему посреди степи чехословацкому эшелону. Вот только чехи не проявляли к ним никакого любопытства, и оно было понятно. Ну, идут два туземца в своих малахаях, ну так и пусть идут куда хотят – вон простора сколько кругом.

А то, что не на конях, так то не причина – может, в балке где-то поблизости стойбище свое поставили, да решили пешочком прогуляться – людей посмотреть, себя показать. Да мало ли что может прийти в головы азиатам, люди они темные, совсем не чета просвещенным европейцам, особенно потомкам гуситов.

– Родя, ты только в разговор без нужды не лезь! – тихо прошептал ему Пасюк, когда до вагонов оставалось метров двести.

Только сейчас в эшелоне зашевелились – к двум часовым добавился десяток невооруженных солдат, а из синего вагона неспешно вышел офицер, судя по щегольскому обмундированию и выправке.

– Здравствуйте, господа! – вежливо произнес Пасюк и чуть поклонился. – Я приват-доцент Новороссийского университета Александр Александрович Пасюк, а это мой молодой ассистент Родион Эдуардович Артемов, прекрасный музыкант, один из моих самых талантливых учеников. Мы уже не один год ловим нужный материал по всей Азии, а также завершаем мой фундаментальный труд по зоологии...

Пасюк говорил легко и непринужденно, и Артемов сейчас мысленно им восхищался, глядя на вытянувшиеся физиономии чехов. Особенно вытаращил глаза офицер, никак не ожидавший от азиатов столь изысканных манер в сочетании со славянскими физиономиями.

Ход был просто убийственный – господа ученые, доценты с кандидатами, всему миру известно, что с головою не ладят. И ради науки не то, что в охваченной Гражданской войной Сибири рыскать будут, в пасть к аллигатору полезут.

– С нами еще был профессор Гарвардского университета доктор Джон Адамс, но две недели назад он уехал в Харбин с научными изысканиями, где нас и дожидается. А с нами приключилось несчастье! Такая беда, что страшно и представить!

– Какая? – чех на секунду потерял выдержку, но тут же опомнился. – Разрешите представиться – капитан Яромир Новак. Я комендант этого эшелона. Какая с вами стряслась беда, господин профессор?!

– Туземцы, что нас сопровождали, удрали, увезя с собою все наши вещи и неслыханной ценности достижения. У нас осталось всего сто долларов, то, что было с собой. Ведь нашу экспедицию финансировали госдепартамент Соединенных Штатов Америки и Гарвардский университет! И эти мерзавцы увезли самое ценное!

– Они украли у вас деньги, профессор?

– При чем тут деньги?!

Пасюк посмотрел с таким высокомерным недоумением, с каким глядит маститый и

заслуженный академик на недотепу студента, забывшего надеть на экзамен брюки, и офицер стушевался.

– Они увезли с собою частицу величайшего труда, который удостоится Нобелевской премии. Вы не представляете, какую всемирную ценность имеют те препарированные суслики, два из которых для всех ученых могут быть очень ценны, ибо они пойманы в единичных экземплярах. Такие нигде больше не встречались! Ой, горе-то, какое горе! Нет, вы не сможете представить, какую тяжелую утрату понес научный мир и как об этом будут жалеть мои коллеги-зоологи...

Родион сохранял на лице плаксивое выражение, слушая пассажи Пасюка, взятые им из кинофильма «Дежа вю», где американский гангстер тоже прикинулся ученым, но энтомологом, и поглядывал искоса на остолбеневших чехов, что продолжали стоять с вытаращенными глазами и смотреть на них как на двух умалишенных идиотов!

«А ведь дело выгорит! Они нас возьмут с собою!»

Начальник Полевого Штаба РККА Борис Шапошников

– Этого не может быть! Этого просто не может быть!

Шапошников потер пальцами виски – голова пульсировала болью. Но он уже понимал, что происходит нечто непонятное, чему противился весь его разум и многолетний служебный опыт офицера Генштаба.

Невероятно и необъяснимо! О том, что власть в Крыму перейдет к бывшему командующему Кавказской армии барону Врангелю, некий офицер в Сибири, коего поименовали в телеграмме английским шпионом, знал тогда, когда главнокомандующий ВСЮР генерал Деникин еще цеплялся за Новороссийск, стараясь эвакуировать оттуда разбитое белогвардейское воинство. И столь подробное освещение действий польской армии, сделанное задолго до начала боевых действий, – совершенно точное, до жути верное, ибо именно так все и произошло!

Версию о чрезмерно информированном шпионе он отмел сразу же – опыт работы сразу восстал против такого предположения, ибо не может знать простой офицер такого свершившегося будущего. Да и никто, пусть даже премьер-министр Соединенного королевства, на такое не способен.

– Что это за новоявленная Кассандра?

К его удивлению, председатель РВС Троцкий отнесся к этому делу еще более серьезно, чем он сам. Телеграммы в Иркутск и обратно шли безостановочным потоком, почти все из них проходили через руки и цепкие глаза начальника Полевого штаба.

Особенно заинтересовали записи, собственноручно написанные «английским шпионом» в Особом отделе. Они касались предположительного хода войны в будущем, и Шапошников дважды прочитал блеклые телеграфные строчки, жалея, что не может взглянуть на почерк, который очень много может сказать о человеке. Эти материалы уже выслали, но железнодорожная нитка Транссиба только начала работать, и весьма отвратительно. Так что он их получит месяца через два, никак не раньше.

Но и то, что он прочитал, было весьма занимательным. Писал не кадровый офицер, совершенно иной стиль. И не химик, о чем профессор Зелинский, создатель противогаса, привлеченный для экспертизы, сказал сразу. Но ученый тут же горячечно заявил, что описания действий газов и их названия даны в точности, причем о нескольких отравляющих веществах он не имеет понятия, видно, это новейшие зарубежные разработки.

И сразу настоятельно попросил разыскать этого специалиста. Пусть не сами формулы, но хоть более детально узнать, какую ядовитую дрянь могут применить в будущем против

Советской России...

– Именно так и сделаем!

Шапошников бросил взгляд на карту, на которую уже были нанесены контуры предстоящего контрнаступления Красной армии, и в который раз удивился прозорливости этого пока не знакомого ему офицера.

Сосредоточить на крайних флангах фронта крупные кавалерийские массы он решил сразу, с целью нанесения рассекающих ударов в глубину. На Вильно с севера и на Ковель с юга, с последующим окружением поляков у Минска и Киева, которые паны столь нагло и дерзновенно заняли.

Именно эта польская агрессия вызвала в Красную армию приток тысяч бывших офицеров, что не желали раньше воевать в междоусобной бойне, но сочли предательским делом для будущего России помощь интервентам своим безучастием.

Даже вот этот «английский шпион» оказался честным – да, они – белые, а мы – красные, но это наши внутренние, чисто русские распри. Когда же идет вторжение иностранных войск, то нужно оставаться патриотом, а не изменником. Последних всегда ожидает судьба Лжедмитрия, гетмана Мазепы и прочих мелких поганцев, у которых никогда не будет будущего...

Александр блаженствовал, вольготно развалившись на кожаном диване с мягкой спинкой. Дело выгорело – чехи не просто взяли их в поезд, но обязались довезти до Харбина, обеспечить питанием всю дорогу. Более того, их сводили в вагон-баню, в какой переделали обычную «теплушку», и после помывки дали новую одежду взамен того пропыленного и пропахшего потом монгольского одеяния, что на них было.

Переодели знатно, не скупясь – новое чистое белье армейского образца и добротная штатская одежда из рубашки, брюк, пиджака, подтяжек, галстука и всего прочего, включая носовые платки. Добро наверняка из «приватизированного» в России имущества, а проще говоря, награбленного.

Ну не покупали же все это чехи! Ведь на платформах и вагонах вороватые братья-славяне везли не приобретенные за свои кровные денежки ценности и бранзулетки в самом широком ассортименте – от швейных машинок до прогулочных яхт и сельскохозяйственных молотилок!

Но не за так, бесплатно – Пасюк с радостным сердцем выложил пять полновесных заокеанских монет, примерно в семь тысяч «зеленых» в том его мире. Более двухсот тысяч «деревянных», если по курсу пересчитать!

Просто сумасшедшая плата!

Покормили их просто знатно – за столом, накрытом белоснежной скатертью и плотно уставленном разносолами, расположились все четверо офицеров роты сопровождения, с женами, которые оказались русскими по происхождению. Беседа протекала живо – Пасюк вывернул наизнанку память, припоминая заложенные в институте знания, и мысленно жалея, что слушал преподавателей вполуха.

Единственное спасение было в том, что изображал он истового ученого, «с приветом» – а с таких взятки гладки. Да еще крепко выручил Артемов – в вагоне оказался рояль, который установили в столовой, снеся перегородки у четырех купе.

Парень играл добрых два часа, и все присутствующие внимали ему с нескрываемым восторгом. Пасюк же наедался в такие музыкальные паузы – у чехов были даже консервированные омары и прекрасный французский коньяк...

– Вы позволите, профессор?

На соседний диван напротив уселся капитан, блестя серыми глазами. Несуетливый профессиональный вояка нравился Пасюку, хотя и был чехом – именно на таких любая армия держится. Всего сотня солдат у него под командой, но служба поставлена образцово, а десяток пулеметов отобьют охоту напасть у любого врага.

– Все в восторге от господина Родиона. Да и я сам, признаюсь честно, никогда не слышал столь завораживающей музыки. Ваш ассистент гений, что не уступит Гайдну или Шопену в исполнении. Написать такую необычную музыку, чудесную, способен только великий талант!

– Вы правы, господин капитан!

Пасюк охотно согласился с ним, прекрасно зная, что Родион нагло присвоил чужие авторские права, играя самые известные в своем мире шлягеры. Да и английский язык у парня оказался неплох, особенно когда исполнил «Герлз» знаменитой «Ливерпульской четверки» – у женщин даже слезы потекли. Романсы, включая «Подмосковные вечера», пошли на «ура», тут не откажешь в таланте советским композиторам и поэтам.

– У него большое будущее, профессор! – Капитан пристально посмотрел Александру прямо в глаза. – Зачем вы втянули талантливого мальчика в свой грязный большевитский шпионаж?!

Удар оказался слишком силен – дыхание даже сперло. Пасюк мысленно заметался в

поисках оптимального и правдоподобного ответа, но, поймав улыбающийся взгляд чеха, осознал четко – все, это конец! Как говорится – недолго музыка звучала!

Александр боялся, что «проколется» Артемов, но сам же ухитрился попасть под раздачу! И чем же себя выдал?

– Это хорошо, что молчите, не говорите мне, что обвинения беспочвенны. Нет, нет, сидите и не произносите ни слова, там, за перегородкой, солдаты. Так что прошу без глупостей. Вы выдали себя за столом! Дело в том, что до войны я был фельдшером и, смею вас заверить, что немного разбираюсь в медицине и, следовательно, в латинском языке.

«Капец! Ну надо же так нарваться!»

Пасюк тяжело вздохнул и с тоскою посмотрел на офицера, что, усмехнувшись краешками губ, продолжил говорить:

– Латыни вы совершенно не знаете, а ведь любой профессор зоологии просто обязан разбираться в тонких нюансах классификации. Помните Паганеля из романа Жюль Верна? Я не имею в виду тот чудовищный суррогат, что вы обрушили на головы несведущих людей. Что это за «сусликус вульгарис»? Откуда вы взяли столь странную терминологию? Но это полбеды! Вы вообще давали некоторые обозначения животным из справочника по венерическим заболеваниям. Как вам не стыдно считать нас за идиотов, господин большевистский шпион!

– Хотите верьте, хотите нет – но я не шпион!

– Возможно, – пожал плечами капитан. – Вы не знаете латыни, а потому не можете быть профессором или ветеринаром. Но довольно уверенно классифицируете животных и разбираетесь в их жизни, имеете прямое отношение, так сказать. Где вы учились и работали?

– Окончил охотоведческий факультет сельскохозяйственного института, а работал егерем...

– Я так и подумал, что вы – охотник, разбираетесь в этом деле. Да и в седле много времени проводили, и потертости на плече имеются. А вот ваш молодой друг не имеет отношения к военному делу...

– Вы подглядывали за нами в бане?

– Фи, – презрительно потянул чех. – Мне хватило доклада нашего банщика, чтобы сделать свои выводы. Уж больно характерные следы казачьих нагаек носите на своем теле.

– С чего вы так решили, капитан?

– Красные расстреливают или бьют, но не порют. Плеть пускают в ход только казаки, а они воюют исключительно за белых. Но, оставим умозаключения. Скоро станция Даурия, каковую занимают части Конно-азиатской дивизии барона Унгерна. Там наш совместный путь окончится – я передам вас русским, и пусть они сами разбираются, кто вы – красный шпион, аферист или дезертир – меня это теперь совершенно не интересует!

– Парня до Харбина доведите, прошу вас! Не при делах юноша, какой с него спрос – ему играть нужно... – Пасюк с тоскою посмотрел на офицера. Он понимал, что с ним кончено, но нужно попытаться спасти Родиона.

Александр очень медленно вытащил из кармана мешочек с золотом – свою долю монгольского подарка, неторопливо развязал ремешки и высыпал монеты горкой на стол, заметив, как сверкнули глаза офицера. Алчность великую силу имеет, прав бородатый пророк социализма, когда заметил, что ради трехсот процентов прибыли буржуа пойдет на любое преступление.

– Хорошо, – после долгой паузы произнес офицер, глядя на лежавший перед ним «презренный металл», – я доведу его до Харбина. Но только после небольшой проверки. Даю слово офицера!

– Какой проверки?! – вскинул брови Пасюк.

– Обычной. Люди, они разные бывают, но есть либо порядочные, либо изрядные сволочи... – усмехнулся чех и принялся неторопливо набивать монетами кожаный мешочек...

Родион Артемов

Родион молча смотрел на высокие казармы, сложенные из красного кирпича, на стоящих вдоль стен казаков в синих монгольских халатах, но фуражках с желтыми околышами, с погонами и лампасами того же цвета. В глаза сразу бросился почти идеальный порядок и чистота – да любая железнодорожная станция в его времени была намного грязнее.

За оконным стеклом прошел Пасюк в сопровождении двух рослых чехов, что держали в руках винтовки с примкнутыми штыками. У Родиона засадило на сердце, и он тяжело вздохнул.

«Жалко Сан Саныча, но он сам выбрал свою судьбу. Заигрался в казачество, вот и получит по самое не могу. А мне незачем – добраться бы до Харбина, золотишко на первое время есть. А там концерты пойдут, в Америку переберусь – джаз в моду входит, вот я им и сбацаю, враз челюсти отвесят. И слава такая пойдет, а с ней и деньги!»

Артемов хладнокровно отвернулся от окна и уселся на мягкий диван, закурил папиросу и предался мечтаниям, которые становились с каждой секундой все радостнее...

– Вам жалко своего спутника?

Напротив уселся чешский капитан, сочувственно глядя в лицо. Родион скривил губы – помочь Пасюка нельзя, себя только погубишь. Вот пусть Сан Саныч и огребается, он свое пожил. А перед ним весь мир открыт, и он получит вскоре свою малую толику славы и денег – те же самые чехи его, разинув рот, слушали, внимая музыке и пению. А Пасюк? Да что Пасюк – своя рубашка ближе к телу!

– Да нет, наверное... – глухо произнес Родион. – Мы с ним мало знакомы. Тем паче он большевик, а они – сволочи изрядные!

– Как и вы, молодой человек?

Словно этого и ожидая, офицер зло улыбнулся, и от этого оскала воздушные замки, сотворенные Артемовым в мозгу, рассеялись как дым, как мираж. Мир из розовых цветов стал превращаться в черный, душа забилась в пятки и стала скулить от страха, и одновременно зачесалась поротая задница, предчувствуя недоброе.

– Музыкант вы хороший, – с той же странной улыбкой произнес чех, – талантливый, даже гениальный. Я бы довез вас до Харбина, вот только проверку вы не прошли...

– Какую такую проверку? – пискнул Родион, сжимаясь от предчувствия надвигающейся катастрофы.

– Он отстаивал вас до последнего, не жалея себя. А вы... Никогда не торопитесь стать сволочью, за вас это с охотой сделают другие! – чех закончил говорить так, будто плюнул с брезгливостью, а затем громко приказал, обращаясь к трем солдатам, что стояли в вагоне:

– Живо передайте этого поганца русским, пусть они сами с ним разбираются!

От такой подлянки судьбы Родион остоленел, но внутри, как тогда в Шимках, заклубилась ярость, и выплеснулась, когда здоровенный солдат протянул к нему свои руки.

– Ки-йя!

– Ох...

Здоровяк согнулся от боли в три погибели, получив пинок носком туфли по самому чувствительному для всякого мужчины месту, неважно какой бы он ни был национальности.

– Пся крив!

Первая победа Артемова над «братушками» оказалась и последней, к тому же «пирровой» –

ругательства двоих чехов оказались намного эффективней японского боевого возгласа: Родион был нещадно избит, из него вытряхнули всю золотую наличность и с громким смешком вышвырнули из тамбура прямо под ноги стоявших рядом с вагоном унгерновцев.

– Держите еще одного большевика, на пару к первому!

Падение оказалось чувствительным – это не на татами падать. Нос он себе расшиб капитально: из него хлынула кровь.

Артемова рывком подняли на ноги, и он увидел перед собой расплывшуюся в розовом тумане усатую мордяху казака, изрядно разившую ему в лицо застарелым перегаром. На серебряных погонах в линейку растянулись по паре маленьких звездочек.

– Ну что, краснопузик, дождался? – радостно осклабился хорунжий в новом синем халате, а Родиону захотелось немедленно закусить огурцом от такого приветствия – запашок от того шел прямо убойный, но мозг уже включился в работу, и нашел, как ему показалось, самый приемлемый вариант.

– Я сам прапорщик Иркутского казачьего полка!

– Да ты че?! А почему как стрюк одет?!

– Так это чехи мне одежду и дали, мой таарлык забрав! – Родион вспомнил, как называл Лифантьев монгольский халат, и узрев ошарашенные лица казаков, обратился к чешскому капитану, что стоял в тамбуре рядом с ухмылявшимся от внезапно приобретенного богатства солдатом. – Ведь так, господин капитан?

– Так, – медленно произнес чех, еще не поняв, куда клонит столь наглый «перевоплощенец», оказавшийся на проверку станичником, а тот свою линию начал гнуть с упорством фанатика.

– Золото из карманов они у меня вытряхнули. На семьсот рублей. Наше, казачье золото, из войсковой казны. Потому и большевиком назвали, дабы грабеж от себя отвести! Вон смотрите!

Родион вырвался из рук, держали его уже еле-еле, а потому проделать это оказалось нетрудным, и, подскочив к подножке открытой вагонной двери, вцепился как клещ в ногу чешского солдата, который несколько минут тому назад «облегчил» ему карманы.

– Ратуйте, православные!

Артемов с яростью, придавшей ему невероятные силы, так рванул чеха на себя, что тот от неожиданности вылетел из вагона, аки птица. И нагадил так же – вот только вместо дерьма на изумленных казаков посыпался обильный дождь из золотых кругляшков...

Нукер Хубсгульского дацана Булат-батыр

– Где казаки, Доржи?

Подскакавший цирик лихо осадил коня перед Булатом и с усмешкой произнес, щуря и без того узкие глаза.

– Шубин повернул с казаками обратно на заимки. Забрал только своего приказного и наши «подарки».

– Это хорошо! – теперь и Булат-батыр удовлетворенно прищурился. Его замысел полностью осуществился, и он добился того, что кровь не пролилась на землю, как и приказал ему Панчен-лама.

Баяна казачий атаман не тронул, да и вины тайши не было – когда человек между двумя кострами оказывается, то поневоле один из них своими языками опалит.

И провести Шубина многого стоило – Тункинский волк сам отличался завидной хитростью, как говорят сами же русские, что такому человеку не стоит класть палец в рот, мигом откусит.

Атаман, как и ожидал Булат, бросился за ними в погоню, опоздав на сутки. И как ни петлял

отряд цириков в степи, на третьи сутки казаки стали настигать похитителей.

Вот тогда Булат, как и задумал ранее, отрядил пятерых самых лучших нукеров с двумя плененными «мангусами» идти до самой Даурии, где властвовал Черный барон Унгерн, которого многие ламы втихомолку уже стали именовать земным воплощением кровожадного бога войны Сульде.

Отряд ушел по руслу реки, и вода смыла следы копыт, а сам Булат, задержавшись на месте, пошел в другом направлении, с двадцатью цириками и связанным казаком Лифантьевым.

Последнего все монголы не без основания опасались – пока вязали ночью безоружного казака, станичник ухитрился двоих нукеров изувечить голыми руками и вырвал саблю. Пришлось ударить по голове и, только оглушив, связать.

Шубин обманулся, не заметив подвоха, и бросился за уходящими на юг монголами. Бешеная скачка длилась еще три дня, и лишь только тогда Булат решил прекратить склоку, которая могла перерасти в кровавый бой. Лифантьева оставили в первом встречном стойбище, и Булат щедро наделил его за обиду доброй горстью золота.

С болью в сердце он оставил один из двух ручных пулеметов «Льюиса», добытых год назад у китайцев, добавив к нему непочатый цинк патронов.

С черной желчью, разлившейся по всем жилам, оставлял он это грозное оружие, но деваться было некуда: Панчен-лама, как всегда, оказался прав – война с казаками была абсолютно не нужна, а потому подарок должен быть именно таким, со значением.

И вот Доржи принес радостную весть – атаман намек понял правильно, пулемет с патронами забрал и увел казаков на свою заимку. Войны не будет, и кровь не прольется.

Что ж, теперь, даже если Шубин отправит своих лучших людей на самых быстрых конях в Даурию, то они просто не успеют – попавшие с иного мира «мангусы» уже будут далеко, отправившись за «широкую воду», куда так стремились.

Иначе поступить было нельзя, и убить их тем более – потому что духи начнут терзать тогда весь его народ. Еще хуже будет, если новоявленному Сульде казаки их доставят, то будет горе многим. Но если эти двое оживших «мангусов» сами явятся, в одиночестве, то несчастье падет только на их головы и никого не затронет...

– Ратуйте, православные!

Дикий крик Родиона пригвоздил Пасюка к месту, словно десятидюймовыми гвоздями. От изумления бывший станичный атаман впал в столбняк, такой прыти Александр никак не ожидал от своего незадачливого молодого друга. И тут же события перед его глазами замелькали с калейдоскопической быстротой.

– Чехи красным адмирала Колчака сдали! Предатели России! И сто миллионов рублей себе заграбастали! Вот они, монеты!

На сбегавшихся со всех сторон казаков мелкими каплями упал золотой дождик. И колыхнулась толпа станичников знакомым с детства гулом, в котором Пасюк даже расслышал, как наваждение, хриплый голос попугая капитана Флинта – «пиастры, пиастры».

– Золото!

– Империялы!

Возбуждение на станции нарастало с геометрической прогрессией, и так быстро, что первая стадия «золотой лихорадки» моментально сменилось второй, на которую станичников стал науськивать его молодой беснующийся друг своими громкими воплями.

– Вон два вагона стоят! Они нашим золотом под завязку набиты, станичники! Возвратим России награбленное! Побьем схизматиков проклятых всем миром! И золото наше!

Пасюк опомнился, ощутив всем своим естеством, насколько накалилась обстановка на станции. Казаки срывали с плеч винтовки, глаза безумные, со знакомым желтым блеском.

Однако и чехи оказались не лыком шиты, вояки битые, опытные. «Братушки» живо попрыгали обратно в вагоны и оттуда стали высовываться хищные и тупые пулеметные рыльца «максимов», а также длинные стволы винтовок. Союзнический эшелон готовился принять последний бой, и всячески демонстрировал эту свою готовность.

Однако полученный эффект от грозных военных приготовлений оказался совершенно противоположным.

– Вот видите, станичники, как они за наше золотишко уцепились?! Да каждому из нас по пуду достанется, никак не меньше! Берем добро на шашку, казаки! Продуваем!

«Вот бес красноречивый!» – с нескрываемым восхищением и страхом подумал Пасюк, отчетливо понимая, что сейчас на станции пойдет не бой, а взаимная бойня. Его не прельщало оказаться прямо в эпицентре, ведь чешские пулеметы просто выкосят сбегавшихся со всех сторон казаков.

– Заряжай! Выводи на прямую наводку!

Пасюк бросил взгляд на дальнюю казарму, откуда донесся звучный командирский голос. Увиденное его напугало и обрадовало одновременно – с десятков казаков шустро разворачивали трехдюймовую пушку, направляя ее длинный ствол прямо на вагон, с которого торчали два пулеметных ствола. Еще несколько артиллеристов живо волокли к орудию два зеленых снаряженных ящика.

– Твою мать! Так убить не за грош могут! Нет, господа-товарищи, гей-славяне долбаные, я в такие игры не забавляюсь!

Конвоиры пропали, Александра никто не держал, и он решил улепетывать подальше, прихватив с собою своего красноречивого друга – вот только тот уже куда-то исчез.

Наверняка Артемов быстро сообразил, что может начаться, и по своей натуре стал спасать самую дорогую для себя вещь – свою собственную задницу.

А вот казаки имели совершенно иное мнение, живо рассыпаясь и, залегая, громко

передергивая затворы снятых винтовок. Из окна казарм тоже стали высовываться пулеметные стволы, обещая чехам фатальные неприятности – стенки вагонов и теплушек будут изрешечены за минуту, да еще разбиты фугасными снарядами в упор.

Хотя и станичников поляжет немало – казаки лежали открыто, и их просто выкосят пулеметным огнем.

– Щас начнется!

Поняв, что промедление смерти подобно, Пасюк мелкими шагами стал осторожно продвигаться к ближайшему зданию, как был пригвожден к месту звучным и властным голосом, в котором явственно слышалась нешуточная угроза и жестокость:

– Кто выстрелит, собакам скормлю!

Родион Артемов

Генерал в синем монгольском таарлыке, с галунными золотыми погонами был низкого роста, но держался так властно, крепко сжимая в руке ташур, что казалось, что он выше всех на голову.

Таких пронзительно-синих ледяных глаз, в которых плескалась черная водица жестокости и безумия, Родион еще ни разу не видел в жизни, они произвели на него жуткое впечатление. Впрочем, не только на него одного.

Нездоровая предбоевая суeta на станции прекратилась, словно по мановению волшебной палочки. Сбежавшиеся со всех сторон казаки опомнились и стали изображать из себя случайных прохожих, спешащих по своим делам.

Перрон мгновенно опустел, на нем остались только подошедший генерал со свитой, цепочка охранников да неизвестно откуда взявшиеся конвоиры, которые встали рядышком с ним и Пасюком.

Дверь вагона открылась и на платформу прыгнул чешский офицер, четко козырнувший генералу. Тот в ответ на приветствие нахмурился:

– Что это вы за балаган здесь устроили, капитан?!

– То большевицкие агитаторы постарались, ваше превосходительство! Вот он один из них, по дороге в наш вагон попросился!

– Я коллежский регистратор Артемов...

Родион сделал шаг вперед, но тут же был ухвачен за руки двумя казаками конвоя, что пришли с генералом. Только сейчас Родион заметил на их погонах странный синий значок, похожий на перевернутую свастику.

«А это что за фашисты?» – мелькнула мысль и тут же пропала. Он понял, что этот генерал и есть знаменитый барон Унгерн, прозванный Даурским вороном. Пощады от такого не дождешься, нужно было срочно выдумать такое, что может спасти жизнь.

– Я музыкант, получил направление в Иркутский гарнизон... А там приписали к Иркутскому казачьему полку, хотя по штату капельмейстер не полагается, ваше превосходительство!

– Не полагается! – после короткой паузы согласился с ним барон, уставившись на Артемова своим удавьиными глазами – Родиону пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы выдержать этот взгляд.

– Бурдуковского ко мне!

Один из казаков стремительно бросился выполнять приказ остзейского барона, а тот повернулся к давешнему хорунжему, что сразу же стал преданно «поедать» глазами генерала.

– Я отдавал приказ не пить водку?!

– Виноват, ваше превосходительство!

Офицер посерел лицом и съехался чуть ли не вдвое, так, по крайней мере, показалось Родиону. Неожиданно Унгерн нанес удар ташуром, крепким монгольским посохом, прямо в лицо провинившегося, да так сильно, что сразу же брызнула кровь. И тут же последовал второй удар прямо по голове – хорунжий даже не пытался защищаться, стоически восприняв наказание, а барон продолжал избивать палкой, не выказывая ни капли эмоций, словно крестьянин, молотящий зерно.

– Хватит с тебя!

Унгерн удержал палку в руке, прервав экзекуцию и тихим голосом, более похожим на шипение змеи, произнес:

– Следующий раз расстреляю. Идите!

– Виноват, ваше превосходительство! Больше не повторится! – радостно гаркнул избитый в кровь офицер и тут же дематериализовался, словно джинн из бутылки, а генерал повернулся к подошедшему старшему уряднику, лет тридцати, с угловатым лицом и закрученными усами.

– Говорит, что приписан к твоему полку, Семен!

– Не знаю такого, ваше превосходительство. Я ведь в декабре семнадцатого уехал из Иркутска с атаманом Семеновым!

– Так спроси что-нибудь?

– Сейчас, – урядник повернулся к Артемову. – Скажи, господин хороший, на какой улице сейчас казармы полка стоят?

– На Красноказачьей! – с ходу ответил Артемов и тут же исправился, видя, как изменился в лице от его случайной оговорки урядник. – Большевики уже ее переименовали!

– А коновязи у казарм второй сотни стоят или третьей?

– У третьей, – без раздумья брякнул Родион, здраво рассудив, что лошадей посредине вряд ли держать будут.

– Верно, – улыбнулся Бурдуковский. – А скажи, в какую церковь ходят казаки на службу?

– В Харлампиевскую!

Ответ Артемова был мгновенным: из всех старинных церквей Иркутска только в ней, а именно там венчался адмирал Колчак еще в лейтенантском чине, он часто видел казаков.

– Верно, – усмехнулся урядник и повернулся к Унгерну. – Все верно, казачок он засланный. Коновязи за плацем, а не возле казарм, а в Харлампиевскую церковь через полгорода добираться, у нас всегда в Успенскую ходили, она войсковая.

– В контрразведку агитаторов, – ровным голосом, без малейшего признака гнева бросил Унгерн и, повернувшись, пошел к казармам. Конвоиры теперь заломали Артемова качественно, до боли, как и его старшего товарища.

Но тут, неожиданно для всех, чешский офицер подошел к Пасюку, уважительно поднеся ладонь к козырьку кепи, и негромко произнес:

– Достойны уважения люди, что пытаются спасти своих друзей ценой собственной жизни! И да будут презренны те, кто знает, что его шкуре ничего не грозит, но совершают предательство!

И тут Артемов отвел глаза в сторону, встретившись с горящим взглядом Пасюка, и впервые в жизни от жгучего стыда он был готов провалиться на месте...

Нукер Хубсугульского дацана Булат-батыр

Булат дернул поводья, и конь перешел на быстрый шаг. Он огляделся: впереди на фоне еще пока серых, но начинающих оживать пробивающимися красками молодой зелени, холмов

блеснула ослепительной белизной яркая точка – субурган, один из четырех Хубсугульских субурганов, расставленных по сторонам света вокруг дацана.

До субургана было еще ехать и ехать, но вид его вдохновил Булата, и он ткнул коня в бока пятками. Однако его добрый жеребец Тургэн, выигранный им на прошлом обоной тахилга, и так, словно почуяв близость жилища, перешел на ходкую рысь, а, затем, в галоп.

Этого прекрасного коня он не продал бы и за сотню монет: казаки только приценивались и охали, хлопая по высокой холке рысака. Соплеменники же завистливо щурились, оглядывая стати и прикидывая, сколько овса уйдет на прокорм – не чета низкорослым мохнатым мунгалкам, тебенюющим жухлую степную траву даже из-под толстого наста.

– Урагшаа, Тургэн! Урагшаа-а-а...

Выбивающаяся из-под копыт пыль заглушила голос Булата, унесшегося далеко вперед от трех, сопровождавших его нукеров.

Опьяненный дыханием просыпающейся степи, запахом родного конского пота, чувством единения с прекрасным сильным животным, Булат, зажмурившись, подставил лицо навстречу ветру:

– И-ей! И-и-и-ей!!! Урагшаа! Вперед!!!

Издали возник нарушающий монотонный степной пейзаж дацан с белоснежными стенами и блестящими на солнце золочеными крышами храмов.

Булат объехал побеленную кирпичную ограду, правильный прямоугольник, в углах которого на высоких шестах развевались дарцоки – разноцветные лоскуты материи с начертанными на них текстами, призванные отгонять злые силы от территории монастыря.

Затем он миновал парадные красные ворота с изображением золотых драконов и длинный ряд молитвенных барабанов маниин-хурдэ, отполированных до блеска ладонями многочисленных паломников.

Его уже ждали: у хозяйственных ворот стоял один из хуvaraков Панчен-ламы, которому Булат, спешившись, бросил поводья:

– Передай хамбо-эсэгу, что я все выполнил!

Прислужник молча поклонился и увел коня, а Булат поднял глаза к небу, желая прочесть благодарственную молитву за удачное возвращение, и увидел на ясном ярко-синем небе красивое облако, напоминавшее оскалившего огромную пасть то ли пса, то ли волка.

Облако висело прямо над ганджиром, золоченой сужающейся вверх башенкой, наполненной листами бумаги, исписанными заклинаниями-мани, но постепенно стало растворяться, уносясь легкой дымкой на восток.

«И-ей! Это – добрый знак!»

Дуновения легкого ветерка разносили по территории дацана легкий аромат воскуриваемого на жертвеннике можжевельника и мелодичный серебристый звон развешенных всюду маленьких колокольчиков.

Чисто выметенная дорожка привела Булата к его келье, небольшой комнатке в длинном доме на сваях, в котором жили простые ламы и нукеры из охраны дацана. Ламы рангом повыше жили в отдельных домиках с маленьким внутренним двориком.

«Давно ли я жил вместе с прислужниками и учениками? Спал в общей комнате на циновке? Давно ли надо мной насмеялись остальные нукеры только потому, что они монголы, а я – бурят? Ничего! Скоро и я буду жить в отдельном доме! Биликто хамбо-батыр совсем плох, а заменить его смогу только я!»

Маленькая, с небольшим темным окошечком, комнатка, выкрашенная желто-белой штукатуркой, была прибрана и хорошо протоплена.

«Хамбо-эсэг меня ждал! – удовлетворенно подумал Булат и тяжело опустился на табуретку,

являвшуюся единственным предметом мебели кроме грубо сколоченного стола и деревянного топчана, убранного цветными циновками. – Только вот понял ли я до конца свою карму? Не послушная ли я игрушка в руках хамбо-эсэга, который, словно, ураган, гонит меня по степи? И-ей! Истинная правда! Он мудр, словно Цаган убугун, Белый старец, и так же могущественен: я еще не подумал, а он уже знает, что я буду делать...»

Стянув грязную одежду, Булат скинул ее в углу. Он знал, что как только он уйдет, хуварак заберет ее для стирки: таково распоряжение самого Панчен-ламы – Булат-батыр теперь его порученец, собственный поверенный в делах.

Особенно четко это стало заметно сегодня, когда он приехал: и ждущий прислужник, и многие ламы, которые раньше проходили мимо, не замечая молодого молчаливого нукера, услужливо уступали ему дорогу и кланялись.

«И-ей! Я стану хамбо-батыром, нужно только подождать! Я выполнил задание, и теперь моя карма связана с кармой хамбо-эсэга, ведь это он меня послал туда! А его карма – это великая карма, возможно, и на меня падет ее сияние! Только не испортил ли я свою карму от общения с теми? Придется мне воскурить благовония и провести хуралы для очищения от скверны! А возможно, хамбо-эсэг приказал уже это для меня сделать? Однако, – память снова вернула его в недалекое прошлое, – как странны эти люди – айдагууй и налдагууй, так я их назову, когда предстану перед хамбо-эсэгом!»

Булат машинально провел по лоскутному одеялу, лежащему на низком топчане, убирая невидимые морщинки, и почувствовал под рукой твердое.

Ладонь мгновенно угадала очертания оружия. Так и есть! Он откинул одеяло. Словно молния поразила его, ослепляя, и он еле сдержался: сабля в богато украшенных золотом и костью ножнах тускло блеснула в скупом свете, падавшем из слюдяного окошечка за его спиной.

Булат зажмурился, доверив рукам право первым прикоснуться к драгоценному подарку...

– Хундэтэ!

В дверь постучали, но Булат, словно находился в ожившем наяву сне, и этот стук показался ему таким далеким, словно угасающее эхо в горах.

– Хундэтэ! Уважаемый!

Настойчивый стук усилился, и Булат с трудом вернулся к действительности:

– И-ей! Иду! Кто там?

– Хундэтэ Булат-батыр!

Худой как палка хуварак склонился в поклоне.

– Хундэтэ Булат-батыр! Панчен хамбо-лама ждет тебя!

– Да, это верно... Завербовали меня давно, еще в Тунке...

Пасюк говорил глухо, с трудом: каждое слово отдавалось жгучей болью – на этот раз отделили его не просто капитально, а превратили в вопящий клубок истерзанной плоти. Теперь он понял, все, что было с ними раньше, не более чем цветочки, а теперь пришлось вкусить и ягодки.

– И отправил тебя сюда Либерман выполнять приказ начальника Иркутской губчека Бермана!

– Да, меня отправил сюда Либерман выполнять приказ начальника Иркутской губчека Бермана... – как эхо повторил Пасюк, вот только скопировать самодовольный голос начальника контрразведки полковника Сипайлова, видом с вонючего хорька и повадками голодной крысы, он не смог.

Больно было до жути, и Александр отчетливо понимал, что если тихо сидящий в стороне китаец, профессиональный палач с невозмутимостью самого камня снова начнет над ним «трудиться, то он просто сойдет с ума, а потому он избрал единственную тактику – охотно соглашался во всем с полковником.

– И ты должен был привлечь к мятежу сотника Воротникова, хорунжего Сизыха и тех казаков, что давно были ими завербованы?!

– Давние они агенты ЧК, сволочи красные. И сотник Воротников, и хорунжий Сизых, и казаки, что давно предаться большевикам решились...

Слова слетали с разбитых губ легко, только болело тело. Угрызений совести в том, что он фактически своими показаниями губит не один десяток людей, у него не было – так и так Сипайлов их убьет, а его показания дело десятое и большой роли не играют.

Найдутся и другие – два часа назад надрывно кричал где-то рядом бедняга Артемов, даже сквозь кирпичные стены доносились животные вопли истязаемого насмерть человека.

Но сейчас стало спокойно и тихо, как и здесь – там, а он мог поспорить в том на что угодно, тоже пошел процесс «чистосердечного раскаяния и добровольной помощи следствию».

Еще бы не признаться!

Вряд ли с таким огоньком даже лучшие палачи из ЧК трудились – сам Пасюк продержался едва полчаса, доведенный пыткой до умоисступления. Куда там катам Ежова или Берии...

– Вот и хорошо, что ты такой понятливый. И зачем упирался, муку терпел? Дурашка!

Теперь Сипайлов изображал из себя доброго папика, которому бы он со всей сыновней ласкою вонзил бы осиновый кол в грудь. И с полным удовольствием!

В свое время Александр захлеб прочитал романы Константина Седых – в «Отчем крае» тот описал этого Сипайлова, как ему тогда показалось, исключительно черными красками.

Тогда Пасюк решил, что писатель выполнял политический заказ и сгустил цветовую гамму, но сейчас он осознал со всей отчетливостью, что оказался прав – кривил душою уважаемый автор, еще как кривил, в розовых тонах этого законченного упыря описал, коего даже мерзавцем назвать язык не повернется.

Да и он сам бы не поверил, сославшись на ложь большевицкой пропаганды, пока на собственной шкуре не испытал, кто такой этот подручный Унгерна. С такой сволочью, что носила полковничьи погоны на плечах, победить Белое движение не могло ни при каком, пусть даже наимудрейшем главнокомандующем...

– Золотишко у тебя откуда? Да еще с полфунта монетами, что собрали. Только не ври мне, что монгол вам с коня мешочек бросил!

«Вот и вся идейность их высокоблагородия! – мысленно усмехнулся Пасюк. – Детишкам на молочишко набрать, да за «бугор» удрать. Пададь! А меня с Родей в «расход»... Погоди, погоди, а ведь на этом можно и сыграть!!! Алчность завсегда пороком являлось!»

– Что молчишь-то?! Золотишко у тебя откуда? Язык проглотил?! Так обратно вытащим!

– Монгол в мешочке бросил, – усмехнулся Пасюк, с удовольствием видя, как наливается краской крысиная физиономия Сипайлова, однако затягивать удовольствие не стоило – руки и ноги связаны, а китаец снова стал приближаться к нему мелкими шажками.

– Монгол бросил, тут парень не лгал! – он пожал плечами, демонстрируя спокойствие: страх внутри отступил – за жизнь можно и нужно побороться. – Юноша просто ничего так и не понял. А золота было почти на четыре фунта – половину забрал у меня капитан, а другую разбросали казакам.

– Четыре фунта?! – лицо Сипайлова покрылось дивными багровыми пятнами – было видно, что его давит «жаба», и Пасюк решил «ковать железо», пока оно горячо.

– Это из тех турсунов, что дал мне Панчен-лама, там было пудов семь... – Александр говорил глухо, демонстративно через силу, будто выдавливая из себя слова.

– Семь пудов?!

На полковника было невозможно смотреть без смеха, но сейчас было нельзя показать даже тени улыбки.

«Процесс пошел, как любил приговаривать последний генсек КПСС. Клюет рыбка, клюет! Главное, не переборщить, он же – бдительная сука, может и подвох заподозрить!»

Легенда счастливо приобретенного золота выстраивалась в мозгу стремительно, толстой стенкой, кирпичик к кирпичику. Вот только излагать ее Пасюк не собирался, он готовился перетерпеть жуткую боль, дабы потом показать, что только под ее натиском «выдал» Сипайлову легенду о золоте, лежащем грудями в таинственной пещере у одного из дацанов. И хрен кто, кроме него, туда отвести может...

– Что у тебя?!

Голос вошедшего в камеру Унгерна прогремел подобно грому. Сипайлов и Пасюк вздрогнули одновременно. Генерал, не дожидаясь ответа, взял со стола листки с «показаниями» и быстро пробежался по ним глазами. Лицо его оставалось недвижимым, только в глазах ярче разгорелось пламя безумной жестокости.

– Бурдуковский! Этих агитаторов сейчас же закопать с жидами вместе. А ты немедленно арестуешь всех перечисленных!

Отдав приказ начальнику контрразведки, барон вышел столь же стремительно, как и появился. Однако в камере остался давешний урядник с двумя казаками его личного конвоя, подхватившие Пасюка под руки – приказы Унгерна выполнялись незамедлительно!

Единственное, что успел сделать Александр, – перехватить взгляд Сипайлова, направленный в спину генерала – жуткая смесь лютого разочарования и дикой злобы...

Родион Артемов

– Ты не бойся, Родя, будет больно, а потом все...

Голос Пасюка доносился тихим журчанием ручейка. Если бы не это, то Артемов бы уже сошел с ума, бесповоротно.

Вот только ответить ему Родион не мог – изувер барон, чтоб его в аду на сковородке жарили, приказал пришить язык к губе. А потому несчастный парень сейчас мог только мычать, но и этого он не делал из-за страха быть услышанным теми, кто сюда уже прибежал на поживу и кровавое пиршество.

Ночь была полна необычайных звуков, ледящих кровь в жилах. Хорошо слышался скулеж и повизгивание, но не испуганное, а жуткое в своей кровожадности, словно плач детей, причем не страшщихся чего-либо, а упыриный, в котором звучало одно яростное вождение.

И от этого все его тело, закопанное по шею в холодную землю, крепко стиснутое ремнями, покрывалось мурашками.

Из темноты, совсем рядышком доносилось хриплое пение на незнакомом языке – идиш или иврит – этого Родион не знал. На соседнем пригорке унгерновские палачи закопали целое семейство евреев, пойманных и истерзанных.

Старики-родители, которых Артемов плохо разглядел, так как от боли глаза постоянно слезились, их дочь, или, скорее внучка, совсем молоденькая, истерзанная, зверски изнасилованная – она еле передвигала ноги, идя к месту казни, сопровождаемая гнусным смехом казачков, делящихся между собою мерзкими комментариями.

Сейчас он ненавидел их до ломоты зубов! Люто! И проклинал тот день и час, когда сам нацепил лампасы по дурости в поисках своего места в той России. В дерьмо добровольно залез...

– Ты не осуждай их! – Пасюк словно прочитал его мысли. – Война жестокая вещь, а гражданская вдвойне лютая. Ты видел все ее стороны – жалости тут не ведают. А мы с тобою на этом кровавом пиршестве всего лишь пища, а не едоки. Не нужны в этом мире, отринул он нас...

Сейчас Артемов высказал бы Пасюку все, что думает по данному поводу, вот только промолчал, даже не замычал, впервые в жизни понимая, как чувствует себя загнанная лошадь, которой пасть разорвали железом. А Пасюк продолжал тихо говорить, как бы успокаивая и его, и себя:

– Испытание нам дано, Родя, в наказание и во искупление. И м дано! Вот и мучаемся сейчас, потому что болтались в той жизни, как дерьмо в проруби... Жить нужно, а не выжидать момент, когда хавку послаще дадут... Ну ничего, завтра мы снова проснемся в сарае, буран пройдет...

Родион заморгал глазами, стараясь смахнуть выступившие на них слезы. Сердце яростно забилося в груди. Неужто?!

– Так и будет, Родя. Отринет нас этот мир, через боль и отринет. А с осуждением ты не торопись – Он специально дал нам взглянуть на эту вакханалию! Ты хочешь, чтоб такое и у нас было?! Теперь понимаешь, к чему призывает безответственная сволочь, что с некоторыми нашими атаманами спелась?! Им только властвовать, а более ничего не интересуется. А мы этих краснобаев слушали, развесив уши! Вот она атаманщина, прямо перед глазами – бесноватый упырь – немец, новоявленный спаситель Отечества...

Пасюк не договорил, прерванный диким женским визгом. Судя по голосу, кричала девчонка, но от страха, а не от боли. И тут же донесся радостный скулеж, в котором слышались требовательные нотки. И вой, пронзительный, выматывающий душу вой...

– А-й-я-яй!!!

Полные животной боли крики заживо поедаемых людей почти остановили сердце в груди. Родиона затрясло как в лихорадке, по щекам потекли горячие слезы. Скоро ночные упыри явятся и за ними, будет больно, очень больно, как этим несчастным людям, вся вина которых лишь в том, что они евреи.

Но потом все пройдет, и он снова очутится в своем мире, в теплой постели, и проснется от милого голоса матери и запаха горячей, только что вынутой из духовки запеканки. А в мозгу сами выступили слова, которые он однажды слышал:

«Прости им, ибо не ведают, что творят!»

Словно и не было этих странных, страшных, длинных и стремительных дней, которые пролетели как один миг: в небольшой комнате, покрытой коврами и священными полотнищами на стенах, кроме Панчен-ламы никого не было. Старик сидел на корточках спиной к двери.

– Агууехэ-батыр, приветствую тебя!

Голос Панчен-ламы, казалось, раздавался внутри головы Булата.

– Вы называете меня чужим именем, эсэг! – Булат, проклиная себя за свою сегодняшнюю спесь и гордыню, поклонился самым низким поклоном, смиренно присел напротив старого ламы, сложив под себя ноги, и склонил голову. – Я не Великий Воин, я ваш верный пес, хотошо нохой!

Сухие сморщенные губы растянулись в подобие улыбки, но Булат ее не увидел.

– Ты сменил зубы, хотошо нохой! Хорошо! – только после этих слов Булат посмел взглянуть в лицо старика.

– Рассказывай!

Булат закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями, и начал, было, говорить, но тихий голос перебил его:

– Тебе не понравился мой подарок?

Рука Булата судорожно дернулась, словно сжала рукоять сабли.

– Нет, эсэг! Я... Я потрясен вашим подарком! Я, – он замялся, сглотнул подступивший к горлу ком и проговорил тише, – я не достоин этого клинка!

– Ты сменил зубы, хотошо нохой! – Старик удовлетворенно покачал головой. – Щенок вырос в волкодава... Хуварак доложил мне, что унес ножны назад в сокровищницу... Хорошо! – Он еще раз покачал головой, глядя на потрясенного нукера.

«Откуда он узнал, что я сменил ножны?! Прислужник никак не мог успеть попасть к нему раньше меня!»

– Я знал, что ты оценишь великий клинок и отбросишь, как ненужную шелуху, презренные драгоценности и золото! – Старик пошевелил правой рукой, и двери комнаты распахнулись.

Тот же хуварак, что привел Булата к Панчен-ламе, осторожно, словно великую драгоценность, внес на вытянутых руках сверток, положил его между сидящими на пол и так же бесшумно удалился.

– Разверни!

Булат достал клинок, который он в своей комнате только успел вложить в старые ножны своей сабли, как за ним пришли.

– Старинный... – Старик прикрыл глаза. – Ему больше семиста лет! Кто знает, может, храбрый Темучин держал его в своих руках? Он долго ждал своего часа...

– Достоин ли я его?

– Он сам решит! Если ученик готов, учитель приходит... Когда нашли его в одном из курганов хунну, от него остался только клинок, а все остальное истлело: и ножны, и рукоять. Долго он хранился в новых, богатейших, ножнах, которые были специально изготовлены для него по праву, но все равно были недостойны его... Ты же, не задумываясь, сменил их на простые... Скажи мне, зачем ты это сделал?

Булат, помедлив, начал:

– Когда я провожал с нукерами тех людей, чужаков, за которыми ты, эсэг, меня послал, я удивился: их внешняя оболочка, которая внезапно открылась мне, не соответствовала их сущности! Нет, это были не мангусы, искусно принимающие вид людей, но ими не являющиеся, но это были и не люди, которых я привык видеть вокруг себя...

Он замолчал, собираясь с мыслями:

– Я закрыл глаза и увидел их внутреннюю суть! Как и этот клинок! – Булат с нежностью тронул холодную серебристую сталь. – Его внутренняя суть в самом клинке, а не в богатых ножнах, поэтому я поспешил овладеть клинком, неважно в какие ножны он вложен, ведь достоинство лошади не в седле!

Нукер взглянул на старика – тот был неподвижен и, казалось, не слышит его, однако Булат продолжил:

– Неважно, какие поступки они совершают и какие слова говорят, один из этих двоих, айдагууй, бесстрашный, другой, налдагууй, безнадежный...

– Хун-шоно призвал их! – Панчен-лама сложил пальцы в отгоняющую нечистого дигдзуб-мудру, а Булат при упоминании атамана Шубина вздрогнул.

– Разве Человек-волк смог такое сделать, эсэг, он же христианин?

– Отдайте Богу Богово, а кесарю кесарево! – от непривычной латыни Булат поморщился. – Христианин в нем едет на одном коне, бурят на другом... Его сила в том, что эти кони не тянут его в разные стороны, а везут один воз!

– Но как же это возможно?

– Великий Круговорот жизни не остановится никогда: мы, словно песчинки, будем падать на жернова времени, которые перемололи уже многие народы, оставив только их названия... Порой и названий не оставалось...

Старик медленно взял саблю в одну руку, а ножны в другую и вытянул их перед собой. Булату на миг показалось, что металл перевесит сухонькое тело, как вдруг Панчен-лама, совершив молниеносное, неуловимое взгляду движение, соединил их с коротким оглушительным звоном в единое целое и положил их снова на циновку, удовлетворенно качнув головой.

– Когда начинали расспрашивать стариков о прошлых временах, – он невозмутимо продолжил, а Булат едва оторвал замороженный взгляд от все еще казалось, звеневшей сабли, – то они рассказывали о Волке-отце, которого одни называли Бури-шоно, а другие Борте-чино. Многие бурятские роды ведут свое начало от Серого Волка, Волка-отца, Бури-хана, или еще, как его называли – Бури-ата... Мы – буряты, дети Волка!

Булат пораженно молчал, не найдя слов ни возразить, ни спросить о чем-либо еще Панчен-ламу. Старик тоже замолчал, и надолго.

– Так, выходит, – Булат осторожно заговорил, – Бури-хан призвал через атамана Шубина их? Но для чего и как?

– Как? Помнишь буран?

– Да! – Булат с пониманием кивнул. – Только как Бурхан мог забрать их сюда, они же христиане, их Бог должен был защитить их?

– Не приставляй голову собаки к овце! Носить на шее крест и быть христианином не одно и то же! – Старик раздвинул морщинистые губы в улыбке. – Хотя сейчас, я думаю, они вспомнят о своем Боге! А Хун-шоно лишь сосуд, христианская часть которого вмещает в себя страдающую от невыносимой боли христианскую душу! Но кровь-то никуда не денешь, хондогорские корни зовут его, он не слышит еще этот зов, но сердцем чувствует! Также он чувствует и свою карму, которая поддерживает его и придает сил, могущество Рода, могущество родной Земли... Великий и славный он нукер, только такие, кого избрал, по их воле или нет, Сульдэ после войны становятся ненужными: волка не поставишь пасти отару! Он уже знает, что должен принести страшную жертву, чтобы очистить и себя, и свой род!

– Но своей смертью он не остановит врага! – Булат гневно сжал кулаки. – Нужно было привезти чужаков сюда, чтобы они все рассказали! И он должен использовать те знания, что

принесли чужаки, чтобы спастись...

– Оставь ему его карму, хотоши нохой! – старик покачал головой. – И им оставь их карму! Им не вернуться уже в свой мир, ведь Волк никогда не оставляет свою добычу! Теперь уже никто не в силах изменить предначертанное, только время покажет, не промахнулся ли Волк в своем броске, ведь даже Будда, если он из глины, не уцелеет, переходя реку вброд...